

STUDIA SLAVICA
XIII

Таллинский университет
Институт славянских языков и культур

STUDIA SLAVICA

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ МОЛОДЫХ
ФИЛОЛОГОВ

XIII

Таллин 2015

STUDIA SLAVICA XIII

Сборник научных трудов молодых филологов

Редакционная коллегия:

В.Е. Багно (С.-Петербург)
Р.С. Войтехович (Тарту)
С.Н. Доценко (Таллин)
Е.В. Душечкина (С.-Петербург)
В.А. Ефремов (С.-Петербург)
Г. Карпи (Пиза)
Д. Кенанов (Велико-Тырново)
М.А. Кронгауз (Москва)
Н.А. Нечунаева (Таллин)
Е.Н. Ремчукова (Москва)
А.Б. Рогачевский (Тромсё)

Ответственные редакторы:

Антон Кюналь (литературоведение)
Инна Адамсон (лингвистика)

Редакторы:

Татьяна Боева, Елена Земскова, Анна Рубцова (литературоведение)
Алсу Валиева, Мария Последова, Ксения Петкова, Екатерина Багракова,
Ирена Хапонен, Анна Ушакова (лингвистика)

Таллинский университет

Институт славянских языков и культур
Нарвское шоссе, 25 10120 Таллин Эстония

Авторское право: Антон Кюналь, Инна Адамсон (составители) и авторы статей, 2015

Авторское право: Институт славянских языков и культур Таллинского университета, 2015

ISSN 1406-8990

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Петр Будрин (Москва)
Лоренс Стерн и «философия простоты» Ивана Мартынова 10
- Игорь Кравчук (С.-Петербург)
«...И я не гений?»:
Молодой Достоевский и «умственная аристократия» петрашевцев 27
- Александра Чабан (Тарту)
Рецензия Г. Чулкова на журнал «Весы» («Аполлон» 1910, №7):
Предпосылки и последствия 43
- Ксения Панас (Краков)
О некоторых точках зрения на проблему формы и содержания
в творчестве Велимира Хлебникова 54
- Наталья Михаленко (Москва)
Оппозиция «ВРАГ – ГЕРОЙ» в военных лубках В.В. Маяковского 65
- Александр Гончаренко (Краснодар)
Учение Н.Ф. Федорова
в эстетико-лингвистической концепции А.Н. Чичерина 80
- Анна Рубцова (Таллин)
«Я, я, я, что за дикое слово! неужели вот тот – это я»:
О коэффициенте эгоцентризма в творчестве Вл. Ходасевича 92
- Татьяна Боева (Таллин)
Пустота пустот, или почти полный Пелевин 104

ЛИНГВИСТИКА

- Людмила Адясова (Нижний Новгород)
Морбиальная метафора в концептуальном представлении
СССР в постсоветском медиадискурсе 123
- Кирилл Березовский (С.-Петербург)
Гендерный стереотип мужчины-хвастуна:
иноязычные вербализаторы и семантическое своеобразие 134
- Александра Брыкова (С.-Петербург)
Классифицирующая функция обращения
в детском журнале «Чиж» (1930–1941 гг.) 141
- Лариса Василенкова (С.-Петербург)
Функционирование итальянизмов в русской
художественной и эпистолярной прозе 1-й половины XIX века
(на примере повести Н.В. Гоголя «Рим», «Писем из Франции
и Италии» А.И. Герцена, путевых заметок А.А. Иванова
и писем К.П. Брюллова) 151
- Елена Вельман-Омелина (Тарту)
Деловое интернет-общение
как одна из форм деловой коммуникации 164
- Татьяна Верховцева (С.-Петербург)
Функционирование дублетных акцентологических форм
в контекстах разного типа (на материале имен существительных) ... 172
- Анастасия Гавриленко (С.-Петербург)
Паремиологический шах,
или для чего употребляются пословицы и поговорки 178
- Ирина Герасимова (Волгоград)
Церковнославянизмы как текстообразующие конститутенты
региональных деловых документов XVIII в. 191

Pavel Glazko (Minsk) The use of semantic structure for media texts differentiation	201
Вера Данилова (С.-Петербург) Динамика этнических стереотипов	210
Ольга Данилова (Петрозаводск) Функционирование однородных сказуемых в памятниках старорусского языка XV–XVI веков	226
Мария Казак (С.-Петербург) Паузы хезитации в спонтанной речи на родном и неродном языках (на материале речи франкофонов) ...	233
Надежда Маджуга (С.-Петербург) Процессы терминологизации и детерминологизации как средство образования синонимико-дублетных форм (на примере анализа функционирования лингвистических терминов «абстрактный» и «отвлеченный»)	239
Надежда Молитвина (Москва) Профессионализмы и термины в литературной рецензии	250
Елена Петренко (С.-Петербург) Аргументация в дискурсе граммар-наци: истинное и ложное	257
Дарья Шершнева (С.-Петербург) Да как лексическая и функциональная единица русской речи	270
Summary.....	279

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛОРЕНС СТЕРН И «ФИЛОСОФИЯ ПРОСТОТЫ» ИВАНА МАРТЫНОВА

Петр Будрин (Москва)

Мода на Стерна пришла в Россию в конце XVIII века и расколола общество на горячих поклонников и не менее ярых противников писателя-священника. В конце XVIII – начале XIX века в России Стерна активно переводили (с английского оригинала, но больше – с французских переводов), вышел сборник «Красоты Стерна, или собрание лучших его Патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь» (М., 1801), а также большое количество подражаний и «псевдо-стерновских» сочинений. Были посмертно изданы проповеди Стерна, названные «Нравоучительными речами и некоторыми нравственными мнениями г. Стерна» (М., 1801), а в университетской типографии Н.И. Новикова – письма Йорика к Элизе (Стерна к его возлюбленной Элизе Дрейпер) с приложением фальшивых «Писем Элизы к Йорику» (М., 1789) (о русском стернианстве XVIII – нач. XIX вв. см.: Маслов 1924, Stewart 2005, Dąbrowska 2006). Переводчики стерновских и «около-стерновских» текстов, начиная с Н.М. Карамзина – сравнительно небольшой круг образованных людей и среди них мы находим Ивана Ивановича Мартынова (1771–1833) – одного из значительных деятелей русского просвещения рубежа XVIII – XIX вв.

Иван Мартынов¹ был частью той группы просвещенного русского общества, которую Ю.М. Лотман назвал «нед-

ворянским лагерем» русской литературы (Лотман 2012: 335). Однако, если Лотман в данном случае говорил о литературной борьбе, то к Мартынову это можно отнести буквально – по происхождению он не был дворянином. Его отец – бедный священник – умер, когда Мартынову было три года. Мать не могла прокормить двух сыновей и ходатайствовала об устройстве их в школу для низших чинов духовенства при Полтавской семинарии. В бурсе И. Мартынов с увлечением учил древние языки и по собственной инициативе также выучил новогреческий, знание которого было редкостью не только в провинции, но и в столице. Мартынову повезло – в это время в Петербурге была реформирована Александро-Невская духовная семинария, куда со всей России начали собирать талантливую церковную молодежь, и был нужен человек, знающий новогреческий. Так Иван Мартынов попал в Петербург. Его однокашником был Михаил Сперанский, тоже сын священника из бедной семьи. Семинаристы получили блестящее образование, их готовили к карьере священников высокого ранга, но к моменту окончания семинарии (1792) Иван Мартынов отказался от духовной карьеры. У него не было ни денег, ни протекции, но, как становится известно из мемуаров, полагаясь на свои таланты и эрудицию, он рискнул остаться в Петербурге, и довольно скоро вошел в круг интеллектуалов той эпохи (см.: Теплова 1965).

Свои первые стихотворные сочинения и переводы Мартынов публиковал в «Санкт-петербургском Меркурии» (1793) – частном журнале И.А. Крылова и А.И. Клушина. Издатели вскоре покинули Петербург, доверив составление и редактирование последних номеров своему молодому сотруднику. Этот опыт не прошел даром – вскоре, в 1796 году, Иван Мартынов начал издавать свой собственный журнал «Муза»².

Повесть Ивана Мартынова «Филон», главы из которой печатались в каждом номере «Музы»³, – это рассказ

о путешествии двух молодых провинциалов из Полтавы в Москву. Многие исследователи писали об отсылках этого сочинения к «Сентиментальному путешествию» Стерна (см.: Маслов 1921, Stewart 2005, Орлов 1976). Известно, что ирония Стерна не так пленяла публику того времени, как вошедшая в моду «чувствительность». Романами Стерна зачитывались, хотя сюжета в обычном понимании в них нет; героям Стерна подражали, несмотря на то, что они не совершают героических поступков и при этом наделены весьма противоречивыми «мнениями». П. Орлов, однако, справедливо заметил, что «Мартынов не отрицал “чувствительности” Стерна, но в отличии от Карамзина <...> высоко оценил комическое дарование английского писателя, которое оказалось созвучным его собственной литературной манере» (Орлов 1976: 174). В повести «Филон» можно заметить характерную графику Стерна – многочисленные тире – а также некоторые черты стернианского юмора, хотя русский язык того времени не очень подходил для переложения прозы этого писателя. Вот, например, как Филон описывает ужин, который ему и его другу Олимпу подали в одном из бедных домов, где им пришлось остановиться по пути:

– Алхимик истощил бы все силы свои по пустому, стараясь разделить их материю на разнорядные части, сказал Олимп.

– Физик нашел бы в сих скалках – указывая на них – удивительный опыт притягательной силы в жидких частицах, и на какое расстояние они друг от друга действуют.

<...>

– Медик в сих щах нашел бы лучшее промывательное...

– Английской Демокрит написал бы об них в двенадцать дюймов главу над главами.

– Английской Гераклит отказал бы нам во всех удовольствиях мира сего, увидев, что мы хлебаем прозрачные, жидкие, горестные – – – щи! (Мартынов 1796, 2: ч. 4, 73).

Учитывая, что первый полный перевод «Сентиментального путешествия» в России появился в 1793 году (Стерново путешествие по Франции и Италии, пер. А. Колмаков, СПб.) – через год после окончания Мартыновым Александрово-Невской духовной академии (Зорин 1994: 533) (а до этого времени Иван Мартынов не владел ни французским, ни английским языком), мы можем смело предположить, что беллетризуя историю своей юношеской поездки в Петербург, автор задним числом изобразил героев повести «стернианцами», цитирующими друг перед другом современную литературу. Впрочем, эта попытка Мартынова в области беллетристики не имела продолжения. Сам он был невысокого мнения о своем писательском даре, а о «Филоне» позже упоминал в мемуарах только в автобиографическом ключе (Мартынов 1872: 74).

Кроме повести «Филон» в журнале Мартынова, который издавался лишь в 1796 году, появилось еще несколько публикаций, связанных с именем Лоренса Стерна. Наиболее значимой из них является статья под названием «Стерн» – биографический очерк об английском писателе. Эта статья, содержащая как верные, так и ошибочные сведения о жизни автора «Тристрама Шенди» и «Сентиментального путешествия», не раз вызывала интерес исследователей. Так, Магдалена Домбровска эпиграфом к своей работе о влиянии Стерна на русскую литературу конца XVIII – начала XIX вв. взяла цитату из журнала Ивана Мартынова (Dąbrowska 2006). Нил Стюарт в диссертации о русском стернианстве приводит многочисленные отрывки из этой статьи, недоумевая, как русский журналист мог узнать столько подробностей о жизни Стерна (Stewart 2005: 188–190). Исследователи уверены, что автором статьи в журнале «Муза» был Иван Мартынов. Поэтому загадочным выглядит то, что ему известен «Политический роман» (1759) – небольшой памфлет, написанный Стерном до «Тристрама Шенди» и посвященный йоркским внутрицерковным распрям. Кроме того, в

этой статье отражены мифы и мистификации, появившиеся в разные годы уже после смерти Стерна.

Как нам удалось выяснить (Будрин 2014), основная часть публикации в журнале «Муза» состоит из дословного перевода французского предисловия к изданной в Париже в 1785 году книге «Nouveau Voyage de Sterne en France». Сама эта книга – своеобразный сборник текстов о Стерне, составленный переводчиком Антуаном Жильбером Гриффе де ла Бёмом. В свою очередь, вступительный биографический очерк де ла Бёма – «La vie de Sterne» – в значительной степени является пересказом предисловия, написанного другим известным переводчиком Стерна – Жаном-Пьером Френэ к изданию «Тристрама Шенди». Френэ, по обычаям переводчиков того времени, весьма вольно относился к оригиналу. В своем предисловии он самодовольно заявлял, что те шутки Стерна, которые показались ему не соответствующими французскому характеру, он заменил своими – и получил за это похвалу от самого Вольтера (Howes 1971: 393). Схожим был подход Френэ и к биографии, которая, в свою очередь, является переводом биографии Стерна, написанной его многолетним другом Джоном Холлом-Стивенсоном, который после смерти прославленного писателя решил заработать, выпустив собственное продолжение неоконченного «Сентиментального путешествия» (именно этой книге и предпослано указанное выше жизнеописание, составленное по просьбе дочери Стерна с большим количеством искаженных «подробностей» о личной жизни Стерна). Если Холл-Стивенсон прямо (во многом стущая краски) писал, что «...разрыв, произошедший между господином Стерном и его женой оценивался по-разному; Дама жаловалась на измены; пребендарий оправдывал это ее характером, который, как он утверждал, был невыносим» (Hall-Stevenson J. 1774: clxxiii; перевод мой – П. Б.), то для француза Френэ такое показалось недопустимым и он внес «моральную правку» в семейную жизнь Стерна. Мартынов

точно переводит этот фрагмент: «Он был женат; но жена его имела столь несходныя с ним нравы, что они принуждены были развестись. Она удалилась в один Французской монастырь» (Мартынов 1796, 1: 20).

Выступая как журналист, желая предоставить читателям «Музы» информацию о жизненном пути знаменитого писателя, Мартынов не только дословно использовал иностранные источники, которые были у него под рукой, но, как мы считаем, выразил свое собственное отношение к Стерну. Именно в этом ключе написана первая, вводная фраза статьи в русском журнале:

«Кто не говорит о Стерне? Кто не любит его? Многие любят его потому, что его читали и знают: но многие также – очень многие по тому только, что видели его в некоторых оттенках его духа. Последние или знают его очень мало, или совсем не знают. – Каков он был? я думаю, жизнь его может некоторым образом удовлетворить сему вопросу; и для сего, собрал я следующие об нем известия, надеясь тем принести удовольствие читателям» (Мартынов 1796, 1: 10).

В 1804–1805 годах Мартынов был редактором и издателем петербургского журнала «Северный вестник» (в 1806 году журнал выходил под названием «Лицей»). В одном из номеров он опубликовал перевод статьи из знаменитого французского журнала *Mercure de France* (2 июня 1803 г.), в которой критик ставит Стерну в укор то, что его проза часто вызывает у читателей желание подражать его героям:

«Стерн был несколько времени модным Писателем; он произвел некоторую перемену в кругу словесности. Одарен будучи от природы живым умом, исполнен остроты, приятности в разговорах, он был более способен принести удовольствие обществу, нежели наставить читателя, и примером своим доказал, что не зная ничего можно сочинить книгу, предлагая

смело все глупости, которые придут в голову. <...> Пример его прельстил множество забавных глупцов, которые, написав несколько строк похваленных их друзьями, почитали себя умными людьми» (Северный Вестник 1804: 158–159).

Критик, таким образом, не отрицает дарования Стерна, но морально его осуждает:

«Многие думают, что сила разума и характера вовлекли Стерна в столь странной род сочинений; что ж до меня касается, то я предполагаю, что великая охота выставить себя и делаться странным, владычествовавшая над всеми умами тогдашнего века, страсть к сочинению, отличавшаяся множеством безразсудных творений, множеством чудных воображений, родившая тьмы неблагопристойных стихотворцов, философов без мудрости, сочинителей бессмысленных, и дух безумного самолюбия, повергли Стерна в поприще, к которому он не был сроден, где он нашел истинные несчастья и пустую славу, преклоняющуюся к падению, подобно всем современным знаменитостям, которым не доверяют умы превосходящие их твердостью и основательностью» (Там же: 169–170).

Издатель, со своей стороны, делает следующие примечание:

«Помещаем сию статью не для того, чтобы мы были во всем с ней согласны, но для того, что есть в ней замечания правильные. В прочем предоставляем судить об ней читателям» (Там же: 158).

Возникает вопрос: какие упреки Стерну издатель считает правильными, и с какими он не согласен? Туманная формулировка, однако, позволяет предположить, что в статье осуждаются качества, раздражавшие многих в эпигонах Стерна. Можно предположить, что уже тогда была задумана журнальная полемика. Д. Иванов предполагает, что публикация была направлена против эпигонов Стерна и, по мнению

исследователя, связана с возможной атакой на московских сентименталистов (Иванов 2009: 28–29), а знаменитая пьеса А. Шаховского «Новый Стерн» была частью этой атаки. Однако в том же году в журнале появляется специальное приложение: «Письмо к приятелю, содержащее в себе примечания на критику Стерновых сочинений, напечатанную в № VII “Северного Вестника”». Автор – Михаил Кайсаров, переводчик только что вышедшего русского издания «Тристрама Шенди», вступает в спор с критиком Стерна. Из текста публикации мы узнаем, что атака на Стерна была спланирована журналом:

«Еще по напечатаньи первого тома *Тристрама Шанди*, я слышал несколько раз, что туча собиралась над главою *Стерна*; что *Северный Вестник*, с *Французским Меркурием* в руке, готовился поразить его: я трепетал, не сомневаясь в том, что дурной перевод будет погребен под развалинами прекрасного подлинника: я уже готовился прекратить начатую мною работу. Но когда, прочитав Французскую критику, я вблизи увидел все опасности, – то успокоился <...> Надобно предварительно заметить, что Гг. Издатели *Вестника* не во всем соглашаются с этою критикою; из этого можно видеть, что они во всех возможных предположениях будут правы: ибо таким образом они наперед объявили, что то, что будет опровергнуто, будет несогласно с их мнением. И потому не должно ли было именно сказать, что им кажется несправедливым? <...> Французский критик во многих местах признается, что его намерение состоит в том, чтобы обезславить *Стерна* и отвратить подражателей; не довольно ли такого признания для того, чтобы возбудить в благоразумном читателе недоверчивость к критике? Сверх того, эта черта ясно показывает обыкновенную Французскую легкость: *Французской журналист обезславит Стерна!* Какое самовольное ослепление!» (Кайсаров 1804: 2–4)⁴.

* * *

В 1817 году Иван Мартынов был отправлен в отставку с нескольких государственных постов. Это не испугало его, – отставку он использовал для научных занятий, кото-

рыми был увлечен с юности. В Петербурге он уже имел дом с большим садом, в котором выращивал редкие растения, которые описывал, сверяя с уже существующими ботаническими справочниками (в этом страстном увлечении он чем-то напоминал героя романа Стерна – дядю Тоби, увлеченного фортификацией и строившего со своим слугой капралом Тримом игрушечные укрепления на лужайке перед домом). Кроме того, он переводил, комментировал и издавал за собственный счет многотомное издание древнегреческих классиков (Софокла, Гомера, Геродота, Пиндара и горячо любимый им трактат «О Высоком» Псевдо-Лонгина). Страшное наводнение 1825 года в Петербурге затопило ботанический сад Мартынова, созданный с большим трудом и любовью, и разрушило его дом, но семья не пострадала (Зорин 1994: 534).

Осмывая свою жизнь на фоне исторических и личных потрясений, Иван Мартынов сформулировал свою философию, которой он следовал до самой смерти. В поздней автобиографии, с гордостью упоминая имя своего товарища по духовной академии М.М. Сперанского, он подчеркивал различие в характерах. Вот описанный им эпизод прощания бывших учеников академии после ее окончания:

«Товарищей моих провожал, со мною, до Знаменского моста Михаил Михайлович Сперанский. Прощаясь с ними, он сказал, что удивляется моей к нему холодности, что все товарищи любят его и к нему привязаны, а обо мне одном он сомневается и просил их, чтобы хотя они его со мной сдружили. Эти слова удивили меня не мало. Я не думал, чтобы товарищ, котораго я внутренне уважал, так занимался наружными знаками моего чувствования к нему. Я склонен был к *простоте и сопряженной с нею искренности, естественности и откровенности и равнодушен был ко всему противному*. С сими свойствами неразлучна чувствительность, которая, как известно, питается уединением. Может быть, тут надобно искать причины моего равнодушия не к Сперанскому одному, но вообще ко

всем, *казавшимся мне не любящими простоты*, не теряя, впрочем, нисколько должного к их талантам и ко всем достоинствам уважения» (Мартынов 1872: 86; курсив мой. – П. Б.).

Противопоставление «простой», «искренней», «естественной» чувствительности «искусственному», тому, что, по мнению Мартынова, было «лишено простоты», в той или иной степени присутствует практически во всем, что было им написано. Этот есть и во многих неопубликованных выписках, содержащихся в его тетради, озаглавленной «Всячина» (карандашом приписано «свое и чужое»), хранящейся в РО РНБ. Приведем несколько примеров:

«Есть люди, особливо из числа посредственных ироев, министров и писателей, кои каждое свое слово, каждое старанье, каждую поступь назначают для того, чтобы они жили в потомстве» (Мартынов. Всячина. Л.1);

«Читать надобно, чтобы действовать, а не для того, чтобы предаваться бесполезному болтанию» (Мартынов. Всячина. Л.1);

«Ты, который из недостаточного состояния посажен между богатыми и знаменитыми вельможами судить о делах государственных! Не стыдись в семейственном кругу посудить с женою или с домашними своими о горохе, огурцах, капусте и тому подобном» (Мартынов. Всячина. Л.2);

«В пустой комнате звучнее голос раздается, нежели в уставленной мебели и занятой людьми, равным образом пустой человек громче говорит вздор, нежели знающий говорит дело» (Мартынов. Всячина. Л.3).

То, что мог любить Мартынов в романах Стерна, в частности в «Сентиментальном путешествии», – это желание видеть «наготу сердец»: «...каковы были мои искушения (ведь я пишу не для оправдания слабостей моего сердца во время этой поездки, а для того, чтобы дать в них отчет), – это следует описать с такой же простотой, с какой я

их почувствовал» (Стерн 2008: 663). Карамзин, главный русский стернианец, восхищался английским писателем: «Стерн несравненный! В каком ученом университете научился ты столь нежно чувствовать? Какая риторика открыла тебе тайну двумя словами потрясать тончайшие фибры сердца наших?» (Карамзин 1792: 233).

Черты «философии простоты и скромности», «неискусности», свойственной сентименталистам, прослеживаются во всем, что когда-либо писал Мартынов. В повести «Филон» читаем: «Безпритворство, друзья мои! Безпритворство и простота да будут нашим компасом!» (Мартынов 1796, 2: ч. 2. 237). Там же Мартынов вспоминает канонический для сентименталистов образ несчастной сумасшедшей Марии⁵ из «Сентиментального путешествия»:

«Не знаю почему, но я нахожу больше уроков для себя в бедной, помешанной Марии, сидящей под ивою, близ ручейка, в белом платице, с милым ей Сильвио, пережившим верность ее любовника и козочки нежели во всех с важным видом произнесенных правилах, которые часто, в ту же почти минуту, оракул оных затем нарушает <...> *Дети! Не забудьте Стерна! Стерна и – Карамзина!*» (Там же: ч. 2. С. 58).

В сохранившихся после смерти личных бумагах Ивана Мартынова имя Лоренса Стерна не упоминается (о деятельности Мартынова в поздние годы см.: Баева 2008). В 1831 году Иван Мартынов опубликовал биографию своего бывшего начальника, первого министра народного просвещения, графа Петра Васильевича Завадовского. Этот растянутый на много страниц послужной список покойного чиновника Мартынов заканчивает на печальной ноте, выражая свое личное отношение к этому человеку:

«Надгробный памятник Графа Петра Васильевича составляют: бюст его из белаго мрамора, на четырех-угольном пье-

дестале; по правую сторону бюста у пьедестала обративший к бюсту скорбный взор гений сидит с потухшим факелом, в левой руке, вниз склоненным, а в правой руке держит венок; по левую сторону бюста плачущая женская фигура облокотилась на верхний край пьедестала; обе фигуры гения и жены, из чистаго белаго мрамора. Все это утверждено на гранитном помосте под четырехугольным продолговатым, утвержденным на четырех дорожчатых столбах из сераго гранита навесе. <...> О последнем (т. е. о памятнике. – П. Б.) нельзя не пожалеть. – Высокая простота души Г. Петра Васильевича, кончено, отринула бы такое пышное надгробие; но по смерти нас не спрашивают. Подобныя выставки нужны для живых, мертвые живут своими делами, которыми Заводовский пребудет вечно в Истории Просвещения нашего отчества.

Не из слабости выказывать себя с доброй стороны, скажу здесь, что я часто посещаю могилу его, и бывшего Товарищем его по Министерству Просвещения, Тайнаго Советника Михаила Никитича Муравьева. – Оба они мои меценаты: они извлекли меня из неизвестности, и если я сделал что-либо полезное для отчества, они тому первейшие виновники. – Не зная меня лично, они взыскали меня и выставили, если смею так сказать, на свет. – Удивительно ли после сего покажется мое поклонение священным для меня теньям их? Давно уже не слезы проливать хожу к ним: им было свое время; мне приятно только пробывать несколько минут между теми, кому обязан я своим счастьем, под чьим начальством служил столько лет, не чувствуя, что служил: <...> – Переходя от одного памятника к другому, кажется, как с живыми, беседуя с ними; кажется, из-под камней они дышат мне благосклонностию и доверием, которое одушевляло меня в многообразных должностях моих. – О! нет, не из слабости посещаю могилы моих благодетелей, но из неизъяснимаго удовольствия, – чувствовать, что я не камень» (Мартынов 1831: 53–54).

Если сравнить этот пассаж Мартынова с выполненным им за 35 лет до того стихотворным переводом эпитафии Стерну, написанной знаменитым актером Дэвидом Гарриком (Howes 1958: 46), то мы можем заметить в нем то же противопоставление. Этот текст из французского предисловия к

«Nouveau voyage en France» (Sterne 1785, xvij; Мартынов 1796 1: 21) автор «Филона» в 1796 году сам переложил в стихи:

Пусть гордость мрамором могилы украшает,
Пусть в письменах золотых надгробия блистают.
На грубом камне сем с слезою друг чертит:
Веселье, Ум, Жени или – здесь Стерн лежит
(Мартынов 1796: 76–77).

Исходя из этого мы можем сделать предположение, что «философия простоты», которая сложилась у Ивана Мартынова за годы его жизни, созвучна с его интересом к Лоренсу Стерну в том виде, в котором этот интерес отразился еще в раннем творчестве Мартынова в журнале «Муза».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жизненный путь Ивана Мартынова известен благодаря написанной им автобиографии (Мартынов 1872), по которой во второй половине XIX века Елисеем Колбасиным составлено жизнеописание (Колбасин Е. Литературные деятели прежнего времени. СПб, 1859), содержащее также ценные свидетельства о последних годах жизни Мартынова. Важным дополнением к этому списку является диссертация В.А. Тепловой «Общественно-политические взгляды и политическая деятельность И.И. Мартынова в конце XVIII – начале XIX века» (Теплова 1965), в которой исследуется деятельность И.И. Мартынова как журналиста, а также статья А.Л. Зорина в справочнике «Русские писатели» (Зорин 1994).

² А.Т. Болотов писал: «В Петербурге некто господин Мартынов с товарищами выдавал в сей год новое ежемесячное, периодическое сочинение, под названием «Муза». В сравнении с московским журналом, выдаваемым при газете, было сие очень дорого. Оно наполняемо было стихами и проза-

ическими пьесами; и те и другие были хороши, но не все, находилось более сентиментального; началось путешествие Филоново; а что всего лучше, – были тут и стихотворения державинские» (Болотов 1990: 110). Помимо литературных сочинений, в журнале «Муза» выходили переводные публицистические статьи. Две из них – «Долг человечества» и «Бодрость и благодеяние крестьянина» перевела для журнала Мартынова 12-летняя великая княжна Александра Павловна. Ее мать, императрица Мария Федоровна, лично знала Ивана Мартынова и покровительствовала ему. В 1797 году Мартынов был назначен учителем русского языка и географии в Смольном институте. В 1803 году возрасте 32 лет он стал директором Министерства народного просвещения и на этом посту сделал многое для развития образования в России. (Зорин 1994). Благодарную память об императрице Мартынов пронес через всю свою жизнь – именно этот мотив становится главным в «Путешествии в Царское село» (Мартынов 1872: 164–182) – одной из рукописей, сохранившейся в бумагах Мартынова и опубликованной вместе с мемуарами Мартынова и письмами к П.А. Словцову о наводнении 1825 года (Мартынов 1872: 109–164).

³ Предположительно, следуя модели «Московского журнала» Н.М. Карамзина, смысловым центром которого были «Письма русского путешественника».

⁴ Надо сказать, что эта коллизия искренней любви к Стерну – писателю и человеку – и противостоящего злобного осуждения, с элементами сплетен и злословия – с удивительной регулярностью воспроизводится в разные эпохи. Причем, доводы сторон, как правило, не меняются (примеры см.: Howes 1971).

⁵ Глава «Мария» из «Сентиментального путешествия» была отдельно опубликована в «Московском журнале» (см.: Карамзин 1791).

ЛИТЕРАТУРА

- Банева Т.А.** 2008. Родная школа на Малом проспекте... – Фонтанка: культурно-исторический альманах. № 2. СПб.
- Болотов А.Т.** 1990. Памятник протекших времен, или, Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. – Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М.: Современник. С. 6–276.
- Будрин П.Б.** 2014. Лоренс Стерн в русской журналистике 1790-х годов: об одной статье в журнале «Муза». – Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2014». М. С. 1–2.
- Зорин А.Л.** 1992. Иван Мартынов. – Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 2. М. С. 533–534.
- Иванов Д.** 2009. Творчество А.А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Кайсаров М.С.** 1804. Письмо к приятелю, содержащее в себе критику Стерновых сочинений, напечатанных в № VII Северного Вестника. – Северный вестник, ч. 3. С. 1–14.
- Карамзин Н.М.** 1791. Московский журнал. 1791, ч. 1. С. 179–181.
- Карамзин Н.М.** 1792. Московский журнал. 1792, ч. 5. С. 233.
- Лотман Ю.М.** 2012. Писатель, критик и переводчик Я.А. Галликовский. – О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб. С. 326–347.
- Маслов В.И.** 1924. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII-го и нач. XIX-го вв. – Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезенскому, Ленинград 1924. С. 339–376.
- Мартынов И.И.** 1796. 1. Стерн. – Муза. 1796, ч. 4. С. 10–23.
- Мартынов И.И.** 1796. 2. Филон. – Муза. 1796, ч. 1. С. 74–88, 144–159; ч. 2. С. 52–73, 219–243; ч. 3. С. 130–152, 211–237; ч. 4. С. 57–77, 144–171.

Мартынов И.И. 1796. 3. Надгробие Стерну – Муза. 1796. ч. 2. С. 76–77.

Мартынов И.И. 1831. Биография гр. Завадовского. СПб.

Мартынов И.И. 1872. Записки И.И. Мартынова – Памятники новой русской истории. Т. 2. Спб.: Тип. Майкова. С. 68–182.

Мартынов И.И. Всячина (Свое и чужое). РО РНБ, ф. 468, № 1.

Орлов П.А. 1976. Русский сентиментализм. М.

Северный Вестник. 1804. Известие о Лаврентии Стерне и его сочинениях. Переведено с французского. ч. 3, С.158–171.

Стерн Л. 2008. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Пер. А. Франковского. М.

Теплова В.А. 1965. Общественно-политические взгляды и политическая деятельность И.И. Мартынова в конце XVIII – начале XIX века. Горький.

Dąbrowska M. 2006. „Czytało go wielu, ale niewielu rozumiało”. Twórczość Laurence’a Sterne’a a rosyjska podróż sentymalna przełomu XVIII i XIX wieku – Recepcja. Transfer. Przekład, № 1(6), Warszawa. S. 43–57.

Hall-Stevenson J. 1774. Preface – Yorick’s Sentimental Journey Continued. London.

Howes A. 1958. Yorick and the Critics. New Haven: Yale University Press.

Howes A. 1971. Laurence Sterne: The Critical Heritage. London: Routledge.

Sterne L. 1785. Nouveau Voyage de Sterne en France. Traduit de M.D.L ***. Lausanne.

Stewart N. 2005. Glimmerings of wit: Laurence Sterne und die russische Literatur von 1790 bis 1840. Heidelberg: Winter.

«...И Я НЕ ГЕНИЙ?»:
МОЛОДОЙ ДОСТОЕВСКИЙ И
«УМСТВЕННАЯ АРИСТОКРАТИЯ»
ПЕТРАШЕВЦЕВ

Игорь Кравчук (С.-Петербург)

Зимой 1847 года на имя инженер-прапорщика Ревельской инженерной команды Михаила Достоевского пришло письмо от брата, молодого петербургского литератора Ф. В настоящей статье мы сосредоточимся на одном фрагменте из этого письма, представляющимся нам одним из наиболее важных для раннего этапа творческой биографии Ф.

...скоро ты прочтешь «Неточку Незванову». Это будет исповедь, как *Голядкин*, хотя в другом тоне и роде. О Голядкине я слышу исподтишка (и от многих) такие слухи, что ужас. Иные прямо говорят, что это произведение чудо и не понято. Что ему страшная роль в будущем, что если б я написал одного Голядкина, то довольно с меня и что для иных оно интереснее дюмасовского интереса. Но вот самолюбие мое расхлесталось. Но, брат! Как приятно быть понятым. Брат, за что ты так любишь меня! Постараюсь тебя обнять поскорее. Будем любить друг друга горячо. Пожелай мне успеха. Я пишу мою «Хозяйку». Уже выходит лучше «Бедных людей». Это в том же роде. Пером моим водит родник вдохновения, выбивающийся прямо из души. Не так, как в «Прохарчине», которым я страдал всё лето. Как бы мне хотелось помочь тебе, брат, поскорее. Но

надейся, брат, на те деньги, которые я обещал тебе, как на стену, как на гору (Достоевский 1972–1990, 281: 139).

К началу 1847 года за Достоевским числится исключительно успешная публикация романа «Бедные люди», неоднозначно воспринятая критиками и читателями повесть «Двойник» и многочисленные неудачи, фактически разрушившие его литературную репутацию. Достаточно красноречива реплика Ап. Григорьева: «... микроскопические печали и радости, мелочные страдания, давно уже вошедшие в обыкновение у повествователей, под пером г-на Достоевского и г-на Буткова доведены до крайнего предела» (Григорьев 1847: 465). Комментируя замечание Григорьева, В.В. Виноградов делал вывод об отрефлексированном современниками вырождении «в шаблонный схематизм» «сюжетных и стилистических форм Ф. Достоевского», подхваченных «школой молодого Достоевского», одним из представителей которой, следовательно, является Бутков (см.: Виноградов 1976: 172). Мы же полагаем, что расположение в одном ряду имен Достоевского и Буткова может быть интерпретировано как, в первую очередь, направленное против автора «Господина Прохарчина», понижающее «чин» Достоевского в литературной иерархии того времени. Известно, что «История одной женщины» (подзаголовок журнальной редакции «Неточки Незвановой») задумывается Достоевским как реванш. Но в приведенном выше отрывке важно не только это. Намечены две стратегии возможного успеха, две четко артикулированные линии. Первая связывает «Неточку» и «Двойника», вторая – «Хозяйку» и «Бедных людей». Обе линии достаточно парадоксальны: на уровне фабулы, персонажей, композиционных решений в обоих случаях отмеченные Достоевским произведения почти ничего не объединяет.

Необычайная озабоченность Достоевского вопроса литературной репутации, писательской карьеры, конь-

юнктурой литературного рынка уже не раз привлекала внимание исследователей (см. работы Жака Катто, Рудольфа Нойхойзера, Уильяма Тодда, Бориса Кресты, Гуидо Карпи и др.). Однако, именно переписка Достоевского позволяет уточнить этот интерес: молодой писатель не просто мечтает о блестящем будущем, он мыслит целостными биографическими моделями, как будто старательно чертит дорожную карту. Вот цитата из более раннего письма от 24 марта 1845 года:

В «Инвалиде», в фельетоне, только что прочел о немецких поэтах, умерших с голоду, холоду и в сумасшедшем доме. Их было штук 20, и какие имена! Мне до сих пор как-то страшно. Нужно быть шарлатаном... (Достоевский 1972–1990, 28; 108).

Оттуда же:

...как бы то ни было, а я дал клятву, что копь и до зарезу будет доходить, – крепиться и не писать на заказ. Заказ задает, загубит всё. <...> Взгляни на Пушкина, на Гоголя. Написали немного, а оба ждут монументов. И теперь Гоголь берет за печатный лист 1000 руб. сереб<ром>, а Пушкин, как ты сам знаешь, продавал 1 стих по червонцу. Зато слава их, особенно Гоголя, куплена годами нищеты и голода (Достоевский 1972–1990, 28; 107).

А вот реплика из письма, отправленного Достоевским брату в апреле 1847:

Насчет перевода не знаю, буду хлопотать всё лето, искать его. У нас был в Петербурге (он теперь за границей) один дурак Фурманн, тот получает до 20 000 р. в год одними переводами! Если б у тебя был хоть один год обеспеченный, то ты бы непременно пошел. Ты молод; можно бы даже сделать литерат<урную> карьеру. Теперь все ее делают. Лет через десять можно бы и забыть о переводах (Достоевский 1972–1990, 28; 141).

Возвращаясь к письму, процитированному в начале статьи, мы обнаруживаем в нем и более рациональное сообщение:

Разложение моей славы в журналах доставляет мне более выгоды, чем невыгоды. Тем скорее схватятся за новое мои поклонники, которые, кажется, очень многочисленны и отстоят меня (Достоевский 1972–1990, 28₁: 138).

Гипотеза, выдвигаемая Достоевским относительно собственного будущего, косвенным образом предвещает замечание насчет «дюмасовского интереса», который якобы суждено превзойти «Двойнику». К 1840-м годам репутация Дюма была прочно связана с образом хищного и неразборчивого в средствах, хотя и талантливой, литературного промышленника. Напомним, что в 1845 году в свет вышел скандальный памфлет с говорящим названием «Фабрика романов “Торговый дом Александра Дюма и К^о”», принадлежавший перу Эжена де Мерикура. Обстоятельства скандала были хорошо знакомы и отечественному литературному миру (например см.: Кронеберг 1847: 87). Столь провокационная, если бы речь не шла о частном письме, ориентация Достоевского на широкую публику, в недрах которой должен родиться «свой читатель», подчеркивает настойчивое стремление автора переадресовать ранее опубликованные тексты, обрести независимость от замкнутого сообщества литературных экспертов, сперва «создавших» «нового Гоголя», а затем развенчавших его.

Выбранный ракурс позволяет по-другому взглянуть и на упоминание в зимнем письме рассказа «Господин Прохарчин», который противопоставляется «Хозяйке» и «Бедным людям». Достоевский отмечает, что этим рассказом он *страдал*. Данная формулировка очень интересна, так как содержит косвенную отсылку к типичным упрекам произве-

дений Достоевского в вымученности, ходульности, пущенным в оборот еще Белинским. При этом в письме имеется в виду отнюдь не Белинский, принявший безо всяких оговорок только «Бедных людей». Восторженная реакция на все ранние произведения Достоевского, кроме «Прохарчина» характерна только для одного критика того времени – Валериана Майкова, при этом если остальные рецензенты обвиняли автора в однотипности текстов, в дурном упорстве, то претензия Майкова состояла ровно в обратном – в том, что в угоду рецензентам Достоевский как раз изменил себе, пошел на компромисс, вдобавок ничего от этого не выиграв:

Нам кажется, что до автора <...> дошли жалобы на растянутость его произведений и что он готов в угоду читателей жертвовать слишком многим в пользу драгоценной *краткости*, которой масштаб, впрочем, едва ли кем-нибудь определен положительно. <...> Не можем не пожелать, чтобы г. Достоевский более доверялся силам своего таланта, чем каким бы то ни было посторонним соображениям (Майков 1985: 183).

Нетрудно догадаться, на чьи именно «посторонние соображения» намекал рецензент «Отечественных записок» и каким именно читателям, по его мнению, угождал Достоевский в «Прохарчине».

Настойчивое сопоставление «Хозяйки» именно с «Бедными людьми» встречается и в более ранних письмах Достоевского и каждый раз принимает довольно проблематичную для литературоведа форму. Так, в конце осени 1846 года писатель заявляет буквально следующее: «Я пишу другую повесть, и работа идет, как некогда в «Бедных людях», свежо, легко и успешно» (Достоевский 1972–1990, 28₁: 131).

Такая характеристика должна насторожить тех, кто хорошо знаком с творческой историей «Бедных людей». Достоевский действительно был доволен своей работой в

период создания романа, но сам процесс создания, судя по его же письмам 1845 года, а также по мемуарным свидетельствам Д.В. Григоровича, был трудоемок и изнурителен (см.: Григорович 1961: 88). 4 мая 1845 сам писатель жаловался: «Этот мой роман, от которого я никак не могу отвязаться, задал мне такой работы, что если бы знал, так не начинал бы его совсем» (Достоевский 1972–1990, 281: 108).

Мы вправе полагать, что имеем дело не столько с воспоминаниями, сколько с сознательно разрабатываемой моделью легкого, непринужденного, вдохновенного и независимого творчества. Источники этой модели хорошо опознаются в письме от 26 ноября 1846 года, написанном по свежим впечатлениям от конфликта с некрасовским «Современником». Не имея возможности привести целиком чрезвычайно пространное изложение Достоевским собственных переживаний, надежд и замыслов, дадим лишь общую его канву. Писатель сообщает брату о том, что окончательно разорвал отношения с редакцией «Современника», олицетворенной Некрасовым, с которым у Достоевского произошла ссора, результатом которой стало то, что члены редакции стали распространять о молодом авторе слухи, будто он «заражен самолюбием, возмечтал о себе», а с Краевским сотрудничает лишь потому, что Майков пишет хвалебные отзывы о его публикациях. Из длительной вереницы историй с долговыми обязательствами перед издателем «Отечественных записок», Достоевский, по собственному признанию, извлекает ценный урок: «1-е убыточное дело для начинающего таланта — это дружба с проприетерами изданий, из которой необходимым следствием исходит кумовство и потом разные сальности» (Достоевский 1972–1990, 28₁: 134). Далее писатель признается:

...независимость положения и, наконец, работа для Святого Искусства, работа святая, чистая, в простоте сердца, ко-

торое еще никогда так не дрожало и не двигалось у меня, как теперь перед всеми новыми образами, которые создаются в душе моей. Брат, я возрождаюсь не только нравственно, но и физически (Там же).

За содействие в деле нравственного и физического возрождения Достоевский благодарит своих новых друзей: братьев Бекетовых и членов их «коммуны».

Нашлась квартира большая, и все издержки, по всем частям хозяйства, всё не превышает 1200 руб. ассигнац<иями> с человека в год. Так велики благодеяния ассоциации! У меня своя комната, и я работаю по целым дням (Там же).

Участие в проекте «ассоциации» Бекетовых можно считать прологом к знакомству Достоевского с петрашевцами¹, интенсивно обсуждавшими возможность реорганизации труда в России по рецептам, предлагавшимся европейскими социальными утопистами. Формирование ассоциаций было призвано защитить личность от пагубного воздействия наемного труда, отличающегося неэффективностью организации и несправедливым распределением доходов. Посетителями «пятниц» Петрашевского предлагались разнообразные проекты объединения трудящихся. Из всех материалов, собранных Следственной комиссией по делу несостоявшихся реформаторов, наибольшей подробностью и цельностью отличался проект А.П. Баласогло, касавшийся исключительно писательского труда и литературной индустрии, которую предлагалось освободить от произвола книгопродавцев и пристрастных вердиктов ангажированной критики. Главным принципом проекта являлся принцип разделения труда и формирования сообщества профессионалов, нацеленного на просветительскую деятельность. Иными словами, речь шла о придании писательскому труду определенного общественного статуса: из по-

денщика, целиком зависимого от некомпетентных издателей и книгопродавцев, заботящихся более всего об извлечении максимальной прибыли при минимальных затратах в расчете с авторами, что формирует стихийную конъюнктуру литературного рынка, сочинитель становится полноправным членом социума, частью своеобразного нового общественного слоя.

Писатель принадлежит миру, потому что в то время, когда мир трудится около него в поте лица над обработкой всех отраслей общественного благосостояния, он, пользуясь всеми результатами этого многосложного труда, собственно ровно ничего не делает вещественно; и если общество безмолвно соглашается его кормить, поить и одевать, представляя ему пользоваться всеми удобствами гражданской жизни, – оно это делает в том предположении, что писатель даст, наконец, отчет в результате своих отвлеченных занятий, для дальнейшего соображения его выводов и применения их к общему благу (Дело петрашевцев 1937–1951, 2: 21).

Продолжением «коммунальных» экспериментов становится и обсуждавшаяся с подачи штабс-капитана П. А. Кузьмина идея возведения дома для коллективного проживания на Васильевском острове (см. письмо Кузьмина к Баласогло из Тамбова от 23 августа 1848 г.: Дело петрашевцев 1937–1951, 2: 52). На наш взгляд, уместно предположить связь этих планов с перепиской Кузьмина и Петрашевского. Обсуждая со своим корреспондентом реформы городского самоуправления, Петрашевский 27 ноября 1848 настаивал на том, что в принятии ключевых решений в российском городе должны участвовать прежде всего мелкие провинциальные домовладельцы, образованные и инициативные. Этот специфический слой общества в письме получает обозначение «*умственной аристократии*» (Дело петрашевцев 1937–1951, 2: 259). Очевидно, бедные столичные литерато-

ры были бы не против оказаться включенными в эту новую формацию, забыть о рутине и поденщине, стать собственниками своего же труда.

В своей работе «Экономия литературы» Марк Шелл обращается к важному для нас примеру – девяти томному сочинению английской ученой Гарриет Мартино «Иллюстрации политической экономии» (1832–1834). Эта книга – действительно сборник вымышленных историй, иллюстрирующих различные аспекты и концепции политической экономии. В этом подходе к научному материалу Шелл усматривает не просто популяризаторские, педагогические мотивы, но «слияние определенного типа сюжета с определенной экономической доктриной: сюжет относится к рассказу так же, как экономическая теория — к повседневному экономическому обмену» (Shell 1993: 7). Если экономика способна кодировать художественный текст, то с не меньшей частотой экономическая теория испытывает воздействие литературных сюжетов. Соответствующее направление исследований представлено, в частности, Уильямом Хендерсоном и его книгой «Экономика как литература» (London, 2006). Отталкиваясь от сочинений все той же Мартино, а также Мэри Эджуорт, Хендерсон прослеживает влиятельную традицию романтической критики капитализма, кульминацией которой становится работа Джона Рескина «Политэкономия искусства» (1857). Подобное взаимопроникновение художественного и экономического искусства оказывается в центре другого недавнего исследования «Удовольствия бентамизма: викторианская литература, полезность, политическая экономия» (Oxford, 2009). Автор работы, Кэтлин Блэйк, сосредоточивается на фигуре мистера Скимпола из романа Диккенса «Холодный дом». Творчество Достоевского, как и творчество Мартино, Диккенса и Рескина, было не менее отзывчиво к экономической проблематике, правда адаптировало ее к достаточно узкой сфере литературного труда, если

быть более точным, к фигуре творческой личности, художника как наемного работника, вынужденного согласовывать свои замыслы и амбиции с реакцией публики, оценками коллег, расположением патрона-работодателя и господствующими стереотипными моделями поведения, предписываемыми человеку искусства.

Выразительным примером этой работы «политэкономического бессознательного» становится неоконченный роман Достоевского «Неточка Незванова», первая часть которого *de facto* представляет собой развернутую медитацию на тему иерархии талантов и природы гения. В 40-е годы эти вопросы были предметами напряженной гласной полемики, активнейшее участие в которой принимали в том числе Майков и Белинский. От исхода спора зависело многое: потенциальный победитель мог считаться признанным авторитетом, определяющим критерии литературного дарования, раздающим «классные чины» сочинителям, настоящим арбитром рынка *belles lettres*. Десятилетие спустя об этих журнальных баталиях иронически отзывался в одной из своих статей Тургенев:

...в отечественной критике завелась своего рода табель о рангах – подразделение пишущих людей, которые, смотря по их способностям, удостоивались различных степеней: простого беллетриста, дагерротипического изображателя нравов, простого таланта, художественного таланта, гениального таланта и, наконец, даже гения (Тургенев 1978–1986, 4: 473).

Традиционное прочтение первой части «Неточки», содержащей историю жизни отчима героини-рассказчицы, музыканта Ефимова, дает оценку данного персонажа, целиком основанную на суждениях повествователя: перед нами очередной «маленький человек», нищий, бездарный, спившийся и обезумевший скрипач, безосновательно возомнив-

ший себя непризнанным гением, винящий в своих бедах кого угодно, только не самого себя. В этой характеристике усматривали горькую насмешку автора над самим собой, отражение унижительных поражений Достоевского, последовавших за триумфом его первого романа. Мы попытаемся продемонстрировать ошибочность этой точки зрения с помощью небольшого примера.

На протяжении всей первой части героиня-рассказчица подчеркивает поэтапное пробуждение сознания и рефлексии, добросовестно протоколирует свои иллюзии, проступки и прочие проявления неопытности и детства. Оценка, данная жизни отчима, базируется на тех же доводах, к которым прибегает старый друг Ефимова, немец Б. в беседе с князем X-м:

...каждый раз, как он берет в руки смычок, он сам внутренне принужден убедиться, что он ничто, ноль, а не артист. Теперь же, когда смычок лежит в стороне, у него есть хотя отдаленная надежда, что это неправда (Достоевский 1972–1990, 2: 175).

Это точка зрения взрослого, вменяемого человека (в той же сцене Б. прямо называет Ефимова сумасшедшим), это точка зрения нарратора, с которым читателю предложено солидаризироваться. Как мы узнаем из текста романа, услышав бесподобную игру приехавшего с гастролями в Петербург гениального музыканта С-ца, Ефимов окончательно теряет рассудок и погибает. Гибель отчима повзрослевшая Неточка объясняет следующим образом:

Он умер, потому что такая смерть его была необходимостью, естественным следствием всей его жизни. Он должен был так умереть, когда всё, поддерживавшее его в жизни, разом рухнуло, рассеялось, как призрак, как бесплотная, пустая мечта. <...> Истина ослепила его своим нестерпимым блеском, и что было ложь, стало ложью и для него самого. В послед-

ний час свой он услышал чудного гения, который рассказал ему его же самого и осудил его навсегда. С последним звуком, слетевшим со струн скрипки гениального С-ца, перед ним разрешилась вся тайна искусства, и гений, вечно юный, могучий и истинный, раздавил его своею истинностью (Достоевский 1972–1990, 2: 188).

Уже во второй части сцены в доме князя радикальный тон, сообщаемый почти что юридической формулировке, заставляет читателя задним числом переосмыслить статус повествователя, поставить под сомнение окончательный характер произведенного над Ефимовым эстетического суда. Увидев С-ца, впечатлительная девочка сначала кидается к нему, приняв за «папеньку», а затем приходит в ужас, узнав в старике его «убийцу». Истина в искусстве оказывается бесчеловечной, формальное совершенство способно произвести расправу над человеком. Дополнительным маркером этого логического перехода служит реанимация темы Моцарта и Сальери, на сей раз — с отсылкой к хрестоматийному месту о гении и злодействе. У Пушкина, напомним, финал маленькой трагедии оканчивается сомнением, вопросом:

...но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?
(Пушкин 1937–1959, 7: 133–134)

Парадоксальная с точки зрения этики попытка восстановления справедливости, привычного порядка вещей, в котором праздный гуляка Моцарт — отклонение от нормы, Сальери приходит к новому неразрешимому парадоксу, противоречию. Так же и в «Неточке» усвоенная читателем

резюлюция дискредитируется, смысл и ценность жизни пьяницы-скрипача необходимо заново рассмотреть и прийти к самостоятельным выводам, основанным на своеобразной «критике источников». Если обратиться к дальнейшему ходу повествования, то нетрудно заметить, что наиболее важные сцены в романе строятся вокруг конфликта общего мнения и частной правды, коллективной логики и морали, которой противостоит индивидуальное видение событий. Достижение же консенсуса объективно осложнено тем, что сторона, олицетворяющая коллективную мораль, некомпетентна, не располагает всем необходимым набором фактов. Ни мадам Леотар, ни княгиня не подозревают, что Неточка намеренно оговорила себя, чтобы отвести наказание от княжны Кати и тем завоевать ее любовь. При этом князь вступается за девочку, оставшуюся в темном помещении на всю ночь, но не на основании того, что Неточка невиновна, об этом знает лишь княжна Катя. Князь апеллирует к тому, что больного, слабого и мечтательного ребенка нельзя наказывать таким способом. Когда же он узнает о том, что такое наказание изобрел Жан-Жак Руссо, он снова создает конфликт различных систем моральной оценки:

...Жан-Жак не авторитет. Жан-Жак Руссо не смел говорить о воспитании, не имел права на то. Жан-Жак Руссо отказался от собственных детей, сударыня! Жан-Жак дурной человек, сударыня! (Достоевский Ф. М. 1972 — 1990, 2: 216).

То же самое видим мы и в третьей части: приютившая Неточку у себя Александра Михайловна связана тайной, которую случайно открывает девочка, найдя в томике Вальтера Скотта письмо от некоего С. О., содержащее историю несчастной любви двух социально неравных людей, обреченных на общее осуждение. По всей видимости, супруг Александры Михайловны полагает, что женитьбой спас ее

репутацию, и использует это для утверждения полной власти над супругой. Но обнаруженное у Неточки письмо он принимает за письмо, адресованное «испорченной девчонке» любовником и настаивает на том, чтобы героиня была изгнана из их дома. Здесь конфликт разных логик достигает наивысшего напряжения: Достоевский демонстрирует, что любая оценка, любая модель представления событий может быть оспорена, релятивизирована.

Не вызывает сомнения, что источником для подобной постановки вопроса становится именно вторая часть в ее соотношении с первой. Цель Достоевского – некий литературный эксперимент, который не может быть реконструирован нами во всей своей полноте, так как работа над романом была прервана арестом автора. Этот эксперимент виделся писателю как тотальный жест вызова, бросаемого господствовавшему критическому дискурсу, собственной литературной репутации, сформированной авторами «Современника», жанровым конвенциям и даже элементарному представлению о композиционной связности и цельности, желательной для романной формы. Различные модели существования художника в обществе на страницах «Неточки» взаимно опровергают друг друга в разомкнутой, преднамеренно «дезорганизованной» композиции романа. Ефимову же в определенном смысле на короткий миг удается то, чего так жаждал Достоевский: в лице падчерицы он обретает *своего* благодарного и верящего слушателя.

7 октября 1846 года в разгар поисков новых профессиональных и биографических сценариев Достоевский сообщает брату о том, что полностью поглощен «системой литературной эманципации» (Достоевский 1972–1990, 281: 128). Наша статья была призвана продемонстрировать различные пути, которыми писатель в 40-е годы пытался эту литературную «эманципацию» осуществить. Профессор университета Пизы Гуидо Карпи в ходе дискуссии с нами на конференции

в Таллине в 2014 году высказал предположение, что историю поисков «умственной аристократии» в связи с Достоевским можно проследить и в более поздний, послекаторжный период его жизни. Эта проблема, а также иные грани проекта литературной автономизации, идея которого вынашивалась Достоевским на протяжении всех 1840-х, послужат темами дальнейших разысканий, выступлений и публикаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Позднее, в период пребывания братьев в Казани, студенты местного университета, испытав влияние Бекетовых, как и участники собраний у Петрашевского, увлеклись изучением идей Фурье (см.: Берви 1915: 138–139).

ЛИТЕРАТУРА

Берви В.В. 1915. Воспоминания. – Голос минувшего. 1915. № 3. С. 134–182.

Виноградов В.В. 1976. Эволюция русского натурализма. – Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука. С. 4–187.

Григорович Д.В. 1961. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ.

Григорьев А.А. 1847. Обозрение журналов за апрель. – Московский городской листок. № 116.

Дело петрашевцев 1937–1951. В 3 тт. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.

Достоевский Ф.М. 1972–1990. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Л.: Наука.

Кронеберг А.И. 1847. Последние романы Жорж Санд. – Современник. 1847. Т. I. № 1. Отд. III. С. 86–102.

Майков В.Н. 1985. Литературная критика. Л.: Художественная литература.

Пушкин А.С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 16 тт. М.; Л.: Издательство АН СССР.

Тургенев И.С. 1978–1986. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. Соч. В 12 т. М.: Наука.

Shell M. 1993. The Economy of Literature. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

РЕЦЕНЗИЯ Г.ЧУЛКОВА НА ЖУРНАЛ «ВЕСЫ» («АПОЛЛОН» 1910, №7): ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Александра Чабан (Тарту)

В истории издания журнала «Аполлон» редкий период обходился без скандалов. Наделавшая шуму рецензия Г. Чулкова на журнал «Весы» («Аполлон», 1910, №7) является далеко не исключением. Однако именно на ее примере очень хорошо прослеживаются как историко-литературный контекст, так и позиция редакции журнала «Аполлон».

Кратко изложим суть выбранного эпизода. Как известно, в декабре 1909 года вышел последний номер флага мана символизма, журнала «Весы». Освободившуюся литературную трибуну спешили занять новые журналы. Если в Москве только еще обдумывали возможность организации нового журнала (о чем активно вели переписку А. Белый и Э. Метнер (Лавров 2007: 499–514)), то в Петербурге такой журнал уже появился: в конце октября 1909 года вышел первый номер «Аполлона».

Безусловно, новые журналы стремились подчеркнуть свою преємственность по отношению к «Весам», поэтому уже в начале 1910 года редакцией «Аполлона» задумывается проект, в котором ушедшему журналу будет посвящено несколько статей. Н. Гумилев назначается на осве-

щение поэзии в «Весах», М. Кузмин – должен был написать о прозе «Весов», барон Врангель – о художественном отделе журнала. Г. Чулкову редакция поручила написать обзорную рецензию на журнал.

В апрельском, №7, номере 1910 года, однако, в свет вышла только рецензия Чулкова, за которой последовала однозначная отрицательная реакция со стороны бывших участников «Весов», в частности – В. Брюсова. Сердиться бывшему редактору и участникам было за что: официально-почтительный тон Чулкова нередко срывался на саркастический. Более того, критик обвинил Брюсова в том, что тот бросил журнал на произвол судьбы еще в 1906 году, после чего в «Весах» воцарились хаос и истерика: «Книжки “Весов” за последние два-три года – любопытный документ, из которого мы узнаем, между прочим, чем характеризовалась русская истерика начала XX века. Пересмотрите журнал за эти годы: сколько странных противоречий, смешных восклицаний, сколько бессильной и неумной полемики...» (Чулков 1910: 19). Кроме того, редакцию «Весов» Чулков назвал не только полной истерикой, но и мертвой, полной призрачных подражателей Брюсова, а сам журнал, который всегда считался идеологическим центром символизма, лишенным идейной целостности¹.

Брюсов написал не одно резкое письмо редактору Аполлона, С. Маковскому, и секретарю, Е. Зноско-Боровскому, а после составил коллективное протестное письмо от всей бывшей редакции «Весов» и настоятельно требовал опубликовать его в журнале: «Само собой разумеется, что отказ редакции “Аполлона” напечатать наше письмо повлечет за собою отказ всех, подписавшихся под письмом, от дальнейшего участия в “Аполлоне”», – излагал Брюсов свою позицию (Брюсов – Зноско-Боровскому: 3).

Редактор Аполлона, Маковский, всячески старался урезонить разгневанного мэтра, представив произошедшее

как нелепый казус, однако, как представляется, не полностью шел на уступки Брюсову, и коллективное письмо так и не вышло на страницах Аполлона. Вместо этого в следующем номере вышло небольшое примечание от редакции, в котором сообщалось, что статья Чулкова о «Весах» не являлась редакционной, а выражала лишь мнение самого автора.

Казалось бы, произошедшее должно было навсегда разорвать и без того непрочные узы, связывающие Брюсова и «Аполлон», однако все произошло противоположным образом: как только улегся скандал со статьей Чулкова, Брюсов неожиданно смягчается и начинает поддерживать «Аполлон».

В этой истории есть много неразрешенных вопросов. Переписка обозначенных участников, Маковского, Зноско-Боровского, Брюсова и Чулкова, хранящаяся в архивах РНБ и РГБ помогает до некоторой степени пролить свет на это дело.

Первый вопрос достаточно очевиден: почему именно Чулкову поручили написать рецензию на «Весы»?

Всем современникам, более-менее разбирающимся в литературном процессе 1900–1910-х годов, такой выбор казался более чем странным, поскольку взаимная неприязнь Чулкова и «Весов» была известна писательскому кругу. С середины 1900-х годов Чулков периодически подвергался травле на страницах главного журнала символистов. Дать ему теперь написать рецензию о ненавистном журнале значило получить однозначную негативную оценку.

Однако в переписке Маковского и Зноско-Боровского этот злобный умысел не просматривается. В письме от 6 февраля 1910 года Маковский говорит о Чулкове как о штатном сотруднике, а о будущей статье как о важном, но отнюдь не провокационном явлении: «Чулков – о “Весакх” [делали? ее необходимо набирать корпусом, ибо она должна иметь общее литературное значение: итоги Весов – не шутка]» (Маковский – Зноско-Боровскому: 5). Заметим, что корпусом

набирались только редакционные статьи, так что будущие оправдания Маковского относительно того, что статья выражала мнение одного Чулкова, были лукавством.

Стоит также упомянуть, что рассматриваемая заметка Чулкова – не первое его печатное выступление в «Аполлоне», он не был специально приглашен по этому поводу.

Кроме того, С. Маковский, искусствовед, действительно мог не знать о взаимной неприязни Чулкова и «Весов». Почти во всех литературных делах Маковский полагался на мнение своих ближайших сотрудников, секретаря и будущего куратора литературного отдела, Н. Гумилева.

Соблазнительно предположить, что остальные члены редакции намеренно промолчали. Как представляется, таким образом Гумилев иногда, а, может быть, довольно часто, проводил свою линию² в журнале. Однако в этот период Гумилев большей частью занимался личными хлопотами: только вернулся из африканского путешествия, а 25 апреля состоялась долгожданная свадьба с Ахматовой, чему предшествовал ряд деловых поездок.

Вероятно, стоит остановиться на мысли о «роковом» стечении обстоятельств, в результате которых Чулкову была поручена статья. Позже именно на это сетовал Маковский в письме Брюсову: «В журнальном мире я достаточно человек “новый”, чтобы не всегда разбираться во всех недружелюбиях, которые меня окружают. Чистосердечно сознаюсь в этом. Если бы я мог себе представить, что доставлю Вам такую неприятность, пропуская статью Г. Чулкова (если бы кто-нибудь из печатавших эту статью предупредил меня), то, конечно, она бы не была напечатана» (Маковский – Брюсову (а): 6–7).

Примечательно, что и Н. Гумилев постарался на всякий случай заочно оправдать свое неучастие в данном предприятии: в разгар событий вокруг рецензии 9 июля 1910 Гумилев пишет письмо Брюсову, в котором аккуратно обходит эту тему (Гумилев 1991: 498), поясняя в следующем письме:

«Относительно “Аполлона” я хочу Вас предупредить, что хотя я считаю его ближайшим сотрудником, но влиянье (и то только некоторое) имею лишь на отдел стихов, статьи же, рассказы и хронику читаю только по выходе номера», – писал он Брюсову 2 сентября 1910 (Гумилев 1991: 500).

Следующий вопрос не менее очевиден: как главный редактор и члены редакционной коллегии допустили к печати статью столь неоднозначного содержания?

В цитированном письме Зноско-Боровскому не ясно, читал ли Маковский статью. Но в письме к Брюсову Маковский берет всю ответственность за публикацию на себя: «Я очень скорблю об этом, очень! Однако вся ответственность в случившемся – на мне: могу ли я дать место в журнале письму [коллективному протестному письму. – А. Ч.] <...> когда я сам допустил его [Чулкова. – А. Ч.] статью к печати? Согласитесь, Валерий Яковлевич, что с этической точки зрения, это... невозможно» (Маковский – Брюсову (а): 6–7).

Неожиданно провокационное звучание статьи Чулкова Маковский объясняет лишь тем, что остальные авторы (Гумилев, Кузмин и Врангель) не успели написать свои статьи в срок, а на их фоне статья Чулкова потеряла бы большую часть своей остроты.

Таким образом, если даже допустить, что Чулкову по недогляду доверили написание статьи, то ее выпуск, сопровождавшийся не одной редакционной читкой, был уже шагом весьма осмысленным, как бы это ни подавалось Брюсову.

Именно к этому апеллировал сам Чулков, не ожидавший столь серьезного резонанса по выходе своей статьи. «Я очень рад, что все ближайшие сотрудники “Аполлона” ознакомились с моей статьей до напечатания и моя точка зрения на “Весы” не показалась им столь ужасной, как этим “протестантам”. Ведь этот “протест” так же глуп, как протест москвичей художников, обиженных на А.Н. Бенуа... О, гнусная провинция!

Сознаюсь, что я не ожидал, что москвичи решатся на новую демонстрацию и столь нелепую: я предупреждал «Аполлон», но, по правде сказать, делал это скорее по соображениям крайней осторожности, а не руководствуясь мыслью о возможности «протеста», – заявлял Чулков Зноско-Боровскому (Чулков – Зноско-Боровскому: 3).

И примечательно, что сами члены редакции горячо поддержали озадаченного критика. Так, Зноско-Боровский в недатированном письме заверяет Чулкова: «Дорогой Георгий Иванович, будьте совсем спокойны, что мы Вас в обиду никак не дадим, более того, выпады москвичей можно расценивать как выпады не против Вас лично, а против всей редакции и вообще Петербурга» (Зноско-Боровский – Чулкову: 3).

Замечание Зноско-Боровского о наметившейся конфронтации между двумя культурными столицами весьма ценно, поскольку, как кажется, действительно показывает наметившийся вектор смены литературных центров: московских «Весов» петербургским «Аполлоном». Москвичи, безусловно, не хотели терять свои передовые позиции, поэтому и так активно боролись за свое доминирование на литературном Олимпе.

С другой стороны, аполлоновцы, хотя и весьма оригинально отстаивали версию случайности в произошедшем, также не сдавали своих позиций и не публиковали брюсовское опровержение статьи Чулкова. Как уже упоминалось, редакция ограничилась весьма незначительным объявлением о том, что статья Чулкова выражает позицию автора и не является редакционной. Брюсова эта заметка также не устроила: «Я прочел то замечание от редакции, которое Вы нашли возможным написать... Если признаваться откровенно, оно меня несколько не удовлетворило. Из того, что статья Чулкова “не редакционная”, еще никак не следует, что редакция с ней не согласна» (Брюсов – Маковскому: 2).

Брюсов, кажется, прав. Как уже было замечено по поводу письма Маковского Зноско-Бороскому, статья предполагалась именно как редакционная (набиралась корпусом), и ее содержание, при всей своей несдержанности, также соответствовало духу «Аполлона», позиционировавшего себя как журнал более нового уровня, более свежих литературных веяний, чем сугубо символистские. Ранее, в январе 1910 года в журнале был выпущен своеобразный манифест, заявивший об этом – статья М. Кузмина «О прекрасной ясности». В феврале сам Маковский сообщает Брюсову об усиливающемся в редакции «новом литературном движении» (Маковский – Брюсову (b): 5). Так что обсуждение места и правоты Чулкова носило весьма принципиальный характер и для «аполлоновцев».

Последний вопрос – почему же вся эта история не положила конец творческим связям Брюсова и редакции «Аполлона», а, наоборот, способствовала необычайной идиллии во взаимоотношениях, также немного проясняется благодаря изучению переписки.

Как ни странно, но уже в третий месяц (середина июля) переговоров по поводу статьи Чулкова претензии Брюсова меняются: негодование по поводу притеснений символистов сменяются личными претензиями о своем неоднозначном положении в журнале: «Я должен сказать, что вообще мое положение в “Аполлоне” довольно двусмысленно. С одной стороны, некоторые из сотрудников, по-видимому, ко мне расположенные, сравнивают в своих статьях меня с Петром Великим (что более комично, чем почетно). С другой, все серьезные руководящие статьи журнала решительно направлены против меня (я считаю таковыми статьи Анненского, Чулкова, Иванова)» (Брюсов – Маковскому: 2)³.

Очень важен факт того, что перечень обидчиков Брюсова теперь пополнился именем Вяч. Иванова. За трехмесячный период споров по поводу статуса статьи Чулкова

в свет успел выйти очередной номер «Аполлона» со статьей Вяч. Иванова «Заветы символизма». Его статья, вопреки заявлению Брюсова, не содержала никаких нападок на самого московского мэтра или его творчество. В целом позиция Иванова сводилась к апологии мистицизма и теургии внутри символистского течения. Однако именно это к тому времени было уже совершенно неприемлемым для Брюсова и могло быть расценено им как сигнал для мобилизации.

Дальновидный стратег, Брюсов, по всей видимости, очень хорошо осознал раскол внутри символистского течения, обнаружившийся к этому времени. Статья символиста Чулкова при этом оказалось важным первым сигналом. Теперь же статья Иванова укрепляла эту мысль. Поэтому, по всей видимости, Брюсов и отходит от отстаивания идеи жизнеспособности и целостности символизма, как раньше, и начинает заниматься исключительно собственным статусом, чтобы сохранить позиции лидера и на следующем витке литературных событий. Добиваясь от «Аполлона» признания, Брюсов убеждается и в том, что остается важен не только для уже отходящей среды символистов, но и для новых литературных объединений.

Подобный поворот дела полностью устраивает и редакцию «Аполлона», и Маковский также переходит от заверений в сочувствии к символистам к полному признанию значимости исключительно Брюсова: «Вы знаете, как я дорожу Вашим участием в “Аполлоне”; это участие на будущий 1911 год представлялось мне особенно деятельным, т. к. по моему глубокому убеждению именно Вы и только Вы могли бы дать «Аполлону» то, чему его пока недостает», – пишет редактор Брюсову 16 июля 1910 года (Маковский – Брюсову: 6).

Слова Маковского вскоре были подкреплены делом. И статья В. Брюсова «О “речи рабской” в защиту поэзии», официально обозначившая раскол в символистской среде, выходит именно на страницах «Аполлона». И вплоть до ма-

нифестов акмеизма, вышедших в январской книжке за 1913 год, Брюсов остается активным сотрудником журнала.

Когда же Брюсов, наконец, становится «своим» для «Аполлона», поведение многих его участников также меняется. Так, например, выясняется, что Гумилев читает не только поэтические статьи до выхода журнала. О чем он теперь восторженно сам сообщает Брюсову: «Ваша последняя статья в “Весех” [имеется в виду “Аполлон”. – А. Ч.] очень покорила меня, как, впрочем, и всю редакцию. С теоретической частью ее я согласен вполне, также и полемической, когда дело идет о Вячеславе Ивановиче» (Гумилев 1991: 500).

После того, как инцидент с Чулковым и Брюсовым был улажен, Маковский вел уже более осмотрительную политику и старается лишний раз не провоцировать Брюсова. Поэтому запаздывающие статьи о «Весех» Гумилева и Кузмина он сопровождает следующим комментарием в письме к Зноско-Боровскому (27 июля): «Если не будет статьи о “Золотом Руне” – не беда. Об идеологии “Весов” очень нужна была бы статья. Но я совершенно не знаю, кто бы мог ее написать. Впрочем, достаточно пока статей Кузмина и Гумилева. Но будут ли они?» (Маковский – Зноско-Боровскому: 13об.). И через два дня уже настаивает: «Скоро ли я получу корректуру статей Кузмина и Гумилева о “Весех”? Они меня чрезвычайно интересуют» (Маковский – Зноско-Боровскому: 14–14об.). Гумилев и Кузмин не подвели, и их статьи были выдержаны в подобающем почтительном тоне.

Эпизод со статьей Чулкова, получивший значительный резонанс, оказался таковым большей частью волей обстоятельств. В любой другой период показавшаяся бы просто неприятностью заметка обозначила практически переломный момент в истории соотношения символизма и постсимволизма. Меняющееся поведение участников данного конфликта при этом чрезвычайно показательно. Авторитетный Брюсов, чувствуя ослабление старой школы, смяг-

чается и идет навстречу «Аполлону»; еще совсем юный, но иногда дерзкий журнал, начиная с оправданий, заканчивает мягким, но принципиальным отказом изменить свою позицию. Таким образом, наглядно видно, как «Аполлон» становится центральным журналом литературной общественности 1910-х годов, и как символизм начинает уступать место постсимволизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «С тех пор, как влияние Брюсова стало незаметным, с тех пор, как вместо живого человека, с кровью и плотью, в журнале стали появляться фантомы, повторяющие мертвыми устами мертвые формулы, – журнал перестал быть интересным и значительным; не было уже ни живой личности, ни идейной целостности» (Чулков 1910: 19–20).

² Этот факт не укрылся от внимания современников. К примеру, И. Игнатъев так разоблачал поэта: «Конечно, гумилевские “манипуляции” и тоньше, и обдуманней, и дипломатичней. Дипломатичностью и можно только объяснить невпуск Гумилевым Сергея Городецкого на столбцы “Аполлона”, поэзным корифеем коего является Аякс второй – Н. Гумилев» (Игнатъев 1913: 2).

³ Цитируемое письмо также опубликовано: (Богомолов, Кузнецова 1994: 158).

ЛИТЕРАТУРА

Богомолов Н.А., Кузнецова О.А. 1994. Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским. – Новое литературное обозрение, №10.

Брюсов – Зноско-Боровскому. Письмо Брюсова В. Зно-

ско-Боровскому Е. (приблизительно начало июня 1910). – РНБ. Ф.124. Ваксель. Ед. хр. 675.

Брюсов – Маковскому. Письмо Брюсова В. Маковскому С. – РГБ. Ф. 386, карт. 71. Ед. хр. 76.

Гумилев Н. 1991. Переписка с В.Брюсовым. – Литературное наследство. Т. 98, Кн. 2. М.: Наука. С. 400–514.

Зноско-Боровский – Чулкову. Письмо Зноско-Боровского Е. Чулкову Г. – РГБ. Ф. 386, карт. 84. Ед. хр. 61.

Игнатъев И.В. 1913. Литературные тени. О «поэзии дня». О «цехе поэтов». О «кубизме», «эго-футуризме» и «футуризме». – Нижегородец. 1913. 8 февраля.

Лавров А.В. 2007. Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда

Маковский – Брюсову (а). Письмо Маковского к Брюсову от 16 июля 1910. – РГБ. Ф. 386, карт. 97. Ед. хр. 27.

Маковский – Брюсову (б). Письмо Маковского к В.Брюсову от 19 февраля 1910. – ОР РГБ. Ф. 386, карт. 97. Ед. хр. 27.

Маковский – Зноско-Боровскому. Письмо Маковского С. Зноско-Боровскому Е. – РНБ. Ф.124. Ед. хр. 2645.

Чулков Г. 1910. Весы. – Аполлон. № 7. С. 15–20.

Чулков – Зноско-Боровскому. Письмо Чулкова к Е. Зноско-Боровскому от 03.06.1910. – РНБ, ф.124. Ед. хр. 2609.

О НЕКОТОРЫХ ТОЧКАХ ЗРЕНИЯ НА ПРОБЛЕМУ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Ксения Панас (Краков)

Для того, чтобы ответить на вопрос, каково соотношение между формой и содержанием в футуристической лирике, следует вначале определить, что такое заумный язык, который в данной работе послужит своего рода исходной точкой для рассуждений. Кроме того, необходимо выяснить, можно ли применить к его описанию некие общие критерии.

Что касается черт любой языковой системы, то, во-первых, уже одно понятие языка предполагает некую смысловую основу, без которой его существование было бы невозможным. Следовательно, знак и смысл теоретически неразделимы. Во-вторых, согласно структуральной дефиниции языка, каждый из элементов языковой системы обязан состоять с другими ее элементами в определенных соотношениях (см.: Burzyńska 2007: 203). Это свидетельствует о необходимости наличия смысла как элемента структуры, который обеспечивает возникновение данных соотношений. Кроме того, язык, а тем более язык, создаваемый заново, должен стремиться к какой-то цели, что связано с рядом выполняемых им функций, имеющих зачастую сугубо се-

мантический характер (см.: Jakobson 2007: 246). Что касается прагматизма языка футуристов, то можно предположить, что он выражен достаточно четко. На него указывает Григорий Винокур, говоря о стремлении представителей этого течения повлиять на практическую речь (см.: Шапир 1990 (а): 264). Футуризм черпал вдохновение из просторечия, что замечает в своих исследованиях Борис Ларин (см.: Ларин 1974: 43), однако главной целью этого движения является не заимствование речевых конструкций из живой речи, а конструирование нового языка для масс. При этом подобное строительство сопровождается одновременно процессом разрушения – здесь имеется в виду уничтожение границ между практическим языком и языком поэзии и прозы. Предложенные футуристами идеи конструкции новых лексических единиц не остались незамеченными в бытовом языке. «Словообразовательная работа футуристов» (Шапир 1990 (а): 265) сказала на способах создания аббревиатур в общественном языке (особенно здесь заметно влияние хлебниковской концепции особой роли начального знака в слове, имеющем признаки морфемы) (см.: Хлебников 1986: 622), а также повлияла на конструкцию имён собственных (см.: Винокур 1990 (а): 21).

Лингвистические опыты футуристов на материале лирики, хотя, на первый взгляд, могут напоминать ничем необоснованные сочетания случайных звуков, на самом деле отличаются детально разработанной и необычно далеко идущей теоретизацией. В частности, подобное определение применимо к творчеству Велимира Хлебникова. К подобным выводам приходят Jakobson, Тынянов, Винокур и другие ученые. В заметках к статье последнего из упомянутых выше исследователей Максим Шапир пишет, что «по мнению Винокура, подлинное творчество языка – имматериально» (Шапир 1990 (а): 265). Это обозначает, что цель его состоит в создании не новых элементов, а новых отношений

этих же единиц. Конструкция таких соотношений может остановиться на одном только фонетическом уровне (сочетание звуков), но может пойти и дальше – соединенные фонемы создадут морфему, а та, в свою очередь, в соединении создаст новое слово. Именно благодаря этой схеме, по мнению Шапира, можно определить своеобразие стиля каждого из поэтов-футуристов, а точнее, можно это сделать, анализируя, «насколько глубоко <поэт> вторгается в языковую природу» (Шапир 1990 (а): 265). Нет сомнений в том, что хлебниковская лирика является примером именно такого, необычайно глубокого, почти научного вторжения в структуру слова как такового.

Подобный подход Хлебникова к языку является доказательством того, о чем говорит Шапир вслед за мнением Виктора Жирмунского, а именно убеждением в том, что самой яркой чертой деятельности Хлебникова является его теоретизм, который разрушает черту между эстетикой и научным творчеством (см.: Шапир 2000 (b): 196). Подобное утверждение неудивительно: ведь футуризм как движение опирался на факт превосходства поэтики над поэзией. Из этого должно следовать, что форма все-таки возвышается над содержанием и даже предопределяет его, к чему склонялся ранний формализм (см.: Шкловский 1995: 19). Об этой черте модернистской лирики упоминает также ряд других исследователей, в том числе Гуго Фридрих, который говорит о главенстве формальной находчивости над оригинальностью мотива. Доказательством этого являются, по словам Фридриха, попытки конструирования в стихотворении автономного языкового организма, элементы которого не имеют никакого отношения к окружающему миру. Таким образом, ограничивается не только количество мотивов, но и мотив как таковой исполняет роль объекта для упражнений по отношению к формальным вариациям (см.: Friedrich 1978: 211). Однако нет сомнений в том, что отношения меж-

ду формой и содержанием в случае поэзии Хлебникова гораздо сложнее.

С одной стороны, Хлебников – теоретик. Он с точностью ученого подбирает суффиксы, придающие слову разные грамматические оттенки, препарирует неологизмы, нередко основывая их не на существующих, а на заумных корнях. Хлебников проводит эксперименты на всех уровнях языковой структуры. Их можно заметить в области фонетики, морфологии, синтаксиса или словообразования. Подобные опыты заключаются, например, в использовании зияния, звучание которого столь непривычно для русского языка, ненормативное использование творительного падежа без предлога, образование окказиональных суффиксов в новообразованных лексикальных формах и тому подобное (см.: Шапир 2000 (а): 90). С другой стороны, конструкция хлебниковского новообразованного слова доведена почти до совершенства – оно обретает своеобразную форму и новые свойства. Точнее, неологизм у Хлебникова построен из квазиморфем, которые отличаются фузионностью, что обозначает их слияние и влечет за собой сложность в разведении, а с другой стороны, переразложением, которое дает, в свою очередь, много возможностей членения слова (см.: Шапир 1990 (а): 266). Таким образом, хлебниковское слово можно расчленить на множество значимых морфем, которые все-таки тяготеют к единству с общим текстом, а сумма значений, заключающихся в слове, больше, чем число составляющих его морфем.

Подобное мнение о конструкции Хлебниковских неологизмов и языка вообще высказывает Михаил Панов, говоря о фузионности лирики Хлебникова. Исследователь замечает столь близкую поэту проблему противоречивости внутри слова, состоящую в различиях между темой и окончанием – тема называет все, что существует вне языка, в пространстве сознания человека, окончание же делает

слово грамматически полноценным. Опираясь на подобную дефиницию слов и исходя из их взаимных связей в предложении, исследователь разделяет языки на агглютинативные и фузионные. Хлебниковский язык же, рассматриваемый здесь как автономное явление, наиболее соответствует описанию второго варианта: «В агглютинативных языках одно от другого отделено резко и категорично. Полная определенность границы, четкая раздельность всех частей слова. В фузионных языках дана та же глубокая спецификация основы окончания, но граница между ними пластически смягчена, она размыта; одна часть слова перетекает в другую при том же принципиальном их различии» (см. Панов 2000: 307). То же самое касается Хлебниковских новообразованных слов: «Неологизмы у Хлебникова построены таким образом, что основа и производящая основа и суффикс слиты, спаяны, граница между ними скрыта. Но сильное смысловое отталкивание морфем остается» (см. Панов 2000: 323).

Столь сложная формальная оболочка присуща не только лексическому уровню, но и другим слоям хлебниковского стиха, например, его метрическому строю, ритму, рифмовке и так далее. Это предположение обосновано структуралистской концепцией языка де Соссюра, предусматривающей гомологию на всех уровнях языка (см.: Burzyńska 2007: 204).

С другой же стороны, несмотря на всю тонкость этой лингвистической конструкции, трудно отрицать, что хлебниковская лирика в своей сущности основана на чем-то большем, что заставляет читателя задуматься над ее смыслом, а не замысловатой формой. Внезапно оказывается, что столь далеко идущая формализация поэзии футуристов привела к обратному результату: «Прямолинейный формализм литературного credo русских футуристов неизбежно вел их поэзию к антитезе формализма» (Шапир 2000 (с): 348), а именно к непосредственному выражению эмоций, к

искренности. Поэтому, повторяя за Винокуром, заумный язык можно считать не борьбой «формы со смыслом, а наоборот – <...> смысла с формой <...>, бунтом содержания против той материальной структуры, в которой оно роковым образом должно воплощаться» (Винокур 1943: 18).

Рассуждая в таком ключе, Винокур в статье 1945 года называет творчество Хлебникова антисемиотической утопией и говорит о стремлении поэта к полному отказу от знака во имя смысла (см.: Винокур 1990 (b): 252). Подобного мнения придерживается также Шапир, указывая на мотивацию создания зауми, которой в случае Хлебникова являлась именно семантизация, в отличие от Крученых, который стремился к новизне неожиданных звуковых сочетаний (см.: Шапир 2000 (c): 350). Отношение поэта к форме как таковой, к абстрактному, неизмеримому и конечному семиотическому слову, определяется даже как враждебное и презрительное. Презрение это объясняется желанием Хлебникова избежать условности и произвольности знака, которые порождают формальные ограничения (см.: Шапир 2000 (b): 198).

Особенно ярко эта тенденция выражена в желании преодолеть категории времени и пространства. Эти попытки заметны, например, в опытах по вычислению временных процессов и поисках закономерностей в датах великих исторических событий. Мотив управления временем появляется у Хлебникова также на уровне метрики стиха и его композиции. Здесь имеется в виду микрополиметрия (см.: Гаспаров 1993: 128) как своеобразный размер в хлебниковских верлибрах, а также широкое использование палиндромов. Однако самым ярким примером того, как Хлебников пытался опровергнуть законы времени и пространства, можно считать идею создания единого всемирного языка, который должен был быть естественным для всех жителей земного шара и уничтожать исторические барьеры, стремясь с равной силой как в будущее, так и в прошлое. При этом нельзя забывать,

что в идеальном варианте он должен был быть незнаковым (см.: Шапир 2000 (с): 348).

Если принять, что время и пространство являются семиотически полноценными, то подобное стремление поэта можно понимать как борьбу с самой знаковостью языка. Винокур определяет временно-пространственные категории как создателей необходимых условий реализации смысла в знаковой форме, что ведёт непосредственно к бахтинской школе толкования этих терминов как форм поэтического языка (см.: Шапир 2000 (b): 198).

В труде «Формы времени и хронотопа в романе» Михаил Бахтин доказывает, что литература и искусство «пронизаны хронотопическими ценностями разных степеней и объемов», а «каждый мотив, каждый выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью» (Бахтин 1975: 391). Исследователь замечает также, что уже сам текст как таковой неразрывно связан со временем и пространством – только с их помощью он способен реализоваться (см.: Бахтин 1975: 401). Неизбежность этой связи подтверждается и при более глубоком анализе: Бахтин замечает, что в искусстве и литературе, также как и в науке, существуют некие смысловые моменты, которые сами по себе не поддаются временно-пространственной категоризации (это предметы нашего абстрактного мышления, например, математические правила). Однако несмотря на устойчивость этих смыслов к временно-пространственным определениям, они все-таки не остаются нейтральными по отношению к хронотопу. Их зависимость от временно-пространственных очертаний состоит в необходимости выражения, т. е. принятия слышимой или видимой знаковой формы: «Без <...> временно-пространственного выражения невозможно даже самое абстрактное мышление» (см.: Бахтин 1975: 406). Именно поэтому, согласно мнению Бахтина, нет смысла, который не проявил бы себя во временно-пространственной

форме: «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» (Бахтин 1975: 391).

Рассматривая понятие хронотопа в подобном ключе, нельзя не согласиться с мнением Винокура о том, что борьба с категориями времени и пространства была для Хлебникова одновременно борьбой за возвышение смысла над формой (см.: Шапир 2000 (b): 198), за освобождение содержания от всех средств выражения, которые деформируют его и ограничивают семантический потенциал.

В чем же в таком случае состоит суть хлебниковской теории языка, которая, судя по открытой вражде к форме как таковой, должна заключаться в чем-то вроде «Поэмы конца» Василиска Гнедова, а точнее – белой странице как манифестации отказа от какой-либо формы, доведенной до полного отрицания языка» (см.: Кузьминский 1989: 17)?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует задать другой: что такое смысл и форма и можно ли вообще говорить об их единстве? В комментариях к рецензии Г. Винокура на «Эстетические фрагменты» Густава Шпета, М. Шапир указывает на ряд противоположностей, которые обуславливают несовместимость этих двух понятий: «смысл невидим и неслышим – знак сенсорно воспринимаем, смысл конкретен – знак абстрактен <...> и наконец, смысл бесконечен в отличие от конечности знака» (см. Шапир 1990 (b): 314). Неизбежность искажения смысла, порождаемая столь противоречивой его натурой, по сравнению со знаком была замечена также Львом Выготским в книге «Мышление и речь. Психологические исследования», а позже – и Николаем Жинкиным, который, в свою очередь, в исследованиях внутренней речи обращает внимание на ее реализацию в образе, а не в слове, т. е. знаке (см. Шапир 1990 (b): 315). Такой подход говорит о своего рода «произвольности» знака, о возможности моделирования его десигната в зависимости от субъективных впечатлений. Одними из наиболее после-

довательных приверженцев идеи вышеупомянутой знаковой произвольности были символисты (см.: Hutnikiewicz 1979: 57–58), из творчества которых Хлебников несомненно черпал вдохновение. Конечно же, все вышеизложенные идеи совершенно не совпадают с основными концепциями сосюровского структурализма – теорией автономности языка, поддающегося имманентному анализу, существованием каждого из элементов языка только благодаря его бинарной оппозиции. Кроме того, смысл, с точки зрения структурализма, был результатом соотношения фонем, составляющих данную систему знаков, и не подлежал влиянию извне (см.: Burzyńska 2007: 203–204). Поэтому следует предполагать, что суть хлебниковских исследований состоит именно в поисках внелингвистических связей знака со смыслом, непосредственного совпадения одного и другого (см.: Шапир 1990 (с): 365).

Вопрос о форме и содержании в контексте творчества Велимира Хлебникова в связи со своей противоречивостью приобретает множество оттенков и вызывает самые противоположные чувства. С одной стороны, доведенная до совершенства теоретизация, с другой же – полный отказ от формального воплощения истинного смысла привели к тому, что проблема знака и содержания остается неразрешимой. Однако, несмотря на все столь несовместимые стремления поэта, феномен хлебниковской поэзии состоит именно в ее гармоничности и целостности, которые отражают природу, время и необъятное пространство в их чистой, неискаженной форме.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. 1975. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. – Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература. С. 234–407.

Винокур Г. 1943. Маяковский – новатор языка. М: Советский писатель.

Винокур Г. 1990 (а). Футуристы – строители языка. – Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Под ред. Г. Степанова, В. Нерознак. М.: Наука. С. 14–22.

Винокур Г. 1990 (б). Хлебников <Вне времени и пространства>. – Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Под ред. Г. Степанова, В. Нерознак. М.: Наука. С. 250–253.

Гаспаров М. 1993. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа.

Кузьминский К., Янечек Д., Очеретянский А. 1989. Забытый авангард. Россия. Первая треть XX ст.: Сборник справочных и теоретических материалов. (Wiener Slawistischer Almanac. Sonderband 21.). Wien.

Ларин Б. 1974. Эстетика слова и языка писателя. Ленинград: Художественная литература.

Панов М. 2000. Сочетание несочетаемого. – Мир Велимира Хлебникова. Статьи, исследования 1911–1998 / Под ред.: Вяч. Иванова, С. Паперного, А. Парниса. М.: Язык русской культуры. С. 303–332.

Хлебников В. 1986. Художники мира! – Творения / Под ред.: В. Григорьева, А. Парниса. М.: Советский писатель. С. 619–623.

Шапир М. 1990 (а). Футуристы – строители языка. Комментарии. – Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Под ред. Г. Степанова, В. Нерознак. М.: Наука. С. 263–271.

Шапир М. 1990 (б). Г. Шпет. «Эстетические фрагменты». I–II. Комментарии. – Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Под ред. Г. Степанова, В. Нерознак. М.: Наука. С. 314–316.

Шапир М. 1990 (с). Хлебников. <Вне времени и пространства>. Комментарии. – Филологические исследования. Линг-

вистика и поэтика / Под ред. Г. Степанова, В. Нерознак. М.: Наука. С. 362–365.

Шапир М. 2000 (а). О поэтическом языке произведений Хлебникова. Обсуждение доклада Р. Якобсона в Московском лингвистическом кружке. – Мир Велимира Хлебникова. Статьи, исследования 1911–1998 / Под ред.: Вяч. Иванова, С. Паперного, А. Парниса. М.: Язык русской культуры. С. 90–96.

Шапир М. 2000 (б). Язык вне времени и пространства: Г.О. Винокур о лингвистической утопии Хлебникова. – Мир Велимира Хлебникова. Статьи, исследования 1911–1998 / Под ред.: Вяч. Иванова, С. Паперного, А. Парниса. М.: Язык русской культуры. С. 197–199.

Шапир М. 2000 (с). О звуко-символизме у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»: фонетическая структура). – Мир Велимира Хлебникова. Статьи, исследования 1911–1998 / Под ред.: Вяч. Иванова, С. Паперного, А. Парниса. М.: Язык русской культуры. С. 348–354.

Шкловский В. 1995. Искусство как прием. – От формализма к структурализму. Проблемы теории литературы / Pod red. Cz. Andruszka. Poznań: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. S. 15–27.

Burzyńska A. 2007. Strukturalizm (I). – Burzyńska A. Teorie literatury XX wieku / Pod red. A. Burzyńskiej, M. Markowskiego. Kraków: Znak. S. 199–230.

Friedrich H. 1978. Struktura nowoczesnej liryki. Warszawa: PIW.

Hutnikiewicz A. 1976. O czystej formie do literatury faktu. Warszawa: Wiedza powszechna.

Jakobson R. 2007. Poetyka w świetle językoznawstwa. – Teorie literatury XX wieku: Antologia. / Pod red. A. Burzyńskiej, M. Markowskiego. Kraków: Znak. S. 243–253.

ОППОЗИЦИЯ «ВРАГ – ГЕРОЙ» В ВОЕННЫХ ЛУБКАХ В.В. МАЯКОВСКОГО¹

Наталья Михаленко (Москва)

В августе–октябре 1914 года московское издательство «Сегодняшний лубок» (Г.Б. Городецкого), типография С.М. Мухарского, выпустило серию цветных лубков – карикатурных плакатов и открыток, иллюстрирующих стихотворные тексты В.В. Маяковского. Авторами плакатов были В.В. Маяковский, К.С. Малевич, Д.Д. Бурлюк, В.Н. Чекрыгин, И.И. Машков, А.В. Лентулов.

Свои работы художники выполняли не в индивидуальной манере, а в коллективном стиле, вследствие чего их лубки были легко узнаваемы. Картинки «Сегодняшнего лубка» следовали традиции, можно провести параллели как с лубками XVII–XIX вв., так и с военной графикой Отечественной войны 1812 г., Первой мировой войны и Русско-японской войны. Близкими были темы, мотивы – образы героя и врага, изображение русских в момент победы, решительного удара, высмеивание противника (неумение вести боевые действия, трусость, глупость, жадность), образ воюющей женщины, легко расправляющейся с супостатом. А также способы воплощения этих тем и образов (колористические решения, организация пространства и расположение фигур людей, противопоставление гиперболизированного образа героя маленькому, бессильному, часто уподобленно-

го животному, противнику). В подписях к лубкам высмеивались враги и восхвалялись подвиги соотечественников.

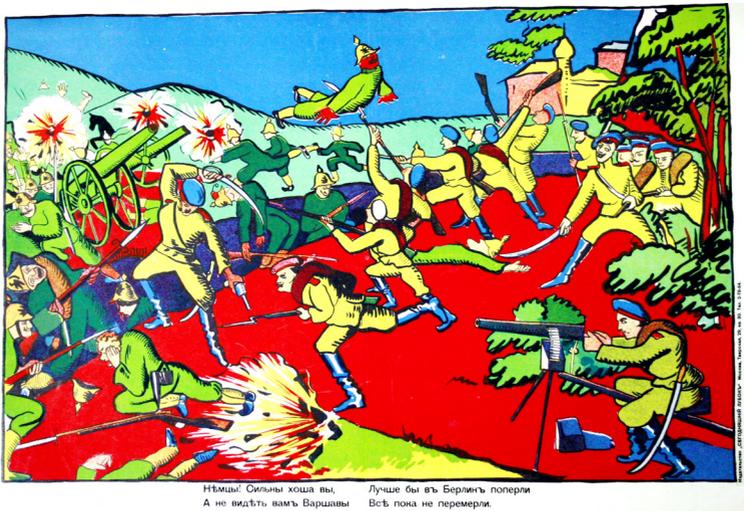
Создание образа врага, приписывание негативных качеств какой-либо группе людей, манифестация возведенных в абсолют предрассудков и отвращения – это часть военной пропаганды. Она преследует цель пробудить в обществе и армии ненависть к врагу, высмеять его неумение вести военные действия, в утрированном виде показать его, часто мнимые, отрицательные качества, причем врагу приписываются всевозможные пороки и недостатки (жадность, глупость, недалекость, немотивированная злоба). Для этого используются все доступные медиа-средства. В годы Первой мировой войны в России таковыми были плакаты, лубки, частушки, военные рассказы, романы о жизни германского и австрийского дворов (последние порочили глав государств и их семейства; см.: Нерадов 1914, Агиори 1914, Неизвестный автор 1914).

Необходимо сказать о традиции создания образа врага, о том, как воспринимали друг друга немцы и русские до войны. Как писал Вашик, «Россия... считалась в Германии (и это представление уходит корнями еще в начало XIX в. и даже в Средневековье) бескультурной, агрессивной и чуждой страной, не имеющей ничего общего со странами Западной Европы» (Вашик 2005: 192).

«Чужеродность и отсталость царской России выразались одним банальным понятием “азиатский характер России”. Отсталость по отношению к Западной Европе считалась, в широком смысле, результатом, по-видимому, природной примитивности русских и их неспособности к культурному развитию. В то же время присутствовал страх перед величиной, силой страны и стремлением русских к завоеваниям» (Вашик 2005: 194). В пропагандистских листовках Первой мировой войны особенно подчеркивались такие черты русских, как жестокость, бессовестность и свирепость. Так в издании «Kennen Sie Rußland? Von Zwölf

russischen Untertaten” (Berlin, 1916) писали: «Русский характер отличается в первую очередь контрастом между меланхолией, чисто славянской добродушностью и жестокими кровожадными инстинктами, присущими исключительно азиатским кочевым народам» (цит. по: Вашик 2005: 194).

В России восприятие немцев было прямо противоположным, благодаря тому, что немецкая культура и язык играли большую роль среди интеллигенции (в этом контексте стоит отметить и семейные связи царской семьи, и значительное немецкое экономическое присутствие). «Даже в начале Первой мировой войны, в разгар антирусской агитации и соответствующего “ужасного” изображения русских на плакатах и карикатурах, ситуация в России существенно не изменилась» (см.: Вашик 2005: 195). Плакаты и лубки не преследовали никаких непосредственных целей демонизации, а создавали сатирические образы, призванные принизить противника и свести его угрозы к нулю (Ил. 1).

*Ил. 1. «Немцы! Сильны хоша вы, / А не видѣть вам Варшавы...»
Автор текста В.В. Маяковский*

На основе такого сатирического противопоставления и строились картинки «Сегодняшнего лубка». Некоторые изображения композиционно поделены на две части: войско немцев и русских. В лубке «Немцы! Сильны хоша вы, / А не видеть вам Варшавы. // Лучше бы в Берлин поперли / Все пока не перемерли» (автор текста В.В. Маяковский) (Маяковский 1955–1961, 1: 358) изображено наступление русских. Их атаку поддерживает яркий алый цвет травы, который одновременно является и цветом крови, символизирует высокую, жертвенную миссию русского войска. Неслучайно в верхнем правом углу изображены дома и среди них виден купол церкви. Немцы поражены столь мощной атакой русских, они в ужасе убегают или падают на землю – их лица перекошены. Грязно-зеленый цвет их обмундирования сливается с цветом травы. Хотя немецкие пушки и направлены в сторону русских, их огонь не может им повредить – на переднем плане русский солдат бежит вперед со штыком наперевес, не обращая внимание на взрыв снаряда. Русские дерутся с жаром, их фигуры изображены в динамике – в центре лубка казак замахнулся саблей на лежащего на земле немца, в левой руке у казака граната. Вверху листа один из русских воинов поднял на штык немца. Помещенный по центру, такой эпизод свидетельствует о неминуемой гибели немецкой армии. Такие композиционные, колористические средства, динамика рисунка подчеркивают мощь русских, их удаль и силу (*Ил. 2*).

В лубке «В славном лесе Августовом...» (автор текста В.В. Маяковский) наступающих русских почти не видно – часть их войска выезжает из леса, они изображены с пиками, подобно воинам на средневековых миниатюрах или, например, на миниатюрах И.Г. Блинова, изображающих Куликовскую битву. Впереди отрядов скачут два знаменосца (изображение знамени, двуглавого орла, сюжета, близкого к иконографии Георгия Победоносца, были традиционными

Въ славномъ лѣсѣ Августовомъ / Битыхъ немцевъ тысячъ сто вамъ / Врагъ изрубленъ, а затѣмъ онъ / Пущенъ плавать въ синій Нѣманъ.

*Ил. 2. «В славном лесе Августовом / Битых немцев тысяч сто вам...»
Автор текста В.В. Маяковский*

символами русских в лубках этого времени), солдаты нарисованы на вставших на дыбы конях, один из солдат на пике поднимает поверженного немца. Такая символика свидетельствует о боевых действиях русских как освободительных, не зря в обществе Первая мировая война называлась второй Отечественной. Орудия русских не видны, но очень зримо их действие – на всем лубке изображены их залпы, поражающие немцев. Даже переправившимся немцам нет спасения – их бегство останавливают выстрелы русских. Подпись к лубку бравурная, эмоциональная, но вместе с тем жестокая: «В славном лесе Августовом / Битых немцев тысяч сто вам. / Враг изрублен, а затем он / Пущен плавать в синий Неман» (Маяковский 1955–1961, 1: 356). Интересно, что лубки на тот же сюжет (литографии Товарищества И.Д. Сытина «Битва с немцами под Августовым» (М., 1914) и типо-литографии Э. Левина «Бой под Августовым» (1914)) не

несут такой эмоциональной, драматичной семантики, они более походят на перерисовки фотографий. Русские изображены там теснящими врагов, они численно превосходят немцев, достаточно детально изображено обмундирование и оружие воинов двух сторон. Подписи к рисункам лаконичны, сообщают об изображенном событии: «Попытка немцев переправиться через Неман и зайти в тыл нашим армиям в Польше, перерезав железнодорожные линии от Москвы и Петрограда, окончился для них огромным поражением. Отброшенные от Немана немцы делали отчаянные попытки задержать натиск наших войск. Особенно жаркий бой происходил в окрестностях г. Августова. <...> Нами захвачены орудия, пулеметы и бронированные автомобили» («Битва с немцами под Августовым») (Ил. 3).

*Ил. 3. «Эх ты немец, при да при же / Не допрешь, чтоб сесть в Париже...»
Художник и автор текста В.В. Маяковский*

Враги и герои в картинках «Сегодняшнего лубка» часто противопоставлены по цветовой характеристике и

динамике действий. Так, в лубке «Эх ты немец, при да при же...» (художник и автор текста В.В. Маяковский) русские изображены быстро скачущими на красных, охряных и черных конях, по их фигурам и лицам понятно, что они готовы к бою, их одежда ярких чистых тонов. На переднем плане, спиной к зрителям, изображены воины, ведущие артиллерийский обстрел Берлина. Благодаря такой композиции зритель тоже ощущает себя участником происходящих событий, у него создается чувство сопричастности. Таким образом получается, что воюют не только нарисованные воины, но и все люди (мир). Фигуры русских занимают всю правую часть картинки, а благодаря тому, что Берлин изображен в зареве взрывов и пожаров, а враги бегут из него, то и центр лубка, большее его пространство принадлежит защитникам Отечества, что подчеркивает их скорую победу. Фигуры немцев похожи на тряпичных кукол, вся их одежда решена в грязно-желтом и грязно-зеленом тонах. Немцы застыли в шаге, с ужасом оглядываются назад или падают на землю, безвольно вытянув руки, или лежат, раскинув руки и ноги, кажется, что это вырезанные из бумаги фигурки, прорисован только их силуэт.

Динамику, силу и удаль русских подчеркивает и подпись к лубку: «Эх ты немец, при да при же / Не допрешь, чтоб сесть в Париже. / И уж братец – клином клин: / Ты в Париж, а мы в Берлин!» (Маяковский 1955–1961, 1: 358). Отрывистые фразы, повтор разговорного слова, глагола («при», «не допрешь»), безглагольные конструкции второй части придают подписи характер лозунга, боевого клича. Характер такой подписи близок к частушке этого времени: «Пожалуй, строй свои редуты! / Копай траншеи до утра! / Отнять их дело полминуты / Для залихватского “ура”» (Лехно 1915: 28).

На динамике действия, движений построен лубок «Масса немцев пеших, конных...» (художник А.В. Лентулов, автор текста В.В. Маяковский). В этой картинке изображено

одновременно и начало действий русских (они несутся к немецкому эшелону), и конец действий (разрушенный поезд). Такое временное несоответствие и гиперболическое изображение силы русских подчеркивает богатырскую мощь их войска – возможность разрушить целый поезд, перевернуть и искривить целые вагоны. По сравнению с фигурами русских немцы несоразмерно малы, нарисованы выпадающими из окон вагонов, никакого достойного сопротивления они оказать не могут. Русские изображены детально, традиционно для народных картинок – многие солдаты с бородами. Их как бы поддерживает природа – они выезжают из леса, характерного для средней полосы. Сила солдат подчеркнута и в подписи к лубку: «Масса немцев пеших, конных / Едут с пушками в вагонах, // Да казаки по опушке / Раскидали немцам пушки // И под лих казачий гомон / Вражий поезд был изломан!» (Маяковский 1955–1961, 1: 357) (Ил. 4).

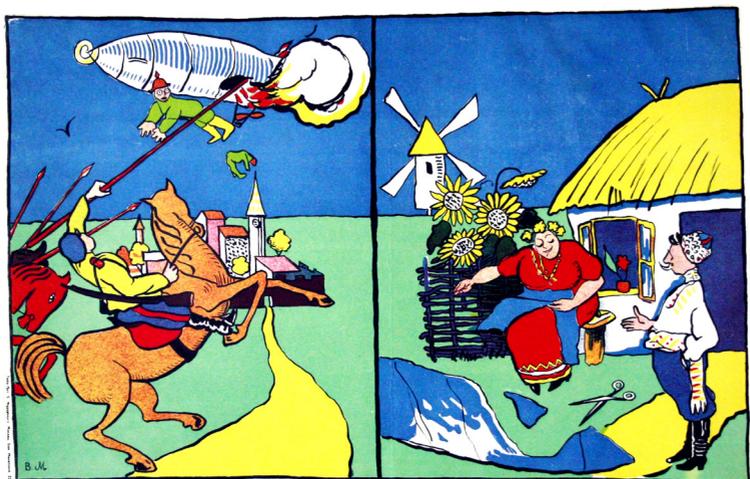

Ну и треск-же, ну и гром-же
Был от немцев подлѣ Ломжи

Ил. 4. «Ну и треск-же, ну и гром-же / Был от немцев подлѣ Ломжи!»
Художник К.С. Малевич, автор текста В.В. Маяковский

Для лубков Первой мировой войны характерна героизация русского воина, сравнение его с былинным богатырем. Такие лубки прославляли смелость, необыкновенную силу, находчивость защитников Отечества. Образ богатыря являлся олицетворением мощи всей России. В лубке «Ну и треск же, ну и гром же / был от немцев подле Ломжи!» (художник К.С. Малевич, автор текста В.В. Маяковский) богатырь в традиционном русском крестьянском костюме (красной рубахе, лаптях) одним цепом крушит ряды немцев. Сюжет расправы с супостатом голыми руками или сельскохозяйственным орудием был характерен для военных лубков (например, см.: «Как хохол немца в плен взял», художник Д. Моор, литография товарищества И.Д. Сытина, М., 1914). Они нарисованы грязно-желтым цветом, причем им раскрашены все их фигуры. Немцы держатся друг за друга, убегают строем, что еще более связывает рисунок с изображением жатвы. Богатырь борется с врагом, точно делает привычную для него сельскохозяйственную работу – обмолачивает хлеб. Он изображен в самом центре рисунка, его фигура занимает все пространство от земли до неба.

Традиция изображения русского воина богатырем была характерна для лубка Первой мировой войны, например, лубок «Дракон заморский и витязь русский» Товарищества типо-литографии И.М. Машистова (М., 1914), «Городки», издание торгового дома Барнет (Москва). В некоторых картинках функцию героя-богатыря выполнял казак². В частушках донских казаков возникает такой образ героя – защитника Отечества: «Казачи мы удалые, / Нас вспоил широкий Дон, / Воскормила мать-Россия, / Свят нам праотцев закон. / Не страшимся смерти, плена, – / Нам страшна одна измена. // Верный сын Руси казак, / Не изменит ей никак: / Ни за девку, ни за злато, / Ни за друга, ни за брата, / Он погубит даже мать / За науку изменять» (см.: Лехно 1915: 14) (Ил. 5).

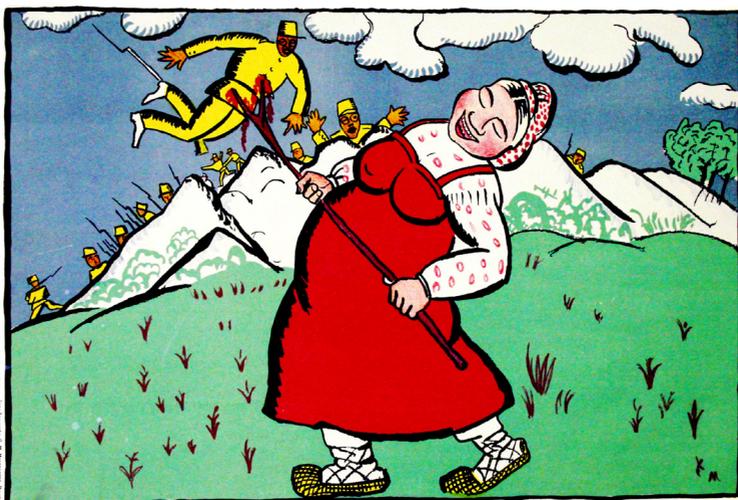

Немец рыжий и шершавый   Да назань Данило Дий   И ему жена Полина
 Разлетался над Варшавой,   Продыравить его гиной   Шьеть штаны из цебелина.

*Ил. 5. «Немец рыжий и шершавый / Разлетался над Варшавой...»
 Художник и автор текста В.В. Маяковский*

Сюжет пронзенного копьем врага был распространен как в лубке XVII–XIX веков, так и в картинках Первой мировой войны. Семантика такого сюжета заключалась в показе полной победы над врагом, его невозможности оказать хоть какое-то сопротивление. На лубке «Немец рыжий и шершавый» (художник и автор текста В.В. Маяковский) изображен казак Данила Дикий, он представлен как защитник города от вражеского дирижабля. Гиперболическая фигура казака, растянувшаяся по диагонали от левого нижнего угла к правому верхнему, соединяет небо и землю, и поражает цеppelin. Немцы, находившиеся в нем, падают на землю. Их фигуры не детализированы, обозначены грязными тонами. Вторая, завершающая картинка – «жена Полина / Шьет штаны из цебелина» – олицетворение мирной жизни, за которую воюет казак. Данило Дикий и его супруга изображены в традиционных украинских костюмах, на заднем плане нарисована мельница,

хата и изгородь, за которой растут подсолнухи. Вся военная мощь немцев высмеивается действием Полины, шитьем из брезента цеппелина штанов мужу – вот только на что может сгодиться немецкий летательный аппарат. Подпись к рисунку предельно лаконична, она также подчеркивает простоту, даже обыденность подвига казака: «Немец рыжий и шершавый / Разлетался над Варшавой, // Да казак Данило Дикий / Продырявил его пикой. // И ему жена Полина / Шьет штаны из цеппелина» (Маяковский 1955–1961, 1: 358) (Ил. 6).

Шел австриец в Радзивилы,
Да попал на бабьи вилы.

*Ил. 6. «Шел австриец в Радзивилы, / Да попал на бабьи вилы»
Художник К.С. Малевич, автор текста В.В. Маяковский*

Вровень с русским богатырем или казаком – изображение русской женщины, борющейся с врагом. Эта традиция идет от картинок Отечественной войны 1812 года («Ах матки мои вор пришел ко мне во двор...», «Французская атака русской бани», «Французы голодные крысы, в команде у старостихи Василисы»; см.: Ровинский 1900)³. Картинка «Се-

годняшнего лубка» «Шел австриец в Радзивилы, / Да попал на бабьи вилы» (Маяковский 1955–1961, 1: 355) (художник К. Малевич, автор текста В. Маяковский) изображает русскую женщину в красном сарафане, которая подняла на рогатину крошечную фигурку немца. По выражению ее лица понятно, что бой с немцем не доставляет ей никакого труда, она улыбается. За недалекими холмами притаились остальные враги, они в ужасе выглядывают из-за своего укрытия. Немцы не могут оказать ей никакого сопротивления. Эта картинка по способу борьбы с врагом аллегорично восходит к сюжету пронзенных копьем.

Часто в лубках немцы изображались в глупых и комичных ситуациях. Например, в картинке К.С. Малевича «Глядь, поглядь, уж близко Висла; / Немцев пучит – значит, кисло!» (Маяковский 1955–1961, 1: 357) (художник К. Малевич, автор текста В. Маяковский) немец изображен с раздутым животом, его лицо выражает удивление и ужас. Фигура немца рыхлая, у него неестественно вывернуты ноги, мундир разъезжается, он в полной растерянности. Остальные враги изображены среди полей – их животы также раздуты. Частушка этого времени так высмеивает поражение немцев под Вислой: «Руки кверху, морда кисла, / Ин не сладко воевать. / Будешь долго помнить Вислу / И россейску нашу рать» (см.: Лехно 1915: 9).

Некоторые картинки «Сегодняшнего лубка» содержали драматический элемент, были организованы как драматическое действие, состоящее из нескольких частей. Лубок «Обвалилось у Вильгельма / Штыковое рыжеусие» (автор текста В. Маяковский) представляет из себя шестичастную историю, в которой рассказывается о том, как поражения войск воспринимаются германским кайзером и австрийским императором. Главным врагом и зачинщиком войны в лубках часто выступал кайзер Вильгельм. Если в картинках Первой мировой войны его образ демонизировался, он изображался Антихристом, то в графике «Сегодняшнего лубка»

он выглядит смешным и жалким. Образ кайзера всячески снижается – на первой картинке он похож или на лягушку, или на таракана, сидит в неестественной позе. Он изображен не как государственный деятель, а как неудачный землевладелец – «Пропадает наш картофель, / На отбитой территории» (Маяковский 1955–1961, 1: 356). На третьей картинке визуально воплощается выражение «сесть в галошу» – он тонет в галоше. На всех трех картинках его фигура изображена в динамике – на первой он поражен, на второй сокрушается, на третьей просит о помощи – создается своеобразное драматическое действо, которое поддерживает подпись к лубку – разговорные, просторечные выражения, обращения героя к самому себе, его сетования превращают рисунки в своеобразную киноленту: «Обвалилось у Вильгельма / Штыковое рыжеусие, / Как узнал лукавый шельма / О боях в восточной Пруссии. // Опустив на квинту профиль, / Говорит жене – Виктории: / Пропадает наш картофель / На отбитой территории. // Как же вышло это, ишь ты, / Что сию теперь в галоше я? / А сулили Конопишты / Предприятие хорошее» (Маяковский 1955–1961, 1: 356). На картинках внизу изображен крах императора Австрии: «Чую – дядя Франц-Иосиф / Будет в Киеве аптекарем» (Маяковский 1955–1961, 1: 356). Он торгует сомнительными лекарственными средствами от выпадения волос, а судьба кайзера еще более трагична, в картинках и подписях прослеживает черный юмор: «Женка! Эх! Уйдем в безбурье! / Я набрел на мысль прекрасную: // Мы откроем в Петербурге / Королевскую колбасную. // Так и вышло. В Пятой роте / Продает мясное крошево. // “Эй ребята! Аль зайдете! / Право купите задешево!”» (Маяковский 1955–1961, 1: 356). В этом лубке четко выделяются композиционные части – завязка («Обвалилось у Вильгельма / Штыковое рыжеусие...»), кульминация («Как же вышло это, ишь ты, / Что сию теперь в галоше я?»), развязка («Так и вышло. В Пятой роте / Продает мясное крошево»).

Следуя традиции народных картинок, художники «Сегодняшнего лубка» сумели создать подлинно новаторские произведения. Цвета их работ яркие, бравурные, четко разделяющие противников, в сюжетах картинок прослеживаются аллюзии на христианские образы и мотивы (образ Георгия Победоносца), русские войны изображены в динамике, немецкие – в статике. Для стихотворных подписей Маяковского характерен предельный лаконизм (не более шести строк) – такого не было в лубках предыдущего времени (были или краткие рассказы о событиях, или подробные сатирические стихи, описывающие сюжет картинки). Подписи Маяковского отличаются сниженной лексикой, ярко выраженной авторской позицией. Поэт использует разговорные слова и выражения, чтобы подчеркнуть динамику военных событий, силу русских, неотвратимость их победы.

Подписи и рисунки «Сегодняшнего лубка» равновелики, создают единство, поддерживают друг друга, делая агитацию понятной, яркой, эмоциональной, разводящей по разным полюсам героя и врага, делая их образы наглядными, живыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 13-04-00404. В статье использованы иллюстрации из фондов Российской государственной библиотеки. Благодарю за содействие в работе заведующую отделом Фонда изоизданий (ИЗО) Л.В. Родионову.

² Казаки-герои изображены, например, на следующих лубках Первой мировой войны: «Куды лезешь, куды прешь!» (художник И. Степанов. М.: Типография акционерного общества «Московское Издательство», б.г.), «Великая европейская война (Герой-казак Козьма Крючков)» (Торговый дом А.П. Коркин, А.В. Бейдман и Ко, 1914), «Казак и немцы» (художник Г. Нарбут. Пг.: Акционерное общество Биохром,

1914. Типография Товарищества Р. Голике и А. Вильборг), «Как казак учил австрийцев работать пикой и шашкой» (М.: Товарищество типо-литография И.М. Машистова, 1914), «Наши герои казаки» (художник Н. Богатов. М.: Лит. Товарищества И.Д. Сытина, 1914).

³ О подвигах русских женщин создавались литературные произведения. Например, см.: Прохорови 1914.

ЛИТЕРАТУРА

Агиори, граф. 1914. Дочь Вилгельма II-го: Придворный скандал. Пг.

Вашик К. 2005. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов. – Образ врага[: Сборник статей] / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ.

Лехно В.Б. (сост.). 1915. Солдатские частушки, записанные со слов раненых. Типография Т-ва И.Д. Сытина. М.

Маяковский В.В. 1955–1961. Полное собрание сочинений: В 13 тт. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Государственное издательство художественной литературы.

Неизвестный автор. 1914. Тайны германского двора: Записки придворного. М.

Нерадов И.И. 1914. Тайны Австрийского Двора: За кулисами войны. М.

Прохорови А.В. 1914. Геройский подвиг одной русской женщины Валентины Гавринской, которая победила целый германский полк и тем спасла весь город и всех жителей, находившихся в нем, от кровавых набегов продолжающейся войны. М.

Ровинский Д.А. 1900. Русские народные картинки: В 2 тт. СПб.: Издание Р. Голике.

УЧЕНИЕ Н.Ф. ФЕДОРОВА В ЭСТЕТИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.Н. ЧИЧЕРИНА

Александр Гончаренко (Краснодар)

В центре эстетических исканий поэта и теоретика Алексея Николаевича Чичерина – глобальный проект реорганизации жизни, основывающийся на двух главных требованиях: равноправия знаковых систем и создания письменной речи согласно специфике физиологии пишущего.

Генезис чичеринской концепции разнороден и сложен для дешифровки. Последнее объясняется тем, что Чичерин старательно скрывал истоки своих идей или же упоминал источники вдохновения без называния имен и прибегая к иносказаниям. Так, ни в одном тексте Чичерина не появляется имя Николая Федоровича Федорова, хотя учение последнего оказало решающее влияние на построения теоретика или, по крайней мере, имело поразительные совпадения с ними¹.

В декларации «Кан-фун», вышедшей в 1926 году, Чичерин предлагает два направления реформирования поэтического языка. Первое касается организации поэтического материала и требует достижения «максимальной нагрузки потребности на единицу организуемого материала в минимальном пространстве» (Чичерин 1926: 10). Второе проблематизирует необходимость равенства в использовании

различных знаковых систем, именно – идеографической, пиктографической и фонографической. В обоих требованиях Чичерин близок федоровским позициям, выраженным в статье «Об идеографическом письме»:

Фонетическое письмо имеет такие недостатки, а идеографическое такие достоинства, что первому никогда не заменить второго. Все вынуждено иметь, да все и должно иметь свое символическое, образное выражение, содержащее многое в малом (Федоров 1995: 216).

Надо отметить, что чичеринские взгляды не столь радикальны, как федоровские. Бесспорно, в некоторых фрагментах «Кан-Фуна» Чичерин предпочитает визуальные знаковые системы фонографическим, один раз и вовсе выстраивает иерархию:

Первое место в Поэтическом «языке» должен занять знак картинного предстояния, называемый пиктограммой, и образ в предмете, а идеограммная конструкция линейных соотношений, как знак с уклоном в абстракцию – может быть на втором месте (Чичерин 1926: 10).

Однако есть основания полагать, что Чичерин противоречил им же требуемому принципу равноправия языков из одной лишь полемической необходимости: поэт воспринимал доминирование фонографического языка столь остро, что это заставляло его требовать переворота иерархии, но не ее устранения. Предпочтительность равноправия знаковых систем в чичеринской концепции следует в первую очередь из следующих строк, выражающих наиболее рассудочное историческое понимание вопроса:

Переоценив значение исторической перспективы, Алфавит сочли следствием развития предшествовавших стадий смыс-

лового графления; стадии: пиктографическую, идеографическую и фонограммную расположили по вертикали, одну над другой, объяснив их, как одну из другой, не обращая внимания на то, что цели и назначения их не противоречат друг другу и не заменяют друг друга, что все эти стадии всегда и везде существовали и сосуществуют, очень полезны и целесообразны, играют очень большую роль в нашем быту (Чичерин 1926: 9).

Необходимость равноправия в чичеринской концепции, но не иерархии знаковых систем имеет и федоровские основания.

Художественные искания Чичерина наиболее созвучны учению Федорова в понимании слова и искусства как средств преодоления смертности. Смертность – центр федоровской антропологии: осознание смертности и сопротивление ей, согласно Федорову, принудило человека к прямохождению, что было не только толчком в развитии творческо-созидательных способностей, но и выражением непокорности природе. Человеком, по Федорову, управляют противоборствующие силы: природное начало – не сознающая смерти животная страсть к размножению и пожиранию – и начало нравственное – стремление к преодолению смерти путем созидания неприродного.

Главное качество, возникшее в человеке из осознания смертности, – представление:

Представление есть образ, оставшийся после того, как сямый предмет исчез. Содержание представления, заставившего поднять чело, могло быть дано только самым поразительным явлением, исчезновением, смертью, и притом исчезновением старшего поколения, отцов, образы которых не могли не восставать в представлении (Федоров 1982b: 516).

Похоронный плач, как и любое погребальное искусство, основывается на осмыслении образов умерших. В по-

хоронном плаче голос преодолевает животное происхождение и обретает форму слова, выражающего представление.

Причитания словесно рисовали образы; словесные образы переходили в живописные, и, таким образом, то, что субъективно было печалью об утратах, объективно уже являлось восстановленными образами отцов (Федоров 1982b: 518).

Существенно, что для Федорова создаваемый образ умершего объективен: «Что субъективно – память, то объективно – сохранение связи, единение; что субъективно – забвение, то объективно – разрыв, смерть; что субъективно – воспоминание, то объективно – воскрешение» (Федоров 1982b: 518). Или: «...что субъективно – молитва, то объективно – образ, а будет со временем и дело. Строя образы отцов, человек устраивает самого себя, становится сам человеком, сыном» (Федоров 1982b: 511). Федоров полагает критерием для различения субъективного и объективного направленность опыта к личному, собственному бытию или же к бытию другого, иными словами – к бытию всеобщему: память существует только для вспоминающего человека, тогда как созданный в молитве образ вызывает к жизни умершего, воскрешает его, то есть взаимодействует уже не столько с бытием молящегося, сколько с бытием того, о ком молятся. Федоров показывает это следующим образом: «...если первое представление было отец, то и первое членораздельное слово должно было соответствовать этому представлению. Но оно означало не того, кто дает жизнь, а того, кому дают жизнь, принося на могилу пищу и питье» (Федоров 1982b: 518). Создание образа умершего живым человеком приобщает умершего к жизни и, следовательно, имеет не личностное значение для субъекта молитвы, но объективно влияет на все молитвенное пространство.

Объективность создаваемого образа – один из ключевых моментов, связывающих художественные искания

Чичерина с учением Федорова. В неопубликованном произведении «О Владимире Владимировиче Маяковском. Воспоминания» (1939) Чичерин показал, что поэзия Маяковского строится на артикуляционной физиологии ее автора. Чичерин отталкивается от специфики декламации Маяковского, в которой произнесение ударных гласных сопровождается призвуками:

Я начал прислушиваться к этой особенности Маяковского, разбираться в причинах возникновения призвуков и в условиях их существования (эту работу я делал в течение десяти лет – с 1921 по 1930 года). Я заметил, при этом, что они имеют влияние на ритмы, темпы и паузы стихов Маяковского (см.: Чичерин 1939: 16).

Чичерин объяснял выявленную специфику следующим образом:

Это языковое явление, в более сложном разнообразии и микроскопических долях, подстилает всю нашу речь. <...> оно опирается на известный закон аккомодации (приспособления) звуков и объясняется так:

Органы произнесения или, как их называют в науке – артикуляционные органы, от действия которых зависит внешняя форма человеческой речи (челюсти, губы, язык и т. п.), в своей работе стремятся к экономному расходованию сил. Приспосабливаясь, при произнесении звуков, друг к другу, они делают нашу речь технически совершенной и легкой.

Каждому звуку, для естественного восприятия слова нашей психикой, свойственно определенное время звучания. Наши артикуляции стремятся ограничить это время звучание нормой. При естественном течении речи мы не успеваем замечать те микроскопические призвуки, которые сопровождают всю без исключения работу наших артикуляций (см.: Чичерин 1939: 17–18).

Совокупность артикуляционных признаков есть одна из идентификаций человека; как любое формальное свойство, оно имеет объективную природу. По Чичерину, Маяковский интуитивно организовывал строфику и ритмику стихотворений согласно объективной специфике собственной речи, тем самым увековечивая свое бытие в объективно созданном образе собственной физиологии.

В свете размышлений о творческом методе Маяковского предпочтение Чичериным фрагмента из поэмы «Владимир Ильич Ленин» «самым совершенным стихотворным строкам Пушкина» (Чичерин 1939: 17) представляется не жестом литературной борьбы, традиционным для многих идеологов модернизма, но неизбежным следствием исследовательской логики, нашедшей объективные основания для ранжирования поэзии «с точки зрения стихотворного мастерства». В «Воспоминаниях о Маяковском» Чичерин использует имя Пушкина и понятие «греческая метрика» в качестве символов-ориентиров, помогающих определить поэзию литературно-совершенную, но не способную сохранить объективный образ автора, так как эта поэзия построена по законам литературы, грамматики, ритма, но без учета физиологии автора.

Позицию Чичерина здесь несложно отличить от футуристских опытов. Его реформа стихосложения отрицает фонетическое письмо футуристов, которое стремится к достижению эффекта иррациональности творчества за счет разговорности речи будто бы низового происхождения, безыскусности выделки, упрощенности и даже примитивности его разработки (ярчайшее воплощение перечисленные качества нашли в заумных драмах И. Зданевича (см.: Зданевич 2008: 475–679) и романах А. Крученых (см.: Крученых 2001: 335–380)). Принцип, предлагаемый Чичериным, не приемлет механической регистрации устной речи и наделения результатов регистрации поэтической функцией.

Футуристы использовали физиологию – например, технику спонтанного почерка, – для субъективизации письма и творчества в целом. Поиски Чичерина имеют обратное направление: требование рационализации творчества на основе объективных принципов гармонирует с наукообразностью отдельных мест «Воспоминаний».

Описанный артикуляционный закон, образно названный Чичериным аккомодативным дренажем (см.: Чичерин 1924: 43), теоретик предлагал в качестве непреложного основания словесного творчества:

...это явление, сопутствующее работе произносительных органов подстигает всю нашу речь... У Маяковского оно было обнажено и, как избыточная порода, – выпирало наружу. Умелое использование его в построении ритма представляет собой важную проблему. Все мастера живого слова и звука – поэты, чтецы и теоретики-исследователи в дальнейшем должны будут учитывать это явление в своей работе (Чичерин 1939: 18).

Проективный пафос художественной концепции Чичерина обнаруживает влияние и идеологии жизнестроительства, обоснованной продолжателем и критиком федоровского учения В.С. Соловьевым. Искусство должно «пресуществить нашу действительную жизнь» (Соловьев 1991: 89), – этому требованию Соловьева Чичерин вторит, определяя цель конструктивистского творчества в декларации «Кан-Фун»: «...знак есть корректив жизненных дел» (Чичерин 1926: 25). Однако жизнестроительская сущность чичеринской концепции, характерная для многих авангардистских концепций, имеет весьма конкретную, именно федоровскую направленность и далека от общих рассуждений Соловьева о необходимом синтезе духовного и материального. В созвучии с федоровской уверенностью в том, что за созданием объективного образа отца со временем последует

дело – непосредственное воскрешение, Чичерин конкретизирует всеохватность провозглашаемого им конструктивизма: «...перед нашим именем затрепещет Вселенная. Мы – приговор разобщенности тел – племя мира. Мир есть объект колонизации Человечества» (Чичерин 1926: 24). Разработка федоровских идей здесь очевидна: и противопоставление человека природе, и требование участия в космической жизни, и стремление к всеобщему братству, восходящему к единому отцу, являлись основанием учения Федорова.

Мысли Чичерина созвучны федоровским и в следующей цитате: «Если бы при постройке Вавилонской башни строители были Конструктивистами, – смешения языков не последовало, и небо давно было бы в наших руках» (Чичерин 1926: 24), – эти строки напоминают о федоровском понимании вавилонского смешения языков как двойного наказания: за превращение языка в средство торговли и за непомерную гордыню, самолюбование. Федоров утверждал: «Наказание смешением языков последовало именно за то, что поколение живущее хотело воздвигнуть памятник себе, т. е. забыло отцов, забыло, конечно, и язык их» (Федоров 1982а: 66). Для Чичерина Вавилон символизирует не только раздробление единого языка на национальные. Под Золотым веком языкового единства Чичерин, вероятно, понимал синкретизм разных знаковых систем, имевший место до начала стремительного развития письменности, увенчавшегося полным доминированием последней. Отстаивая равенство знаковых систем для фиксированных форм литературы, Чичерин создавал и живые представления, основанные на синтезе различных выразительных средств. В воспоминаниях Т. Лишиной читаем об исполнении Чичериным поэмы В. Каменского «Степан Разин»:

В чтение главы о персидской княжне Чичерин ввел танец княжны, который исполняла талантливая ученица местной школы ритмики и пластики. Под четкий ритм этих стихов вна-

чале робко и медленно, а потом все быстрее и быстрее развивался танец. Движения сливались с голосом чтеца и иллюстрировали драматическую ситуацию (Лишина 1968).

Наряду с равноправием знаковых систем Чичерин отстаивает и равенство сохраняемых знаковыми системами объектов – образов, представлений. Эти мысли теоретик развивает в науке о литераторах, сформулированной в «Воспоминаниях о Маяковском». В их завершении Чичерин возмущается однотипностью музыкального сопровождения похоронных церемоний и предлагает «над телами людей, подобных Маяковскому, и на вечерах, посвященных их памяти», исполнять марш из «Траурно-триумфальной симфонии» Г. Берлиоза, «пока еще наши, Советские композиторы, не догадываются писать индивидуальные мелодии на смерть великих Советских людей» (Чичерин 1939: 35). Если рассматривать эти строки в применении к художественной концепции и отвлечься от советской риторики, то требование индивидуальных похоронных композиций неизбежно следует из логики восстановления или сохранения целостных человеческих образов. Другой фрагмент «Воспоминаний о Маяковском» позволяет поставить под сомнение приоритетное положение «великих Советских людей»:

...не может быть исчерпывающего знания литературы данной эпохи без исчерпывающего знания физической, бытовой и психической жизни всех живших и действовавших одновременно, больших и малых, порой даже, как будто, совсем незаметных писателей (Чичерин 1939: 7–8).

Чичерин подчеркивает важнейший для развития федоровского учения аспект: в сохранении нуждаются образы всех без исключения, а не только выдающихся деятелей той или иной эпохи. Здесь в очередной раз невозможно не вернуться к учению Федорова:

Единство не поглощает, а возвеличивает каждую единицу, различие же личностей лишь скрепляет единство, которое все заключается, во-первых, в сознании каждым себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т. е. сыном всех умерших отцов, а не бродягою, не помнящим родства, как в толпе; и, во-вторых, в признании каждым со всеми вместе, а не в розни, не в отдельности, как в толпе, долга своего к ним, ко всем умершим отцам, долга, ограничения коего исходят только из чувственности или, точнее, из злоупотребления чувственностью, которое и дробит массу (сельский род), превращает ее в толпу (Федоров 1982а: 66).

Проблематичным представляется разворачивание чичеринского проекта в глобальных, не только перспективных, но и ретроспективных масштабах, с необходимостью предполагаемых такими основаниями чичеринских исканий, как жизнестроительство и федоровское учение о воскрешении. Чичерин обращается к поэтам, чтецам и теоретикам с требованием обязательно знать и учитывать «заложенные в самом материале слова “железные законы”». Далее он уточняет: «При изучении стихов Маяковского надо обращать внимание на заложенные в материале их темпы, овладение которыми – в познании их объективных причин» (Чичерин 1939: 19). В то же время Чичерин не раз подчеркивает бессознательную природу описываемой особенности стихосложения Маяковского, непреднамеренно, интуитивно открывшего новый путь мышления поэзии: «У колыбели этой проблемы стоит врожденный талант В.В. Маяковского». Насколько сложно осознанное использование «объективных причин» собственной речи – физиологии артикуляции и аккомодационной специфики? Возможно ли познание физиологии речи другого человека? Каким образом реконструировать физиологический аспект речи умерших, пусть и оставивших после себя образцы письма? Тексты Чичерина не отвечают на эти вопросы, неизбежно возникающие при

практически-ориентированном продумывании чичеринской реформы стихосложения, не только предлагаемой будущим поколениям литераторов, но и разворачиваемой на литературный процесс прошлого. Следовательно, реформа не покидает теоретического, проективного измерения, оставаясь, как и учение Федорова о воскрешении, документом мысли, памятником радикального мышления, яростно отрицающего границу между теорией и практикой, но именно в ней находящего свой предел. Однако Федоров, непрестанно критикующий различие между теорией и практикой (в его терминологии – раздор между знанием и делом), считал, что «примирение может начаться только в мире мысли» (см.: Федоров 1982с: 592). С этой точки зрения чичеринская реформа стихосложения представляется единственно возможным проектом поэтического музея – музея в федоровском смысле этого слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анализ влияния Федорова на творчество отечественных авангардистов проведен, например, М.Я. Вайскопфом на материале В.В. Маяковского (см.: Вайскопф 2003: 364) и О.Н. Морозом на материале П.Н. Филонова и Н.А. Заболоцкого. (см.: Мороз 2007: 139–299).

ЛИТЕРАТУРА

Вайскопф М.Я. 2003. Во весь голос: религия Маяковского. – Вайскопф М.Я. Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: Новое литературное обозрение. С. 343–486.

Зданевич И.М. 2008. Философия футуриста: романы и заумные драмы. М.: Гилея.

Крученых А.Е. 2001. Стихотворения, поэмы, романы, опера. СПб.: Академический проект.

Лишина Т. 1968. Так начинают жить стихом. – Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 5. М.: Молодая гвардия.

Мороз О.Н. 2007. Генезис поэтики Николая Заболоцкого. Краснодар: Виноградов-фонд.

Соловьев В.С. 1991. Общий смысл искусства. – Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство. С. 73–89.

Федоров Н.Ф. 1982 (а). Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах восстановления родства. – Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль. С. 53–441.

Федоров Н.Ф. 1982 (b). Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь. – Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль. С. 507–521.

Федоров Н.Ф. 1982 (с). Музей, его смысл и назначение. – Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль. С. 575–604.

Федоров Н.Ф. 1995. Об идеографическом письме. – Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4 тт. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс». С. 215–216.

Чичерин А.Н. 1924. Основные приемы. – Зелинский К., Сельвинский Э.-К., Чичерин А.Н. Мена всех. М. С. 43–44.

Чичерин А.Н. 1926. Кан-фун. М.: Московский цех поэтов.

Чичерин А.Н. 1939. О Владимире Владимировиче Маяковском. Воспоминания [Микроформа]. РГАЛИ Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 63.

«Я, Я, Я. ЧТО ЗА ДИКООЕ СЛОВО!
НЕУЖЕЛИ ВОТ ТОТ – ЭТО Я»:
О КОЭФФИЦИЕНТЕ ЭГОЦЕНТРИЗМА
В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛ. ХОДАСЕВИЧА

Анна Рубцова (Таллин)

В настоящей статье мы хотим поговорить о роли автора в тексте. Но говорить об этом мы будем не с точки зрения семантики или истории литературы, а постараемся представить методологический подход к определению этого феномена.

Нередко в школе учат рассуждать, анализируя стихотворения, приблизительно так: «лирический герой стихотворения Пушкина / Лермонтова / Блока / Ахматовой ищет выход / ответ на вопрос / задается вопросом / размышляет и т. д.». В университете уже говорят о «голосе автора», его «интенциях», «авторском присутствии в тексте» и т. д. Однако, как это часто случается, наше восприятие стихотворных текстов, читательские ощущения часто бывают не объективными, они по определению своему пристрастны, хотя зачастую оказываются вполне верными. Именно поэтому необходима квантификация эстетического восприятия, которая, как говорят одни, чересчур уж беспристрастна и полностью обезличена, но, как говорят другие (и мы в их числе), дает возможность объективировать ту или иную гипотезу и самое «ощущение» текста.

В свое время мы попытались взглянуть на цикл «Белых стихов» Вл. Ходасевича из сборника «Путем зерна» через призму отсылки автора к самому себе в этих текстах (см. Рубцова 2011). И обнаружили, что все они очень «я-центричны»¹, что явилось еще одним аргументом в пользу того, что тексты эти могут быть отнесены не только семантически, но и с формальной точки зрения, к одному корпусу и должны рассматриваться как некоторое целое. Эти выводы хотя и оказались весьма скудными и неполными, однако дали толчок к развитию новой идеи анализа текстов точным методом.

Главные вопросы настоящего исследования мы сформулируем так:

1. Как максимально объективно определить «автобиографичность»¹ стихотворного текста?

2. Какие статистические методы оказываются наиболее сообразными для этого?

3. Что такие подсчеты могут дать помимо сухих цифровых выражений, например, для изучения поэтики, связей с другими авторами, для выявления определенных тем и приемов?

Б.И. Ярхо писал, что «доминирующая эмоция или эмоциональная концепция взвешивается точно так же, как и идея. В эту же работу входит и взвешивание того, что я назвал бы эмоциональным тонусом» (Ярхо 2006: 125). Вслед за Ярхо мы назовем выявление удельной доли авторского присутствия в текстах определением «эмоционального тонуса» (Ярхо 2006: 125) произведения. Для этого введем термин, который в частных беседах с профессором Карпи², мы в шутку назвали «авторской эгоцентричностью». Затем, поразмыслив на эту тему, мы всерьез решили статистически выявлять личное присутствие автора в тексте посредством вычисления некоторого коэффициента, коэффициента эгоцентризма.

Для этого мы рассматривали каждый отдельный стихотворный текст пяти сборников в хронологическом порядке (хронология важна для последующего изучения эволюции,

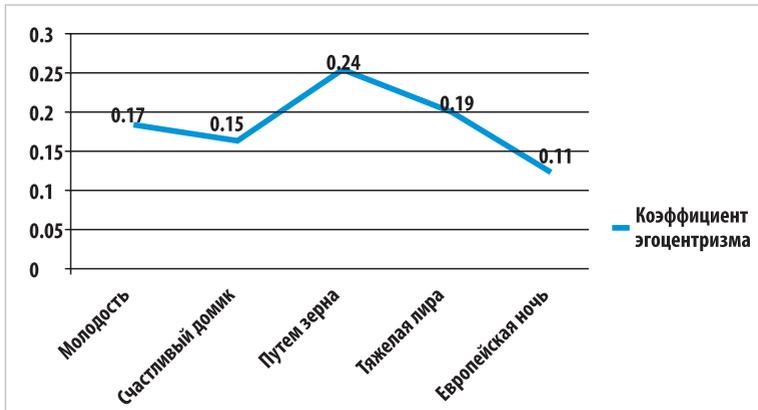
некоторого развития авторского эго). В расчет брались лишь прямые отсылки автора к себе, т. е. местоимение «я», глаголы первого лица единственного числа, все словоформы местоимения «себя», в случае если производителем действия является «я», а также личное местоимение в косвенных падежах «мне, меня, со мной, обо мне» и т. д. Однако, важно отметить, что мы не просто считали эти слова, т. е. исходным для нас являлось не понятие лексемы, а считали синтагмы, в которых принимают участие интересующие нас лексемы. Таким образом, счет идет по строкам, за счет чего иногда строка, не имеющая в своем составе слов, перечисленных выше, берется в расчет, поскольку является продолжением / началом синтагмы, в которой эти слова есть. Этим самым мы постарались найти компромисс между слепой квантификацией и смысловой нагрузкой. Предвосхищая вопрос о включении в расчеты местоимения «мы» и глаголов согласованных с этим местоимение, сразу скажем, что этого мы не делали абсолютно сознательно³, поскольку все, что делается двумя и больше или происходят с двумя и более – по своему определению не «я-центрично». Самое главное в нашем методе определения коэффициента эгоцентризма – процесс подсчета. Отметив все отвечающие заданным параметрам синтагмы, мы присвоили им свой коэффициент. Каждая строка, в которой встречается местоимение «я» и/или глагол первого числа единственного числа умножается на 1, каждую строку, в которой лексема «я» стоит в косвенном падеже мы умножали на 0,5. Если синтагма распространялась на более чем одну строку, то умножались все строки. Изначально мы хотели сделать более детальную шкалу, однако отказались от этого по причине некоторой необъективности и лингвистической необоснованности. В нашем случае мы умножаем на 1 – активные действия «я», на 0,5 – пассивное. Необходимое уточнение: случаи, в которых есть прямое использование «я», личный глагол и т. д. не будут учитываться, если идет прямая речь не от лица автора.

Продemonстрируем на примере ход расчетов:

<u>Люблю людей, люблю природу,</u>	1 * 2
Но <u>не люблю ходить гулять,</u>	1
<u>И твердо знаю, что народу</u>	1 + 0,5
<u>Моих творений не понять.</u>	1 + 0,5
Довольный малым, <u>созерцаю</u>	1
<u>То, что дает нещедрый рок:</u>	1
Вяз, прислонившийся к сараю, Покрытый лесом бугорок...	
<u>Ни грубой славы, ни гонений</u>	1
<u>От современников не жду,</u>	1
<u>Но сам стригу кусты сирени</u>	1
Вокруг террасы и в саду.	

Итак, коэффициент эгоцентризма данного стихотворения равен 0,92 (11 указаний / 12 строк). Это, конечно же, очень высокий показатель, самый высокий для всех пяти книг стихов у Ходасевича.

Теперь, когда процедура анализа ясна, посмотрим на динамику роста коэффициента эгоцентризма или, напротив, перерастание оного от сборника к сборнику.

Первые две книги стихов, юношеские сборники Ходасевича, весьма соизмеримы друг с другом в отношении авторского эго, коэффициент эгоцентризма несколько уменьшается ко второй книге стихов, однако в целом Ходасевич весьма стабильно использует «себя» в качестве действующего лица в первых двух сборниках. Очень красноречив факт значительного роста коэффициента в «Путем зерна». Происходит это, конечно же, за счет уже упомянутого выше цикла белых стихов, которые нарочито «автобиографичны», что заметно даже без квантификации, однако и другие тексты, не входящие в цикл, весьма наполнены авторским присутствием; этот сборник Ходасевича считается самым философским, направленным на внутреннее размышление, посему и роль самого автора настолько ярко выражена в нем. В «Тяжелой лире» намечается понижение коэффициента, однако он все равно выше, чем в первых двух сборниках, а в «Европейской ночи» коэффициент эгоцентризма самый низкий, несмотря на то, что этот сборник самый длинный по общей сумме строк. Создается впечатление, что к концу своего поэтического творчества Ходасевич как бы намеренно значительно меньше вводит себя в общую канву своих текстов. Средние показатели, безусловно, дают некоторое представление о развитии авторского присутствия в поэтических текстах Ходасевича, однако, используя их, нельзя точно сказать много это или мало. Ярхо говорит, что «вопрос о большом» и «малом», о «частом» и «редком» – вопрос кардинальной важности» (Ярхо 2006: 145); он сетует на то, что понятиями «большого» и «малого» «у нас, в литературоведении, швыряются крайне легкомысленно и безответственно: например (чтобы взять один случай из сотни) один исследователь говорит, что в “Дворянском Гнезде” “много коротких фраз”. Много по отношению к чему? Коротких по сравнению с чем? Измерил ли он среднюю длину фразы?

Поинтересовался ли он количеством коротких фраз в других романах Тургенева? Конечно, ничего этого он не сделал, а просто бросил слово на ветер и из этого ветра сделал выводы. Такой «метод» в нашей науке – не исключение, а правило» (Ярхо 2006: 145). Чтобы не быть голословными и не делать «ветреных выводов», мы посчитали для каждого сборника «полосу относительной нормальности»⁴, т. е. получили тот диапазон, тексты, входящие в который, статистически считаются нормой для каждого из пяти сборников Ходасевича. Эти данные выглядят следующим образом (относительные величины):

	полоса «нормальности»	«много»	«мало»
Молодость	9,67–24,27	> 24,27	< 9,67
Счастливый домик	7,4–23,4	> 23,4	< 7,4
Путем зерна	13,9–34,2	> 34,2	< 13,9
Тяжелая лира	9,2–29,4	> 29,4	< 9,2
Европейская ночь	3,75–19,45	> 19,45	< 3,75

В среднем для трех сборников из пяти («Молодость», «Счастливый домик» и «Европейская ночь») диапазон «нормальности» весьма стабилен – 14,6, 16 и 15,7 соответственно. Однако в «Путем зерна» и «Тяжелой лире» он значительно выше – 20,3 и 20,2. Прежде, чем посмотреть на распределение текстов по этой шкале, сравним полученные данные по творчеству Ходасевича с аналогичными показателями по Пушкину и Лермонтову. Для этого мы взяли по 10 текстов у раннего Пушкина за 1826 год, позднего Пушкина за 1836 и у позднего Лермонтова за 1841 год.

Мы получили следующие средние показатели коэффициента эгоцентризма:

Безусловным лидером является Лермонтов: средний показатель коэффициента превышает даже самый «я-центричный» сборник Ходасевича «Путем зерна». Средний показатель у Пушкина в начале и конце творчества очень схож, а также хорошо коррелируют с Ходасевичем периода «Тяжелая лира». Это в очередной раз подтверждает, что «Тяжелая лира», как самый классицистический сборник, следует пушкинской традиции не только в вопросах ритмики и метрики (см.: Рубцова 2012). Рассмотрим и полосу относительной нормальности для Пушкина и Лермонтова:

	полоса «нормальности»	«много»	«мало»
Пушкин 1826	10,45–28,55	> 28,55	< 10,45
Пушкин 1836	12,95–27,85	> 27,85	< 12,95
Лермонтов 1841	14,36–37,46	> 37,46	< 14,36

Самая широкая полоса нормальности, конечно, у Лермонтова, однако только 3 текста из десяти вписываются в эту полосу; 3 текста значительно его превышают; в 3 коэффициента равен нулю и лишь одно стихотворение можно отнести к категории «мало» – 10%. У Пушкина 1826 года 6 текстов входят в полосу нормальности, 2 – превышают ее, 1 – в категории «мало» и в одном коэффициент равен нулю.

Т. е. Пушкин в данном случае гораздо чаще апеллирует к «себе» в своих текстах. В 1836 году ситуация несколько другая: в полосе нормальности находятся 3 текста из 10, один значительно ниже ее, 4 стихотворения входят в категорию «много» и в двух текстах коэффициент равен нулю. Распределение текстов по такой шкале у Ходасевича выглядят следующим образом:

	полоса «нормальности»	«много»	«мало»	коэфф = 0
Молодость	9	9	11	5
Счастливый домик	7	10	9	9
Путем зерна	8	14	7	7
Тяжелая лира	13	13	8	13
Европейская ночь	10	6	1	12

Приведем данные в относительных величинах:

	полоса «нормальности»	«много»	«мало»	коэфф = 0
Молодость	26,5%	26,5%	32,3%	14,7%
Счастливый домик	20%	28,6%	25,7%	25,7%
Путем зерна	22,2%	38,9%	19,4%	19,4%
Тяжелая лира	27,7%	27,7%	17,0%	27,7%
Европейская ночь	34,5%	20,7%	3,4%	41,4%
Пушкин 1826	60%	20%	10%	10%
Пушкин 1836	30%	40%	10%	20%
Лермонтов 1841	30%	30%	10%	30%

Наиболее интересно при сопоставлении этих показателей является то, что при распределении данных по такой шкале мы видим наибольшую схожесть между «Тяжелой лирой» и текстами Лермонтова 1841 года, а не пушкинскими текстами. Хотя по среднему значению тексты Лермонтова значительно превышают показатели «Тяжелой лиры». Также налицо плавное уменьшение у Ходасевича от сборника к сборнику стихотворений, где коэффициента эгоцентризма мало, т. е. поэт постепенно, со временем, как будто вводит больше тексты с собой в главной роли или, напротив, тексты с нулевой «автобиографичностью», избегая редкого или случайного упоминания о себе. По остальным параметрам ярких закономерностей не наблюдается, не прослеживается некоего механизма «компенсаторности» между нормой, большим и малым количеством и отсутствием коэффициента эгоцентризма.

Наибольшей «нормальностью» у Ходасевича отличается последний сборник стихов, здесь 34,5% всех текстов вмещаются в полосу нормальности; однако интересно, что этот же самый сборник обладает самым большим количеством текстов, в которых авторское эго несколько не выражено – 41,1%, и наименьшим числом стихов, где коэффициента эгоцентризма мало. И здесь встает самый главный, самый важный и безусловно оправданный вопрос: за счет чего происходит дистрибуция указаний на авторское эго в каждом отдельном тексте, сборнике или творчестве автора? Есть ли какие-то закономерности, какие-то тенденции? Или все это абсолютно случайно? От чего зависит большая или малая доля себя, частое или редкое упоминание о себе в стихотворениях? Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходима долгая кропотливая работа и отдельное углубленное изучение, поэтому к настоящему моменту мы произвели достаточно беглый, но, вместе с тем, внимательный анализ двух гипотетических возможностей. Первое,

что приходит на ум – обратиться к семантической составляющей стихотворений и попытаться выявить некоторую корреляцию между темой и коэффициентом эгоцентризма. Второй возможностью поиска закономерности могло бы стать определение связи между размером стихотворения и силой авторского эго (это мысль оправдана циклом «Белых стихов», которые обладают схожей длиной, написаны одним размером, могут быть причислены к одному жанру). К данному этапу работы мы подходили без каких-либо априорных ожиданий и загодя подготовленных выводов, мы не знали, каков будет результат. Но, к сожалению, а, возможно, и к счастью, в этот раз результат не оправдал ожидания. Не представилось возможным разбить тексты на некоторые тематические или жанровые группы, чтобы они, таким образом, коррелировали с большим или малым процентом эгоцентризма в них; размеры также никаким образом не отличались частотой «автобиографичности». Это наблюдение, безусловно, нас раздосадовало. Сначала. Ведь имея дело с точным методом, прибегая к помощи цифр, мы всегда надеемся увидеть невидимое, понять сокрытое и установить связи между некоторыми, порой кажущимися далекими друг от друга рядами. Однако, поразмыслив, мы пришли к выводу, что этот отрицательный результат ни в коей мере не может нивелировать весь пласт проделанной работы. Во-первых, коэффициент эгоцентризма – вещь во многих смыслах необходимая, ибо благодаря ему мы можем определять, как часто тот или иной автор апеллирует к себе, насколько он, в некоторой степени, откровенен с читателем; насколько разные авторы походят в этом вопросе или, напротив, отличаются друг от друга. Также, самое главное, что стоит считать частым и большим, а что – редким, случайным и по-настоящему малым. А, во-вторых, мы наглядно смогли проиллюстрировать эволюцию авторского эго у Ходасевича. Это кажется немаловажным в изучении формальных харак-

теристик творчества поэта, поскольку открывает новые возможности и перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее слово «автобиографичность» мы будем использовать в кавычках, имея в виду тексты, в которых есть отсылка автора к себе.

² Мы искренне благодарим профессора Гуидо Карпи за помощь и участие в работе над этой статьей. Его советы и поддержка были для нас очень важны.

³ Мы также следуем подходу Ярхо, говорившему, что «Идея должна быть *expressis verbis* выражена в тексте произведения: только тогда можно сказать, что она в нем наличествует. Выводить ее путем произвольной экзегезы – бесплодное занятие» (Ярхо 2006: 123).

⁴ Или «среднее отклонение» (см.: Ярхо 2006: 136–139).

ЛИТЕРАТУРА

Карпи Г. 2012. Деньги до зарезу нужны: темы денег и агрессии в «Братьях Карамазовых»: (Опыт статистического анализа). – *Philologica*, т. 9 № 21/23. С. 74–104. (<http://www.rvb.ru/philologica/09pdf/09carpi.pdf>)

Лермонтов М.Ю. 1957. Собр. соч.: В 4 тт. Т. 1.: Стихотворения. М.: Государственное издательство художественной литературы.

Пушкин А.С. 1981. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 2.: Стихотворения 1824 (Михайловское) – 1836. М.: Правда.

Рубцова А.А. 2012. Из наблюдений о пятистопном ямбе Ходасевича. – Стихосложение Вл.Ф. Ходасевича: 1905–1927: Магистерская работа. Таллин. С. 57–69.

Ходасевич Вл. 2009. Собр. соч.: В 8 тт. Т. 1. : Полное собрание стихотворений М.: Русский путь.

Ярхо Б.И. 2006. Методология точного литературоведения. Избранные труды по теории литературы. М.: Языки славянских культур.

ПУСТОТА ПУСТОТ, ИЛИ ПОЧТИ ПОЛНЫЙ ПЕЛЕВИН

Татьяна Боева (Таллин)

*<...> путь из алгебры в гармонию
должен скачком повиснуть над пустотой.*

Ю.М. Лотман
07.09.1993

В статье под названием «Пустота как фундаментальная проблема» Ю.М. Лотман отмечает, что «<...> пустота становится основой еще не использованного резерва науки» (Лотман 1993: 2).¹ Это замечание не утратило актуальности по сей день – действительно, понятие «пустота» располагается на стыке науки и искусства, но до сих пор не осмыслено в литературоведении, хотя в литературе широко используется. Особый интерес Лотмана к понятию пустоты в его поздних работах дает нам повод продолжить научное развитие этой темы, закрепив за *пустотой* неоспоримую ценность и значимость в исследовании литературного текста.

Несмотря на растущий интерес к буддизму и его основам, важное для него понятие пустоты сложно адаптировать для европейского сознания² и еще сложнее применять в научной сфере. Основные трудности здесь усматривают не только в определении самого термина и в понимании природы пустоты, но и в разделенности науки, религии, искусства и философии. Хотя сегодня высоко ценится междисципли-

нарный подход, его методология носит скорее экспериментальный характер. Дуалистическое представление о мире является существенной преградой не только для понимания *пустоты*, но и для понимания мироздания вообще.

В.А. Подорога в своих работах призывает взглянуть на пустоту другими глазами, перестать ее бояться и не ассоциировать ее с концом, смертью или чем-то запредельным или несуществующим: «Надо понять эту пустоту не как угрозу или как повод для ожидания того, что ее неминуемо заполнит, но скорее и совершенно просто, как то, что все различает и что в ее пределах ничто не остается неразличимым. Эта пустота, *vide* – **инструмент различий**. Пустота, которая позволяет все видеть и все наделять значением» (Подорога 1996; выделено в оригинале. – Т. Б.). Лотман подчеркивает, что именно наличие пустого пространства создает возможность динамического творчества. Он делает вывод, что, преодолевая механистическое мышление XVIII века, надо постараться осмыслить вселенную не в терминологии и категории машины, а на языке искусства: «В этом отношении изучение художественного акта приобретает смысл. С этой точки зрения, философия искусства перестает быть факультативным пространством, привлекающим внимание лишь ограниченного круга эстетов: она становится одним из центральных пунктов общей теории структуры мира» (Лотман 1993: 4).

Задача настоящей статьи состоит в исследовании специфики изображения *пустоты* в романе В. Пелевина «Т» (2009); ссылаясь на М. Эпштейна, можно сказать, что мы внедряемся в *экологию* или даже *эфирологию* этого текста (См.: Эпштейн 2004: 202–213). В литературоведении уже делаются попытки использовать *пустоту* в качестве метода исследования. Так, Тимоти Уолш в монографии «Темная суть слов: Отсутствие, незнание и пустота в литературе» (Walsh 1998) обращает внимание на то, что лучшие произведения искусства таят в себе некую тайну, непостижимость, беско-

нечность. Наряду с этим Уолш напоминает читателю, что по своей природе человек крайне ограниченное создание, его чаще волнует то, что находится за пределами его знания, его собственных ощущений. Пробелы, пустоты в художественных произведениях представляют собой попытки воспроизвести реальные и неизбежные ограничения человеческого опыта. Автор, создавая произведение искусства, нагружает его пропусками, умолчаниями, чтобы превратить читателя в соучастника и создателя смыслов. Этот эффект достигается писателем намеренно, с помощью «структурированного отсутствия» («structural absence»). Текстуальные пропуски, нарративные пробелы и системообразующая неустойчивость приводят к неопределенности текста – *это* в итоге и является важнейшим элементом «мистической» литературы. Такая идея перекликается с тем, что написано в «Дао дэ цзин» о том, что полезность всего зависит от *пустоты*:

Тридцать спиц соединяются в одной ступице, [образуя колесо], но употребление колеса зависит от пустоты между [спицами]. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность чего-либо имеющегося зависит от пустоты (Дао дэ цзин, XI; перевод Ян Хин-шуна).

Таким образом, принцип, описанный уже около двух с половиной тысячелетий назад, используется сейчас на научном поле, в сфере литературоведения. По мнению Уолша, пустота продуктивна, а умение автора-создателя проявляется в манипулировании пустотой. В таком случае в задаче исследователя входит распознавание этих пропусков и объяснение их роли в произведении.

В русской литературе немало мистических авторов, однако ни один из них не заявлял о пустоте так смело, как Пелевин. Апофеозом *пустоты* в современной русской литературе можно назвать его роман «Чапаев и Пустота», од-

нако мы уделим внимание роману «Т», который уже в силу своего однобуквенного названия указывает на пропуски, отсутствие и недосказанность³. *Пустота* – сквозной мотив романа «Т» хотя бы потому, что главный герой, граф Т., пытается сначала понять свою природу и максимально заполнить внутреннюю пустоту, чтобы существовать; затем он начинает создавать себя из пустоты, чтобы существовать; на последней стадии он силится понять природу пустоты и смириться с ней (впустить в себя). Путь графа «Т» в «Оптину Пустынь» включает в себя три основных этапа:

Заметить пустоту (страх перед не-существованием, смертью, стремление заполнить пустоту) => *придать ей смысл* (Божественная природа) => *убрать все смыслы* (освободиться).

Пустота не раз описывается в тексте: «густая чернильная темнота», «вообще полное ничего», «пустое место», тень, дыра, ноль, небытие; она бывает серая, прозрачная, невидимая, неосязаемая. И если в начале романа *пустота* связана с опасностью, исчезновением, смертью, то в конце она приобретает более мистическую окраску: теперь это «знакомая тьма, полная невидимого света, который давал о себе знать множеством неуловимых отблесков. Ни на одном нельзя было задержать внимание – он сразу исчезал, но вместе они превращали черноту в нечто другое, не похожее ни на тьму, ни на свет» (цит. по: Пелевин 2009: 381; далее цитаты из романа «Т» даются по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках).

Итак, на этом этапе анализа мы обнаружили первостепенное значение *пустоты* на сюжетном уровне. Если проанализировать текст Пелевина на отсутствующие величины по Уолшу, то выяснится, что автор романа «Т», создавая текст, действительно, опирается на *пустоту*.

Роман «Т», как и любое другое произведение Пелевина, неоднозначен: одно и то же событие объясняется

здесь по-разному в зависимости от точки зрения разных персонажей. В романе нет ничего стабильного: постоянно меняющийся хронотоп, шаткая структура, дискретность, незавершенность сюжетных линий вносят в текст неустойчивость. Читателю предстоит самому выбрать главную (реальную для героя) и второстепенную линии. Пелевинская проза во многом зависит от индивидуального восприятия. Все эти характеристики согласуются с теорией Уолша и действительно включают читателя в процесс создания текста. Однако любопытно привести мнение читателей, которых *пустота* в текстах отталкивает от чтения. Некоторые критики (см.: Проскуряков 2009, Пустовая 2010) в первую очередь отмечают, что роман «сделан» сомнительным образом, в нем много необязательных мест, у него рваный ритм и отсутствует какая-либо логика. Подобного рода замечания оценивают роман в координатах традиционной сюжетобразующей практики, игнорируя то обстоятельство, что Пелевин в «Т» *текст отождествляет с жизнью*; читателю дается понять, что наша жизнь тоже «сделана» *довольно сомнительным образом*, так называемая «внешняя реальность» в действительности является шатким построением разума. Отсутствие логики и ритма в повествовании – важнейший прием пелевинской прозы, т. к. логика, «обязательность мест» и однообразный ритм противоречат авторской стратегии, *буддийской* природе текста. Популярный критик современной литературы Валерия Пустовая замечает, что «в каждой последующей книге Пелевина обновляется только “низовой”, смеховой, популярный план, тогда как на уровне высоких смыслов со времен “Чапаева и Пустоты” ничего не сдвинулось» (Пустовая 2010). Между тем это замечание усиливает возможное сопоставление произведения (произведений) Пелевина с миром вообще, где на уровне высоких смыслов (будь то религия или философия) ничего нового не происходит с незапамятных времен, между тем как «низо-

вой» уровень (со всем его прогрессом и историей) обновляется ежесекундно. Пустовая жалуется, что «актуальность колет читателя, как принцессу, не давая “забыться”, увлечься книгой» (Пустовая 2010). Здесь, неосознанно для критика, артикулирована важная черта романа «Т»: действительно, Пелевин намеренно будоражит читателя, резко и неожиданно обрывает его мысли, меняет их ход, запутывает его, указывает на уязвимость и несостоятельность памяти, прерывает работу практически автоматического механизма составления логических цепочек, связанности и, тем самым, не просто обманывает, но лишает читателя ожиданий.

Нужно заметить, что Пелевин вовсе не собирается учить читателя способам просветления, истина в его книгах всегда проскальзывает между строк, попадает в уста часто неподходящим для ее проповедования героям, она случайна и недосказана, т. к. Пелевину как никому другому известно минимальное значение теории и максимальное значение индивидуальной практики, непосредственного переживания, при достижении познания мира/себя. Таким образом, пелевинский текст представляет собой не только теорию буддизма, но и его самую настоящую практику, когда сознание влияет на текст, а текст влияет на сознание, встречаясь в читателе. Джеф Хампфрис в книге «Чтение пустоты» предпринял попытку осмыслить способы взаимодействия буддизма и литературы как практики, а не теории. Он приводит интересные параллели: «Тексты подобны саду дзэн: то, что мы видим, зависит от того, что мы привносим в то, что видим» («Texts are like Zen gardens: what we see depends on what we bring to the seeing»; Humphries 1999: 36; перевод мой. – Т. Б.).

Хампфрис соединяет древние буддийские положения с идеями и эстетикой теории постмодерна и приходит к выводу, что ближайшим способом приближения культуры Запада к Среднему Пути буддизма является *литературная практика*, но ни одна из всех видов западных теорий или

философий. Он подчеркивает, что форма и значение всегда виртуальны, они не бывают законченными и статичными. Текст постоянно меняется в зависимости от читателя, эта изменчивость и является жизнью, магической силой произведения искусства. Подобный взгляд на текст перекликается с пелевинским пониманием сути литературы: «Настоящая литература обладает этим качеством – быть “настоящей”, не будучи такой» (цит. по: Лаярд 1999). Ум читателя неотделим от текста, и оба они пустые формы; существует много истин в каждом из них по отдельности, но все же только вместе это великая сила. Хапмфрис пишет также о способе видения мира через слова и буквы и о способе видения слов и букв через мир; он заявляет: «Все теории пусты, как и все тексты, как и все читатели. Две вещи всегда истинны в любом тексте: текст всегда остается одним и тем же вне зависимости от того, кто с ним взаимодействует и как его читает; и он всегда полностью новый и отличающийся в каждый момент прочтения одним и тем же человеком или разными людьми» («All theories are empty, like all texts, and all readers. Two things are always true of every text: it is always the same, no matters who enacts or reads it, or how; and it is always entirely new and different every time and every instant that it is read, whether by the same person or not»; Humphries 1999: 55; перевод мой. – Т. Б.).

По мнению Александра Гениса, тексты Пелевина представляют собой своего рода паломничество. Он замечает, что Пелевин требует от читателя повышенной *алертности* (т. е. повышенной внимательности, готовности. – Т. Б.), так как «<В> сущности, вся проза Пелевина — руководство к пересечению этого трансцендентного рубежа, уроки выращивания той метафизической реальности, которой нет, но которую можно создать» (Генис 1997).

XXIII глава в романе «Т» наиболее нагружена смыслами и истинами, здесь на собрании соловьевского общества обсуждаются значения ключевых для романа слов, таких как

«Я», «Читатель», «Абсолют», «Бог», «Пустота» и прочих понятий, касающихся и буддийского восприятия мира. Заканчиваются эти споры финальной строчкой из «Сутры сердца совершенной мудрости», мантрой: «**Gate gate парagate парасамgate бодхи сваха!**» (307)⁴.

«Сутра сердца» – это важный канонический текст буддизма Махаяны, несмотря на свою краткость, он раскрывает наиболее полно учение о *Пустоте (шуньяты)* и Запредельной Премудрости, является его квинтэссенцией. «Сутра сердца» провозглашает тотальную пустоту всего материального и нематериального. Текстуальный анализ сутры дает повод говорить о том, что «Сутра сердца» лежит в основе романа «Г». Текст сутры таков:

Сутра сердца праджня-парамиты

Бодхисаттва Авалокитешвара во время осуществления глубокой праджня-парамиты ясно увидел, что все **пять скандх пусты**. Тогда он избавился от всех страданий, **перейдя на другой берег**. Шарипутра! Чувственно воспринимаемое не отлично от пустоты. Пустота не отлична от чувственно воспринимаемого. Чувственно воспринимаемое – это и есть пустота. Пустота — это и есть чувственно воспринимаемое. Группы чувств, представлений, формирующих факторов и сознания точно таковы же.

Шарипутра! **Для всех дхарм пустота – их сущностный признак**. Они не рождаются и не гибнут, не загрязняются и не очищаются, не увеличиваются и не уменьшаются. Поэтому в пустоте нет группы чувственно воспринимаемого, нет групп чувства, представлений, формирующих факторов и сознания, **нет** способностей зрительного, слухового, обонятельного, вкусового, осязательного и умственного восприятия, **нет** зримого, слышимого, обоняемого, ощущаемого вкусом, осязаемого и нет дхарм; **нет ничего** от сферы зрительного восприятия и до сферы умственного восприятия.

Нет неведения и **нет** прекращения неведения, и так вплоть до отсутствия старости и смерти и **отсутствия** прекращения

старости и смерти. **Нет страдания, причины страдания, уничтожения страдания и пути, ведущего к прекращению страданий. Нет мудрости и нет обретения, и нет ничего обретаемого.**

По той причине, что бодхисаттвы опираются на праджня-парамиту, в их сознании отсутствуют препятствия. А поскольку отсутствуют препятствия, то отсутствует и страх. Они удалили и опрокинули все иллюзии и обрели окончательную нирвану. Все Будды трех времен по причине опоры на праджня-парамиту обрели аннута-самьяк-самбодхи.

Посему знай, что праджня-парамита — это великая божественная мантра, это мантра великого пробуждения, это наивысшая мантра, это несравненная мантра, которая может отсечь все страдания; она наделена истинной сутью, а не является пустопорожней. Поэтому и называется она мантрой праджня-парамиты. Эта мантра гласит: **“Gate, gate, paragate, parasamgate, бодхи, сваха!”** (цит. по.: Торчинов 2000: 232–233; выделено мной. – Т. Б.).

Граф Т. смог понять свою природу только после того, как осознал, что все 5 создающих его авторов – иллюзорны, пусты:

I. рупа скандха (сэ) – группа **материи**; = *остросюжетник Гриша Овнюк*;

II. ведана скандха (шоу) – группа **чувствительности** (приятное, неприятное, нейтральное); = *ответственный за гламур и эротику – Митенька Бершадский*;

III. самджня скандха (сян) – группа **образования представлений**; = *«крэйтор психоделического контента» – Гоша Пиворылов*;

IV. самскара скандха (син) – группа **формирующих факторов, волевой аспект психики**; = *редактор – Ариэль Эдмундович Брахман*;

V. виджняна скандха (ши) – группа **сознания**; = *ответственный за метафизические раздумья и мистические*

прозрения – автор-шизофреник (этот типаж наиболее близок к самому Пелевину).

Метафора перехода на другой берег реализуется в одном из эпизодов финала первой части романа, где Граф Т., создавая себя заново, чтобы не умереть, рисует в воображении скованную льдом реку, которую ему чудом, благодаря необыкновенным усилиям, удастся перейти (на пути он встречает мертвых персонажей, не преодолевших этот рубеж): «Должно быть, вся эта равнина усеяна разнообразными кадаврами, которые стремились воскреснуть, но не смогли...» / Он оглянулся. / «А у меня, кажется, выйдет...» (170). Метод негативной диалектики, используемый в сутре, – излюбленный прием и самого Пелевина. Стоит отметить тот факт, что эта сутра опровергает основные принципы раннего буддизма – *Четыре благородные истины* (см. 6-й пункт сутры). Это дает повод целому ряду исследователей утверждать, что она не принадлежит к буддийскому учению. Такая же «абортивная» репутация свойственна и Пелевину, которому постоянно приходится опровергать примыкание к какому-либо течению или учению, описанному теоретиками. Надо заметить, что в романе «Т» *Четыре благородные истины* переписываются и адаптируются к современности (См.: 364). Пелевин следует примеру этой сутры: сообщая читателю об основных буддийских догматах, Пелевин дает понять, что они лишь простые объяснения реальности, но не сама реальность и потому не являются истиной в высшем смысле этого понятия. Опирается нужно на совершенство мудрости, которая воспринимает вещи такими, каковы они на самом деле, т. е. *пустыми*. Описать путь героя любого романа Пелевина можно, перефразировав эпитафию этой главы: *путь героя из одного состояния в другое должен скачком повиснуть над пустотой*. А перефразировав Абрама Терца, можно сказать, что *пустота – содержимое Пелевина*, имен-

но пустота делает его полным (ср.: Терц 2005: 42). Читателю романа «Т» может показаться, что в нем отсутствует все главное и речь почти целиком сводится к второстепенным моментам, что этот роман, как и все предыдущие и последующие у Пелевина, ни о чем. В них на самом деле ничего не происходит: сюжет «Т» строится на том, что граф Т. держит путь в Оптину Пустынь, но при этом никому неизвестно, что такое эта Оптина Пустынь, где она находится и что обозначает. Автор то и дело «роняет» нить изложения, читатель тонет в побочном материале, который перенасыщен информацией и не совсем увязывается с той линией, которую ему едва ли удалось нащупать только что (ср.: Терц 2005: 52–53). Тексты Пелевина сложно пересказать, их сюжет неуловим и не имеет особого значения в понимании того важного, что скрыто между строк. Каждое прочтение одного и того же текста не похоже на предыдущее, роман «Т» можно интерпретировать бесконечным числом способов; вместе с тем все романы Пелевина – это постоянное повторение одних и тех же мотивов и даже героев. В этом плане принципы построения пелевинских произведений больше напоминают принципы построения священных текстов.

Лотман в статье «Пустота как фундаментальная проблема» размышляет о том, что все виды деятельности можно разделить *«на сюжетные – направленные к некоей конечной точке – и бессюжетные, цель которых в многократном повторении одного и того же. <...> Первое искусство организуется по оси времени, второе – пространства. С большой степенью упрощения можно сказать, что временное искусство, как и временное мышление вообще – признак запада, а пространственное – востока»* (Лотман 1993: 4). Тексты Пелевина включают в себя признаки и первого, и второго искусства, при этом признаки западного текста играют лишь посредственную роль, именно они помогают Пелевину быть массовым писателем; самые глубокие мысли находятся на

оси пространственного искусства, то есть пелевинский текст тяготеет к восточному искусству. Прочитав Пелевина, трудно освободиться от ощущения, что *запад* не справился с задачей понять и объяснить мироздание самостоятельно и поэтому обращается за помощью к *востоку*; и, возможно, конвергенция, которая за этим последует, обесмыслит такие слова, как *восток* и *запад*. Абрам Терц в «Прогулках с Пушкиным» высказал *мысль*, заслуживающую особого внимания:

У чистого искусства есть отдаленное сходство с религией, которой оно, в широкой перспективе, наследует, заполняя созданный вакуум новым, эстетическим культом, выдвинувшим художника на место подвижника, вдохновением заместив откровение. С упадком традиционных уставов, оно оказывается едва ли не единственной пристанью для отрешенного от мирской суеты, самоуглубленного созерцания, которое еще помнит о древнем родстве с молитвой и природой, с прорицанием и сновидением и пытается что-то лепетать о небе, о чуде. За неимением других алтарей искусство становится храмом для одиноких, духовно одаренных натур, собирающих вокруг щедрую и благодарную паству. Оно и дает приют реликтам литургии, и профанирует ее по всем обычаям новой моды (Терц 2005: 107–108).

Неслучайно, видимо, Борхес писал о пустоте Шекспира, Терц – о пустоте Пушкина, Ю. и М. Лотманы – о пустоте Бродского, Шестов – о пустоте Чехова: пустота является неотъемлемой составляющей творчества, это важнейший материал созидания. Перефразировав мысль Пелевина на обложке романа «Чапаев и Пустота», роман «Т» можно охарактеризовать следующим образом: это *второе* произведение в мировой литературе, действие которого происходит в абсолютной пустоте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируется неопубликованная статья Лотмана «Пустота как фундаментальная проблема» (1993). Ее краткое содержание можно найти в статье: Кузовкина Т.Д. 1999. Тема смерти в последних статьях Ю.М. Лотмана. – Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М.: Новое литературное обозрение. С. 259–270.

² Наиболее ярким и интересным примером проявления пустоты в христианском пространстве является исихазм – древняя традиция духовной практики, основанная на безмолвии. Молчание, а точнее «умное делание» (непрерывное повторение Иисусовой молитвы) позволяло осуществлять контроль сознания и способствовало достижению концентрированного состояния духа, которое помогало приблизиться к глубинному смыслу вещей и явлений.

³ Мы не утверждаем, что название романа имеет прямое отношение к имени главного героя – графа Т. В данном случае важно заметить механизм восприятия такой аббревиации читателем. Главный герой назван «Т», а не Толстым (при этом титул графа сохранился, но в то же время это ничего не дает читателю: Лев Толстой один, а графов много), в романе поясняется, что Т. – это не Лев Николаевич, что Толстой лишь отдаленный прототип, а граф Т. – совершенно новый герой (на страницах романа объясняется, что имя сохранилось только в связи с тем, что переделывание контракта дорого обошлось бы издательству). Интересным образом работает сознание читателя, когда ему говорят, что Т. это не Толстой – он, вопреки этому, повсюду ищет совпадения, удовлетворяясь своими находками. Можно предположить, что если бы Пелевин заявил, что главный герой и есть Толстой, то поведение читателя кардинально изменилось бы: он повсюду искал бы несостыковки и, скорее всего, разочаровывался

бы, не увидев ожидаемого. Так, отрицание дает позитивный результат, а утверждение – негативный. Пустота графа Т. дает возможность наполнять его, в то время как полнота Толстого, необъятность его образа, является «недостатком» для такого героя, как Т. (т. е. для стратегии автора).

⁴ Приблизительный перевод мантры: «О переводящая за пределы, переводящая за пределы, переводящая за пределы пределов, уводящая за пределы пределов беспредельного к пробуждению, славься!».

ЛИТЕРАТУРА

Генис А. 1997. Поле чудес. – Звезда. №12. (<http://magazines.russ.ru/zvezda/1997/12/genis1-pr.html>).

Кузовкина Т.Д. 1999. Тема смерти в последних статьях Ю.М. Лотмана. – Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М.: Новое литературное обозрение.

Лаярд С. Виктор Пелевин: Интервью. (<http://pelevinlive.ru/02>)

Лотман Ю.М. 1993. Пустота как фундаментальная проблема. Листки из черновика. Ф. 136. К. 294. Л. 1–5.

Пелевин В.О. 2003. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус.

Пелевин В.О. 2009. Т. М.: Эксмо.

Подорога В.А. 1996. Событие: Бог мертв: Фуко и Ницше. – Комментарии. №10. (<http://kassandrion.narod.ru/commentary/10/1podorog.htm>).

Проскуряков Д. 2009. Найди в себе Читателя, или Метафизика и онтология Текста (рецензия на роман Виктора Пелевина «Т») (http://zhurnal.lib.ru/p/proskurjakow_d/pelevin-t.shtml).

Пустовая В. 2010. Ничё о ником: апофатик Пелевин. – Октябрь. №6. (<http://magazines.russ.ru/october/2010/6/пу12.html>).

Терц А. (Синявский А.Д.) 2005. Прогулки с Пушкиным. М.: Глобулус, ЭНАС.

Торчинов Е.А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество.

Эпштейн М. 2004. Знак_пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение.

Humphries J. 1999. Reading Emptiness: Buddhism and Literature. NY: State University of New York Press.

Walsh T. 1998. The Dark Matter of Words: Absence, Unknowing and Emptiness in Literature. Southern Illinois University Press.

ЛИНГВИСТИКА

МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ СССР В ПОСТСОВЕТСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Людмила Адясова (Нижний Новгород)

Спектр используемых в политике метафорических моделей достаточно обширен, при этом особое место в нем занимает одна из древнейших метафор – морбиальная метафора, или, другими словами, метафора болезни или больного организма. Как отмечает ряд исследователей, ее активизация наблюдается в основном в кризисные моменты истории (Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2001, 2008; Шейгал 2004). Как правило, объектом переноса становится некая болевая точка для общества, например, социальные проблемы или историческое прошлое. Таким камнем преткновения в современном российском дискурсе СМИ является советская эпоха. Несмотря на то, что с момента распада Союза прошло более двадцати лет, упоминания о нем в прессе все еще достаточно часты, при этом особенно активно используется именно морбиальная метафорическая модель.

Таким образом, предметом нашего исследования является анализ особенностей метафорического представления СССР в современной российской прессе 2000-х годов, а именно специфика использования морбиальной метафори-

ческой модели, т. е. модели, в которой СССР и постсоветская Россия представлены как больной организм.

Материалом для исследования послужили тексты СМИ 2000-х годов, вошедших в Национальный корпус русского языка, – как печатных газет («Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда»), так и электронных агентств (РИА «Новости», РБК, «Новый регион»), т. е. ведущих изданий, рассчитанных на массовую аудиторию и отражающих современное языковое сознание.

В ходе исследования нами были выделены следующие фреймы и слоты:

1. Фрейм «Пациенты и медицинский персонал»

Слот 1.1. Пациенты

В медийном дискурсе Советский Союз достаточно часто метафорически обозначается как *больной, полумертвый организм, раненый пес*. В некоторых контекстах он изначально нежизнеспособен, в других – его здоровье подорвали накопившиеся проблемы и ситуация конкурентной борьбы с США, также его конец нередко представляется метафорически как результат скоротечного инфекционного заболевания, неожиданно подкосившего вполне здоровое существо. Ср.: *Никаких перспектив в возвращении к Советскому Союзу и ко всем этим вещам не может быть, ведь то государство развалилось из-за того, что **было нежизнеспособно**. При Брежневе появился советский средний класс, для которого официальные речи и церемонии тоже были лишь ритуалом. Вот это в первую очередь и **подкосило** Советский Союз.*

Но не только «болезнь» делает СССР уязвимым, очевидность развязки также подчеркивается метафорическим переносом несколько иного плана – беременность общества революцией, его изначальная готовность к рождению нового строя. При этом беременность в рамках данной метафорической модели воспринимается как особое состояние организма, требующее внимания медиков. Ср.: *Как царская*

Россия, так и Советский Союз были беременны революцией, то есть нация ощущала родовые толчки нового строя (из статьи под названием «Октябрь: катастрофа нации или повивальная бабка истории?»).

Слот 1.2. Медицинский персонал

Для контроля за ходом болезни, оказания необходимой помощи, для приема родов и других процедур необходимы медицинские работники. Как уже было сказано ранее, акушерами, т. е. повивальными бабками истории, называют революции: Октябрьская революция – для Царской России и августовский путч 91-го года – для советского государства. Если акушер выступает как прототипический протагонист, то фигура политического реаниматолога более неоднозначна, и, как можно судить по контексту из КП, она не вызывает особого одобрения. *И хотя жизнь в этом иллюзорном «СССР» поддерживалась московскими «реаниматологами» <...> кто-то из них еще верил, что больной скорее жив, чем мертв. <...> Врачи в этом печальном случае обычно поступают жестко – и под рыдания родственников отключают тело от аппаратов. Думаю, Россия решила поступить так же и тихо похоронила Союз.*

Стоит заметить, что несколько отдельно стоит образ донора. В метафорическом плане донорство характеризует безвозмездную финансовую помощь политическим партнерам. При этом оно воспринимается с когнитивной точки зрения двойственно: это этически позитивно трактуемое проявление активной жизненной позиции, морального долга, но также и добровольная сдача крови, т. е. определенный риск здоровьем организма. В медиадискурсе делается акцент на том, что чрезмерное увлечение финансовым донорством может ослабить экономику самого донора и фактически выступает угрозой благополучия не только для непосредственного «дарителя», но и его наследников. Так, например, СССР был почетным донором африканских стран, затем он эту

почетную обязанность передал по наследству России, вместе с долгами. *Шаги России по списанию долгов африканских стран бывшему СССР очень важны и свидетельствуют о роли России в качестве нового донора.*

2. Фрейд «Диагноз»

Слот 2.1. Физические болезни

Советский Союз прекратил свое существование в 1991-ом году. Для многих это событие стало неожиданно, именно поэтому данная ситуация регулярно концептуализируется как некая скоротечная болезнь, инфекция, вирус (ср. фрейд «Пациенты»). При этом болезнь сопровождалась рядом симптомов и в первую очередь лихорадкой, которая передалась также наследнице СССР – России. *Авиапром после распада СССР и экономических реформ лихорадило.*

Интересен тот факт, что в медиадискурсе одни из самых острых проблем современной России – бюрократия и коррупция – экстраполируются и на СССР. В результате такого переноса возник, например, яркий метафорический образ чиновного зуда. *Советский Союз хронически болел чиновным зудом.*

В целом, несмотря на частотность обращения к слову «физическая болезнь» при вербализации идеи распада СССР в СМИ, недуг, ставший причиной гибели Союза, представляется недостаточно определенно.

Слот 2.2. Психические болезни.

Несмотря на то, что прототипическим заболеванием, подкосившим СССР, была некая физическая болезнь, Союз страдал также и психическими недугами. Психическое нездоровье советского строя отразилось и на самочувствии постсоветского общества, т.к. заболевания перешли по наследству. Кроме того, сам распад СССР стал значительным потрясением, после которого оправились не все. *Распад СССР и серия болезненных, а порой и весьма сомнительных реформ, что бы там ни говорили, нанесли тяжелую психологическую травму российскому обществу.*

Заметим, что в медиадискурсе в связи с советским периодом нередко встречается термин «синдром». «Синдром» в медицинской практике означает определенное сочетание признаков болезни, не равнозначное самой болезни, в то время как в медийной дискурсивной практике этот термин воспринимается как синоним заболевания, причем патогенез такой болезни связан с определенными болевыми точками – историческими событиями (Беловежские Соглашения, Афганская война, Чернобыльская авария). *Ослабший же Советский Союз был вынужден покинуть Афганистан; более того, афганский синдром стал одной из причин крушения СССР.*

Показательно также, что с советским прошлым связан целый список комплексов, которые остались в наследство российскому обществу. *СССР развалился, а комплексы в правящих кругах остались.* Это и недоверие к полиции, и благоговение перед иностранцами, но в то же время и комплекс европейского изгоя, а также комплекс неполноценности и комплекс поражения и унижения. *Ужас и отвращение перед прошлым, который культивировали реформаторы первой волны, сформировали целый комплекс неполноценности у людей среднего и старшего поколения. А развал СССР, коренная ломка всего прежнего уклада жизни дополнили его комплексом поражения и унижения.*

Страх перед СССР – психическое заболевание. Знаете, как у людей бывает: руку, допустим, ампутировали, а она все равно болит. Это так называемая фантомная боль. Вот у стран Восточной Европы фантомный страх. СССР давно нет, а они его все равно боятся.

К разряду психических заболеваний можно отнести также такие социальные недуги, как пьянство и наркомафия. В современном медиадискурсе в терминах наркозависимости обычно представляется зависимость экономики России от сырья, но образ нефтяной иглы сейчас начинают связывать и с Советским Союзом, представляя его перво-

причиной сырьевой зависимости российской экономики. *Советский Союз распался не только потому, что злоупотреблял механизмами жесткой силы, влез в непомерную войну в Афганистане, а, прежде всего, из-за того, что «подсел на нефтяную иглу».*

Вопрос о сырьевом характере экономики РФ – один из самых болезненных вопросов современности. Неудивительно, что он становится актуальным и в обзоре исторической перспективы. По точному замечанию О.С. Иссерс, в каждой культуре есть символы добра и зла, так в русской лингвокультуре наркотическая зависимость коннотируется исключительно негативно (см. Иссерс 2011: 111). Данная метафора обладает мощным дискредитирующим импульсом («навешивание ярлыка»), при этом она не является явным обвинением. По образному выражению Н.Д. Арутюновой, метафора – «это приговор суда без разбирательства» (см. Арутюнова 1999: 355), приговор, который не нуждается в доказательствах и который невозможно обжаловать. Так происходит и с соответствующей метафорой: слабовольные Россия и Советский Союз «сидят на игле».

3. Фрейм «Причины болезни»

Слот 3.1. Инфекции и паразиты

Так как распад СССР был достаточно скоротечным и непредсказуемым, то он концептуализируется как инфекционное заболевание. «Бациллы революции» были занесены в Союз с Запада, при этом их действие на территории бывшего СССР не ослабло и сейчас. Ср.: *Немецкий политолог уверен, что «цветастые» революции в странах СНГ продолжатся, так как жители бывших республик СССР сейчас заражены «духом свободы». Революционную заразу мы подхватили от европейских бациллоносителей, начиная с Робеспьера и Дантона и кончая светочами большевизма Марксом и Энгельсом.*

Возможной причиной летального исхода могли также стать паразиты, съевшие государственный организм из-

нутри, при этом паразиты – это системная коррупция: *Системная коррупция съела Советский Союз.*

Слот 3.2. Физическое воздействие

Окончательный диагноз СССР поставить невозможно, поскольку причин для «летального исхода» было достаточно. Это и бациллы свободы, и коррупция, и давление Запада, и собственные проблемы, в которых Союз захлебнулся. Тем не менее, выделим несколько наиболее интересных:

А) результат физического насилия – ломка всей государственной системы:

Нельзя ломать страну через колено, – Михаил Горбачев, президент бывшего Советского Союза.

Б) утопление – национальные и территориальные проблемы:

Грузия – точно такая же империя, как и Советский Союз перед самым его распадом – голодная, перессорившаяся с соседями, захлебнувшаяся в национальных и территориальных проблемах...

В) потеря крови – донорство (см. слот «медицинский персонал»).

4. Фрейм «Симптомы болезни»

При описании признаков болезни чаще всего метафорически используются слова *бред, конвульсии, судороги, лихорадка, паралич, повальная тоска* и др. Ср.: *А еще это были конвульсии СССР – в Беловежской пуце крах лишь закрепили формально. Это поколение <...> в зрелые годы стало свидетелем прогрессирующего паралича и распада советской системы.*

К симптомам болезни мы также относим ностальгию, как чувство психологического дискомфорта, неудовлетворенности в обществе. *Гораздо тревожнее, когда все общество впадает в ностальгию. Это значит, что людям некомфортно, нехорошо в том времени, в котором они сейчас живут. <...> причин поválной тоски по СССР может быть несколько. Главная – всеобщее разъединение в обществе.*

5. Фрейм «Способы лечения, лекарства»

Слот 5.1. Способы лечения

Болезнь СССР, как и болезни современной России, сложно определить однозначно, т.к. это целый комплекс недугов, но при этом лечение проводилось или проводится. В число наиболее частотных методов вошли: шоковая терапия, реанимация и ломка системы. *Тогда две страны должны были ломать хребет своей экономики – СССР и Китай: в результате СССР распался. Шок – это по-нашему! Шок придумали в СССР!*

Слот 5.2. Лекарства

Несмотря на оказание некоторой медицинской помощи больному, слот «лекарства» в медиа представлен недостаточно репрезентативно. Ср.: *Он [СНГ] скорее исполнял роль валериановых капель для тех, кто верил, что Союз не умер и осуществлял бракоразводные функции.*

6. Фрейм «Состояние пациента»

Слот 6.1. Тяжелое состояние больного

В средствах СМИ ситуация прекращения существования Советского Союза представлена исключительно экспрессивно. Так, последние годы, месяцы и дни перед распадом СССР в СМИ получили название *агонии эпохи*. Книга Юрия Лужкова о путче 91-го года так и была названа – «72 часа агонии». Терминальное состояние государства сопровождалось *конвульсиями и бредом*. Ср.: *Агония эпохи отмечена в памяти россиян двумя другими датами: 8 декабря 1991 года... и 31 декабря 1999 год.*

Не менее экспрессивен и образ коматозного состояния СССР. *Советский Союз был в коме. Страна начала разваливаться. Союз из комы не вышел. Он и не мог выйти по законам природы. Вместо эффективного Союза Москва получила беспомощную «растительную жизнь».* Так, в 91-ом году действия «реаниматологов» ни к чему не приводят, и они сами отключают больного от аппаратов – Россия хоро-

нит СССР. Несмотря на амбивалентное отношение к советскому прошлому в настоящее время, в современных медиа вопрос о реанимации Союза периодически поднимается в связи с разными политическими событиями.

Слот 6.2. Реанимация больного

Одной из ипостасей реанимированного, возрожденного СССР средства массовой информации называют Таможенный союз Белоруссии, России и Казахстана. *Вчера лидеры Киргизии и Таджикистана заявили о готовности вступить в Таможенный союз. Бывшие советские республики все сильнее тянутся друг к другу, и создание экономического аналога СССР становится все реальнее* (из статьи «До **возрождения СССР** в экономических параметрах не хватает решения Киева»). При этом заметим, что именно из-за связи с образом СССР к Таможенному союзу испытывают, как правило, недоверие или тот фантомный страх, о котором говорилось ранее.

Кроме того, на постсоветском пространстве периодически проводятся опросы, как жители бывшего Советского Союза относятся к реанимации СССР. Ср.: 35% респондентов высказались категорически: **реанимация СССР** – это вредная идея. Или напротив: *Ничего нет страшного, если **реанимировать** «союз серпа и молота» не в прежней, конечно, уравнилельно-распределительной форме, а в полнокровно рыночном варианте.*

Слот 6.3. Смерть пациента

Несмотря на все попытки лечения, СССР закончил свое существование, умер. Заметим, что в целом слот смерти пациента в медийном дискурсе исключительно регулярен и экспрессивен по своему выражению: *СССР не вышел из комы, кончился, почил в бозе, скончался, погиб и др. Советский Союз **почил в бозе**. А молодых людей все так же обольванивают – по комсомольско-партийным методикам. Первая ее версия **умерла** вместе с Советским Союзом.* Частотность обращения СМИ к ситуации конца Союза можно объяснить

тем, что развал СССР – это одно из важнейших событий недавнего прошлого, которое стало мощным эмоциогенным фактором для людей всего мира и особенно жителей постсоветского пространства.

Советского Союза нет уже более двадцати лет, но современная Россия как его правопреемница неизбежно с ним сравнивается, а ее проблемы зачастую объясняются советским прошлым, причем в терминах болезней и зависимостей. При этом стоит отметить, что метафора болезни обладает существенным персуазивным потенциалом, соответственно, обращение СМИ к морбиальной метафоре при представлении СССР несет не только экспрессивную функцию, но и функцию суггестивную: средства массовой информации формируют в сознании нации необходимый им образ исторического прошлого (см.: Копнина 2008; Рогозина 2003). Таким образом, концепт *СССР* и в наше время продолжает влиять на сознание носителей русского языка, а также на внутреннюю и внешнюю политику России и мира.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. 1999. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. 1991. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка АН СССР.

Иссерс О.С. 2011. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта, Наука.

Копнина Г.А. 2008. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М.: Флинта.

Рогозина И.В. 2003. Функции и структура медиа-картины мира. – Методология современной психолингвистики. М.–Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. С. 70–85.

Чудинов А.П. 2001. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург.

Чудинов А.П. 2008. Российская политическая метафора в начале XXI века. – Политическая лингвистика. Вып. 1 (24). Екатеринбург. С. 86–93.

Шейгал Е.И. 2004. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК Гнозис.

Энциклопедический словарь медицинских терминов 2001. / Гл. ред. В.И. Покровский. М.: Медицина.

ГЕНДЕРНЫЙ СТЕРЕОТИП МУЖЧИНЫ-ХВАСТУНА: ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВЕРБАЛИЗАТОРЫ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Кирилл Березовский (С.-Петербург)

В конце XVIII – начале XIX вв. в русскую лингвокультуру начинали входить западноориентированные гендерные стереотипы маскулинности: *модник*, *соблазнитель* и *хвастун*. Стереотипы модника и соблазнителя стали настоящим социокультурным феноменом и вызвали заметную общественную рефлексию, которая выразилась в огромном интересе к различным *петиметрам*, *франтам*, *дэнди*, *донжуанам*, *ловеласам* и т. д. Однако европейский стиль жизни диктовал не только моду и соблазнение женщин как некий предмет хвастовства и гендерной самопрезентации, но и своеобразное *лживое*, *мнимое* хвастовство, когда предметом бахвальства чаще всего становились не реальные достоинства человека, а вымышленные. Само хвастовство в этом случае основывалось на обмане окружающих и вызывающем поведении. Наиболее употребительным вербализатором этого типа маскулинной практики стала лексема *фанфарон* (от фр. *fanfaron* «храбрый на словах, хвастливый»), во французский язык это слово проникло, в свою очередь, из испанского, в котором *fanfarron* имело такое же значение «храбрый на словах, хвастливый» (Фасмер 1987, 4: 185).

Слово *фанфарон* получило широкое распространение в русской словесности и отразилось в многочисленных трудах лексикографов. Оно было зафиксировано еще в «Новом словотолкователе...»: «*Фанфарон*, фр. хвастун, мнимый храбрец, который на словах храбр, а на деле трус» (Яновский 1806, 3: 948). Это определение свидетельствует о мнимом хвастовстве и поддельной храбрости фанфарона. В «Толковом словаре живого великорусского языка» в дефиниции лексемы *фанфарон* используется ряд русскоязычных синонимов: «*Фанфарон*, бахвал, самохвал, хвастун, лгун, пускающий пыль в глаза» (Даль 1882, 4: 547). «Словарь иностранных слов...» позволяет более глубоко проникнуть в этимологию исследуемого слова: «*Фанфарон* (фр., от *fanfare* – звук трубы). Особого рода головное украшение из золота, вывезенное в XIV стол. из Америки и вошедшее в моду в Испании; потом стали называть этим именем лиц, носивших такое украшение, а позднее оно стало означать хвастуна, человека, тщеславящегося пустяками» (СИС 1894: 897). Исходя из сказанного, можно утверждать, что семантическая эволюция лексемы *фанфарон* выглядит следующим образом: 1) *fanfaron* в значении «головное украшение из золота» образовано от *fanfare* «звук трубы»; 2) затем на основе метонимии так стали называть людей, носивших это украшение; 3) после этого на метафорической основе произошла новая семантическая деривация и *fanfaron* получил значение «хвастун», в котором и был заимствован русским языком. В словаре иностранных слов Ф. Павленкова представлена следующая дефиниция: «*Фанфарон* – хвастун, выезжающий на пустяках» (Павленков 1907: 586). В дефиниции «Полного словаря иностранных слов...» М. Попова (1906) существительное *хвастун* сопровождается прилагательным *пустой*. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова связывает лексему *фанфарон* напрямую с испанским источником и дополняет дефиницию немаловажным добавочным семантическим компонентом:

«*Фанфарон*, [исп. *fanfarron*, срн. фанфара] (пренебр.). Человек, выставляющий напоказ свои мнимые достоинства или пороки, хвастун, бахвал» (ТСРЯ IV, 1940: 1059).

Очередной, по-видимому, более современный этимологический вариант представлен в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина, при этом толкование слова почти не меняется: «*Фанфарон* [фр. *fanfaron* < араб. *farfâr* болтун, лгун]. Человек, который выставляет напоказ мнимые достоинства, хвастун» (Крысин 2005: 815). Аналогичную этимологию предлагает Н.И. Епишкин в «Кратком историческом словаре галлицизмов русского языка» (1999).

По данным НКРЯ, слово *фанфарон* в русском языке стало употребляться в конце XVIII – начале XIX вв. Одним из наиболее часто употреблявших эту лексему был Ф.В. Булгарин: «*Во всех званиях и сословиях, от кучера до купца и от купца до вельможи, находятся фанфароны своего ремесла, которые более говорят, нежели делают, и более хвастают, нежели говорят*» [Великий муж на малые дела, или Русский фашонебль нашего времени (1825–1843)]. Это предложение представляет ценную информацию о том, что фанфаронами, другими словами, пустословами, могут быть любые мужчины, независимо от их социального статуса и звания. В этом заключается своеобразие этого типа маскулинности. Бахвальство было доступно всем и не зависело от общественного положения, напротив, наблюдалась даже обратная зависимость: хвастовство и обман способствовали более высокому социальному положению. Важно указать и на то, что слово *фанфарон* в этом контексте используется в функции метафоры, что свидетельствует о стереотипном культурно релевантном представлении об этом типе маскулинной практики и символично-метафорическом потенциале значения лексемы *фанфарон*.

О модности фанфарона свидетельствует, например, следующий контекст: «*Правда, и здесь есть свои франты и*

фанфароны, свои, как говорится, львы, но они, по размеру всего, их окружающего, также свои люди в русском трактире <...> [Ф.В. Булгарин. Русская ресторация (1843)]. Сема «модный» в этом контексте актуализируется через синонимы слова *фанфарон* – *франт* и *лев*.

Красноречивая характеристика дана фанфарону Ф.М. Достоевским: *«Итак, «стрюцкий» – это ничего не стоящий, не могущий нигде ужиться и установиться, неосновательный и себя не понимающий человек, в пьяном виде часто рисующийся фанфарон, крикун, часто обиженный и всего чаще потому, что сам любит быть обиженным, призывает городского, караула, властей – и все вместе пустяк, вздор, мыльный пузырь, возбуждающий презрительный смех...»* [Дневник писателя. Сентябрь – ноябрь 1877 года (1877)]. Описанию *фанфарона* нередко сопутствуют мотивы *пьянства, крикливости*, а сам человек называется пустым местом со слабыми интеллектуальными и мыслительными способностями и красуется на людях, привлекая внимание окружающих различным бахвальством.

Сохраняется (и в некоторых контекстах даже усиливается) отрицательная оценочность слова *фанфарон* и в XX в.: *«Но нужно было, чтобы – гораздо ранее его – начало слагаться пренебрежение к офицеру как к дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях к – ничтожеству и отчасти к вору»* [В.В. Розанов. Апокалипсис нашего времени (1917–1918)]. В этом контексте с помощью однородного ряда, включающего слово *фанфарон*, выражается пренебрежительное отношение к офицеру. Следовательно, в прагматике лексического значения слова *фанфарон* актуализирован соответствующий компонент значения.

В конце XX в. семантика слова *фанфарон* не изменилась. Оно по-прежнему образует сочетания с прилагательными, обладающими негативной оценочностью: *«Олег*

Басилашвили играет стареющего богатого глупца, Амалия Мордвинова – модную критикессу, Игорь Золотовицкий – нищего драматурга, нечаянно нашедшего золотую жилу в лице самодовольного и трусливого фанфарона» [К. Зорина. Любовь по подсказке (1998)].

В русском языке существовала еще одна лексема для вербализации чрезмерно хвастливого модника – *благер* (фр. *blagueur* «насмешливый, хвастливый», *blague* «ложь»), однако она не имела большой популярности. Для сравнения стоит привести количество контекстов с этими словами из НКРЯ: 97 контекстов со словом *фанфарон* и лишь 4 – со словом *благер*. При этом история употребления слова *фанфарон* растянулась более чем на 200 лет, а слово *благер* употребляется трижды в середине XIX в. и однажды – в первой половине XX в. (данные НКРЯ). Оно также не получило отражение в большинстве толковых словарей, однако в «Кратком историческом словаре галлицизмов русского языка» присутствует слово *благерство* «хвастовство, хвастливая болтовня» и в этом же гнезде есть слово *благер* «лгун, враль, хвастун».

В XIX в. заслуживают внимания контекст мемуаров А.И. Герцена: «Нет, таких *благеров*, как я увидел в Ницце, я ни на Руси, ни где еще не видал» [Былое и думы. Париж-Италия-Париж (1862–1866)]. Ницца – один из самых популярных городов светской разгульной жизни XVIII–XIX вв. В какой-то степени Франция в целом, и Ницца в частности, стали источником появления модников. Россия, как и многие другие страны, переняла это явление в более мягких формах, однако даже в таком виде эти практики вызвали культурный шок, выразившийся в сатирико-обличительных литературных изысканиях. Так, в следующем контексте актуализируется сема «лживый»: «*Ergo, я в глазах тех, кому я пересказал его ложь, такой же благер, как он.*» [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж (1862–1866)]. Следовательно, *благерство* – это не просто хвастов-

ство, а лживое, мнимое бахвальство, выдвигание и декларация несуществующих достоинств.

В XX в. слово *благер* употребляет А. Белый: «<...> *но были громадные минусы: слово для слова, софизмы, обилие “фиг” в нос мещанам, кокетничанье порнографией, вовсе не нужное и создавшее миф о какой-то особой развратности, которой не было вовсе, которая пышнобытийствовала в мозгу сатириков, фавнов, козлов – адвокатов, благеров, газетчиков, говорунов, остряков прошлой, староколенной Москвы»* [Начало века (1930)]. Писатель сравнивает начало XX в. с прошлыми периодами истории России и приходит к выводу, что большая развратность присуща не началу XX века, а прошедшей эпохе. Экспрессия в этом отрывке создается, во-первых, сравнением благеров с мифологическими персонажами, олицетворяющими распутность и разврат, во-вторых, однородным рядом, каждый из членов которого вербализует чрезмерно говорливого мужчину или мужчину-пустослова. Так А. Белый напрямую связывает болтовню с развратом, видя в этом источник пошлости XIX в.

Итак, слово *фанфарон* стало достаточно популярным в русском языке и употребляется до сих пор, сейчас в основном в целях стилизации или для усиления сатирического эффекта. Лексема *благер* же практически не употребляется в русском языке. На протяжении всей своей истории существования в русском языке мужчина-хвастун воспринимался негативно. Из этого замечания можно сделать вывод, что чрезмерная ухоженность и маниакальная страсть к хорошей модной одежде для мужчины находятся в рамках более нормативного поведения, чем хвастовство, крикливость и разгульность. Постепенно русский идеал мужчины приобретает компонент ‘ухоженность’, ‘разумное следование моде’, однако хвастовство по-прежнему находится за рамками нормативного типа маскулинной практики.

ЛИТЕРАТУРА

Епишкин Н.И. 1999. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка: Чита: Б.

Крысин Л.П. 2005. Толковый словарь иноязычных слов: М. Эксмо.

Павленков Ф. 1907. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: СПб.: Ф. Павленков.

Попов М. 1906. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке: М.: Т-во И.Д. Сытина.

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка 1910 / Под ред. А.Н. Чудинова: СПб.: Издание В.И. Губинского.

Толковый словарь русского языка 1935–1940. В 4-х тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова: М.: Сов. энциклопедия. ОГИЗ.

Фасмер М. 1986–1987. Этимологический словарь русского языка в 4-х тт.: 2-е изд., стер., М.: Прогресс.

Яновский Н.М. 1803–1806. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины: СПб: при Императорской Академии наук.

КЛАССИФИЦИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ В ДЕТСКОМ ЖУРНАЛЕ «ЧИЖ» (1930–1941 гг.)

Александра Брыкова (С.-Петербург)

Обращение – весьма интересная категория не только из-за своего особого синтаксического статуса в ряде членов предложения, но и из-за своеобразного набора семантико-прагматических функций. Кроме традиционно выделяемой первичной контактоустанавливающей функции (или функции адресации), обращение обладает также вторичными функциями: идентифицирующей, назывной и классифицирующей. «Вторичные функции развиваются из первичной и представляют собой ее преобразование или перерождение. Функция адресации становится основой для функции характеристики, а также может трансформироваться в функцию номинации предмета речи (в целях конкретизации)» (см. Прияткина 1990: 165). При этом функция характеристики (классификации) предполагает приписывание собеседнику каких-либо качеств, в том числе социальных ролей. Социальная роль – это «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию» (см. Крысин 1976: 42). Социальная позиция – это статус, который и определяет поведение индивида.

Детский журнал «Чиж» (для детей 5–8 лет), который стал одним из источников исследования, выходил в

Ленинграде с 1930 по 1941 гг. Специфика детских журналов заключается в том, что они, по сравнению с отдельными литературными произведениями, обладают большей программностью, четким, иногда эксплицитным представлением о ребенке как члене общества, а значит, и о наборе тех функций, который приписывается ребенку. Программа журнала во многом определяет как подбор произведений, так и языковые средства. Для журнала «Чиж» это особенно важно, так как он выходил в условиях достаточно жесткой цензуры, что не умаляет его лингвистической и литературоведческой ценности: пара журналов «Чиж» и «Еж» определили развитие всех последующих журналов для детей в России. В числе авторов и иллюстраторов были те, кто сейчас считается классиком детской (и взрослой) литературы: С. Маршак, К. Чуковский, Б. Житков, Д. Хармс, А. Введенский, Е. Шварц, В. Коношевич. В журнале печатались прозаические, поэтические, переводные произведения, а также заметки (политического и просветительского характера), ребусы, загадки и др.

В исследованном материале в позиции обращения были отмечены слова разных тематических групп. В статье будет рассмотрена семантика обращений двух тематических областей, отражающих новые (для того времени) социальные реалии, а именно тематическая группа профессий и этикетные слова-обращения типа «товарищ», «гражданин» и др.

Тридцатые годы в СССР были периодом становления нового государства с новой историей и идеологией. Ребенок, по представлению редакторов «Чижа», должен был быть знаком с социальной системой (в первую очередь, с областью профессий), а также быть встроен в эту систему. Это отражало общие идеологически-культурные настроения, но, по-видимому, объяснялось и цензурными требованиями тоже.

Так в исследованном материале часто встречаются обращения со словами тематической группы профессия: «рабочий», «колхозник», «сторож», «милиционер»: «Работай, кол-

хозник, / В саду и на поле! / Делай, рабочий, / Станки и машины» (Чиж 1933, 1–2: 1); «Прибегает [мама – А.Б.] и спрашивает: “*Милиционеры, нет у вас ли моей Маечки?*”» (Чиж 1930, 2: 4); «*Ударник, смело / Пятилетку выполняй!*» (Чиж 1932, 1: 16).

В обращении к детям фиксируются следующие слова (в форме мн. ч.) – «дошкольники», «октябрята», «пионеры», «очаговцы»: «*Дошкольники и октябрята, будьте готовы к МЮДу [Международному Юношескому Дню (6 сент.) – А.Б.]»* (Чиж 1931, 8: форзац); «*Все это нам в игре не показать, – но как в поле работают – это вы, пионеры, покажете дошкольникам»* (Чиж 1932, 9–10: 9); «*Вы, очаговцы, должны стремиться в октябрята»* (Чиж 1932, 2: 1).

Обращение в последнем примере, слово «очаговец», заслуживает особого внимания. Оно образовано от слова «очаг», которое употреблялось в значении «детский сад» и имело свое словообразовательное гнездо, однако впоследствии было утрачено. В представленном материале слово «очаг» также встречается и в качестве обращения (при метонимическом переносе): «*Коля Кауркин руками двигает, как милиционер, кричит: “Очаг, иди на тот угол. Когда на дачу ехали, там слезали – я помню”»* (Чиж 1933, 10: 6).

Таким образом, слова «дошкольник», «очаговец», «октябренок», «пионер» являлись своего рода заменителями взрослых профессий. Происходило формирование двух социальных систем, взрослой и детской, организованных схожим образом. Предполагалось, что ребенок встраивается в свою социальную систему, принимает на себя определенную социальную роль, выполняет своего рода «работу», участвуя в жизни своего государства. Языковая система, в свою очередь, фиксировала социальные изменения.

Наравне со словами, обозначающими принадлежность человека к новому строю, при обращении как к взрослым, так и к детям использовались слова, идентифицирующие собеседника как своего, принадлежащего к системе.

При обращении к взрослым это было слово «товарищ», при обращении к детям – «ребята» (встречалось и слово «товарищ», но гораздо реже).

В словаре Д.Н. Ушакова, также вышедшего в 30-е годы, при слове «товарищ» дано следующее определение: «член советского общества, всякий, кто, вместе с другими, участвует в общей советской работе (нов.)» (Ушаков 1940, 4: 719–720). Также после знака отенка «без упоминания имени или звания – обращение к любому взрослому, постороннему, незнакомому человеку в советской среде (за исключением случаев, когда известна или предполагается его принадлежность к чужой социальной среде; нов. разг.)» (см.: там же): «*Товарищи*, напечатайте это письмо, чтобы все ребята прочитали» (Чиж 1932, 4–5: 1); «Да вы, *товарищ директор*, Макса [осла – А.Б.] в театр отпустите. Он два года в цирке выступал» (Чиж 1933, 12: 1); «*Товарищ дежурная!* – закричал Петька – попридержите, пожалуйста, Барбоса [гуся – А.Б.]. Мы в город едем» (Чиж 1932, 7–8: 12).

Как видно из примеров, слово «товарищ» может использоваться в обращении как само по себе, так и в сочетании с названием профессии/должности. Слово употребляется в репликах взрослых и в репликах детей, в том числе в письмах детей в редакцию: «*Товарищ Редакция!* У меня есть кролик. Его зовут Пуховик. Пусть будет журнал “Пуховик”» (Чиж 1934, 9: форзац).

Помимо этого, слово «товарищ» в позиции обращения может сочетаться с приложением, выраженным собственным именем существительным: «Партия купила дом № 17 по Аполлинарьевскому переулку. Вам, *товарищ Сергей* [С.М. Киров – А.Б.], партия поручает устроить подпольную типографию» (Чиж 1934, 12: 4); «*Дорогой товарищ Сталин*, / Я письмо тебе пишу» (Чиж 1938, 11: 7).

Примеры показывают, что в качестве приложения может использоваться как имя, так и фамилия. При этом

использование фамилии предпочтительнее, что чаще всего объясняется статусом говорящих и уровнем официальности общения. «Обращение имеет своей целью не только установление и поддержание контакта между говорящим и адресатом речи. Оно, кроме того, задает тот или иной жанр общения» (см. Арутюнова 1999: 116).

Таким образом, слово «товарищ» становится своеобразным знаком формирования нового социального строя, предполагающего определенные нормы поведения. Это слово настолько частотно, что его употребление иногда выходит за рамки официальной коммуникации и попадает в сферу коммуникации семейной: «*Товарищ Левшин*. Пишет тебе твой сын Петя Левшин» (Чиж 1931, 12: 2). Тем самым граница между личным и общественным становится проницаемой.

Наравне со словом «товарищ» в исследованном материале встречается слово «гражданин», но значительно реже. Учитывая частотность обращения «товарищ», эти случаи можно считать единичными, однако они важны, так как пара «гражданин» – «товарищ» образует контекстную (потенциальную) антитезу «свой – чужой»: «Сердитый гражданин погрозил Мишке и подошел к жираффе. – А ты чего стоишь и ничего не делаешь? – зашипел он. – А вы бы, *гражданка сторожиха*, у нее на шее хоть белее бы развешивали сушить. А? – А вы, *гражданин*, близко к ней не подходите. Она сердится сегодня» (Чиж 1933, 2–3: 10); «А Карабас уже схватил Пьеро за ногу. – Не трогайте куклы, *гражданин*! Они не продаются! – сказала бабушка Дуня и отняла у него Пьеро» (Чиж 1938, 8: 23).

Несмотря на немногочисленность примеров, можно предположить, что заявленное противопоставление формировалось не сразу. В первом примере слова «гражданин»/«гражданка» используется как обычная формула обращения к мужчине/ женщине и не обладает какими-то особыми под-

текстами. В последнем же примере негативная коннотация уже вполне ощущается.

В рамках диалогов с детьми в первую очередь стоит указать на слово «ребята». Слово «ребята» в позиции обращения, в свою очередь, в плане прагматики соответствует слову «товарищ» в той же позиции: «*Ребята*, редакция журнала “Чиж” просит очаговцев писать о том, как они живут и работают» (Чиж 1932, 4–5: 19); «А почему бы вам, *ребята*, не попробовать придумать для “Чижа” рассказы так, как это сделали очаговцы 3-го очага?» (там же). В словаре Д.Н. Ушакова это слово определяется следующим образом: «разг. Молодые люди, парни // Товарищи по учебе, работе и т. п. (употребляется среди молодежи; нов.)» + «мн. ч. от ребенок» (см.: Ушаков 1939, 3: 1305–1306).

Примеры показывают, что в употреблении первое и второе значение совмещаются и распространяются на детей, в том числе и младшего возраста. Как и в случае со словом «товарищ», слово «ребята» встречается очень часто (иногда в ущерб стилистической логике) и может употребляться как самостоятельно, так и с приложением: «Букет ему очень понравился, и Киров сказал *девочкам*: “Спасибо вам, *ребята*, за цветы”» (Чиж 1934, 12: 6); «*Ребята-дошкольники!* Присылайте в Чиж свои стихи и рассказы» (Чиж 1933, 5: 20); «*Ребята очаговцы и школьники!* Как вы помогаете колхозу?» (Чиж 1932, 1: 13).

Наравне со словом «ребята» в позиции обращения также встречаются его дериваты с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Буденный нахмурился и сказал: “Ну, *ребятишки*, за вашу обиду мы с беляками расплатились. Надолго запомнят”» (Чиж 1938, 11: 4); «Ну вот мы с ним [отцом – А.Б.] вместе всю гражданскую войну и отвоевали. Вот так-то, *ребятишки*. Вам все понятно?» (Чиж 1932, 11: 12). Кроме суффиксов, также, как и в случае со словом «товарищ» может быть использован эпитет «дорогой»: «До-

рогие ребята! В нашем журнале был помещен рисунок “Детский сад”» (Чиж 1938, 4: 29).

В исследованном материале дериваты от слова «ребята» встречались достаточно редко, несмотря на отсутствие словообразовательных ограничений, которые, например, есть у слова «товарищ». Это может быть объяснено спецификой детской литературы в частности и детского познавательного процесса в целом: в детской литературе слово (особенно имя персонажа) часто теряет конвенциональность и становится неразрывно связано с обозначаемым понятием. «В усвоении знака можно выделить по отдельности ступени, относящиеся первоначально к овладению денотативным аспектам слова и лишь затем – к сигнификативным» (см. Кубрякова 1989: 10). Такие особенности восприятия ребенком слова накладывают ограничения на использование синонимии в рамках целого текста.

Как слово «гражданин» для «товарища» (в позиции обращения), так и для слова «ребята» в материале обнаруживается лексическая единица, контекстно ему противопоставляемая. Это слово «дети». В последнем случае эта контекстная противопоставленность видна более четко, чем в паре «товарищ» – «гражданин»: «И ответил Петя: “*Дети!* Так и быть уж, объясню”» (Чиж 1932, 11–12: 2); «*Дети,* – сказала Мария Александровна, – никогда не надо кричать: “Я, я.” Надо всегда поднимать руку» (Чиж 1932, 11–12: 17). Обращение «дети», в соответствии с контекстом, предполагает не только малую осведомленность о мире, но и невключенность, в силу возраста, называемого в систему общества.

Реже слово «дети» в позиции обращения используется в рамках семейной коммуникации, где оно практически теряет коннотацию «невключенности»: «Выбежала мама, выбежала тетя: “*Мальчики, дети,* чего вы орете?”» (Чиж 1935, 9: 13); «*Слышите, дети,* – обратился он [отец – А.Б.] к нам, – никому ничего не болтать» (Чиж 1932, 9–10: 2).

Следует отметить, что слово «ребята» не имеет соответствующей формы единственного числа, в отличие от пары «товарищ – товарищи». Несмотря на то, что в словаре Д.Н. Ушакова слово «ребята» и дается как форма мн. ч. к слову «ребенок», но по значению эти слова различаются не только семой множественности. В силу этого, при обращении к одному ребенку, отмечались слова «мальчик» и «девочка»: «Увидели пионеры девочку Машу и подбежали к ней: “Здравствуй, *девочка*, – говорят ей пионеры. – Ты чья?”» (Чиж 1935, 7: 4); «Слышит Коля, кто-то кричит: “*Мальчик! Мальчик!* Откуда приехал?”» (Чиж 1931, 3: 3).

Использование слов-гендерных указателей здесь объясняется системой языка (в случае со словом «товарищ» такого гендерного разделения не будет). Однако интересно отметить, что в исследованном материале в позиции обращения встретились дериваты как положительной, так и отрицательной семантики, только от слова «мальчик», что можно считать культурно (в рамках всей европейской культуры в целом) обусловленным: «Вот что, мальчуган, – сказал боец, заметив мой взгляд. – Если ты пойдешь по этой тропинке, то выйдешь прямо к батальонной кухне. Там тебя покормят» (Чиж 1938, 8: 5); «Фашист кричит Гуго: “Эй, *мальчишка*, стой, а то моя собака тебя съест!” Гуго остановился» (Чиж 1938, 10: 30).

В свою очередь дети в произведениях журнала при обращении к одному взрослому могут использовать слова, изначально принадлежавшие к лексической группе семья, но впоследствии расширившие сферу своего употребления: «тетя», «дядя» и их дериваты: «*Тетя*, – говорит Коля. – Не видали вы тут гуся?» (Чиж 1933, 2–3: 11); «Поставила Саша корзину у дверей, подскочила к кассе: “*Тетенька*, вы мне, кажется, сдачи не дали”» (Чиж 1935, 3: 21); «В окно будки машинист смотрит. – *Дяденька-машинист*, – сказала Маша, – возьми меня на паровоз» (Чиж 1935, 5: 4); «Вдруг в зале

зашумели. Послышались крики: “Эй, отойди, дяденька! Ты ведь непрозрачный!”» (Чиж 1938, 9: 26). Использование этих слов более прагматически значимо, чем использование слов «мальчик», «девочка», потому что слова «тетя», «дядя», как и слово «дети», указывает на невключенность говорящего в социальную систему, малую осведомленность о ней. Указывают они также и на то, что сама эта система находится в стадии становления, что отражается в языке, в формировании набора слов-маркеров социальных ролей, распределяющихся в соответствии с уровнем официальности коммуникации в том числе.

Особое место в числе слов этой группы занимает слово «брат» и его производные. Расширяя сферу употребления, оно сохраняет семейные положительные коннотации и в этом отношении становится контекстно синонимичным слову «товарищ». При этом, в позиции обращения это слово применяется как в отношении взрослых, так и в отношении детей: «Вставай, вставай, *браток*, – трубит горнист, – и все вскочили с коек» (Чиж 1931, 3: 8); «Ты [Петя – А.Б.] думаешь, этого довольно? <...> Тихо сидеть – поддела. Ты работу покажи. – Да, *брат!* – сказал Крутиков. – И мышшь тихо сидит, а толку нет» (Чиж 1932, 12: 2).

Таким образом, первоначальный анализ семантики обращений показывает, что детские журналы указанного периода ставили себе задачей включение ребенка в общественную жизнь страны, а также ознакомление его с существующими реалиями. И, если попытаться отбросить политико-исторические коннотации, можно увидеть своего рода «генетическую» связь советских журналов для детей (конкретно журнала «Чиж») с предшествующей европейской традицией детской литературы, где ребенка рассматривали как еще не оформившегося взрослого, которого надо снабдить информацией о мире и его месте в этом мире. Связь эта касается не только и не столько жанра, сколько литера-

турных и лингвистических приемов. И если в предыдущие эпохи эта цель достигалась, например, с помощью кумулятивных колыбельных (где последовательно назывались различные предметы и явления мира) или произведений, организованных по алфавитному порядку, то здесь эта цель достигается в том числе и с помощью обращений.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. 1999. Номинация – обращение – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры». С. 115–120.

Крысин Л.П. 1976. Речевое общение и социальные роли говорящих. – Социально-лингвистические исследования. / Под ред. Л.П. Крысина и Д.Н. Шмелева. М.: Наука. С. 42–52.

Кубрякова Е.С. 1989. Специфика актов референции в детской речи. – Детская речь: проблемы и наблюдения / Отв. ред. С.Н. Цейтлин. Л.: ЛГПИ. С.4–13.

Прияткина А.Ф. 1990. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа.

Ушаков Д.Н. 1935–1940. Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ (т. 1); Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2–4).

Чиж 1930–1941. Ежемесячный журнал для детей младшего возраста. Л.: Гос. изд-во.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ИТАЛЬЯНИЗМОВ В РУССКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И
ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЕ 1-Й
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
(на примере повести Н.В. Гоголя
«Рим», «Писем из Франции и Италии»
А.И. Герцена, путевых заметок А.А.
Иванова и писем К.П. Брюллова)

Лариса Василенкова (С.-Петербург)

Первая половина XIX века – время путешествий многих русских писателей по Средиземноморью и стажировок воспитанников Академии художеств на родине Рафаэля и Микеланджело. Н.В. Гоголь в одном из своих писем к П.А. Плетневу признавался: «Что за земля Италия! о, если бы вы взглянули только на это ослепляющее небо, все тонущее в сиянии! Все прекрасно под этим небом; что ни развалина, то и картина; на человеке какой-то сверкающий колорит; строение, дерево, дело искусства, – все, кажется, дышит и говорит под этим небом» (Гоголь 2009: 283). Свое первое письмо из Италии К.П. Брюллов начинает словами: «Roma и я дома!» (см. Загидуллина 2005: 114). Италия для писателей

и художников той поры стала подлинным раем, тем домом, куда так стремится душа гения. Итальянизмам, помогающим выстроить образ Италии в текстах авторов, их функционированию в повести и письмах и посвящено представленное исследование.

Материалом для данной работы стали художественная повесть Н.В. Гоголя «Рим» (1842), «Письма из Франции и Италии» А.И. Герцена (письмо 7 – Неаполь, 25 февраля 1948, письмо 8 – Рим, 3 марта 1948), письма К.П. Брюллова (К.П. Брюллов – П.А. Кикину. 10 октября 1823, Рим; К.П. Брюллов – Обществу поощрения художников. 17 июля 1825, Рим; письмо к брату Ф.П. Брюлло. Март 1828. Рим), а также письмо А.А. Иванова – Обществу поощрения художников. 28 февраля 1831г. Флоренция и путевые заметки А.А. Иванова (весна-лето 1834).

В повести «Рим» на протяжении всего произведения Н.В. Гоголь обращается к технике иноязычного вкрапления. Приведем пример, где автор не дает объяснения иноязычному слову, ссылаясь на трудность его определения: «Тут самый немец с кривизной ног своих и бесперехватностью стана получил значительное выражение, разнеся по плечам золотистые свои локоны, драпируясь легкими складками греческой блузы или бархатным нарядом, известным под именем *cinquiescento*, которое усвоили себе только одни художники в Риме» (Гоголь 2009: 293).

Писатель в произведении часто преднамеренно не дает комментария к использованным в тексте иноязычным вкраплениям, их смысл можно понять только из контекста, например: «Наконец, народ, в котором живет чувство собственного достоинства: здесь он *il popolo*, а не чернь, и носит в своей природе прямые начала времен первоначальных квиритов; его не могли даже совратить наезды иностранцев, развратителей недействующих наций, порождающие по трактирам и дорогам презреннейший класс людей, по кото-

рым путешественник произносит часто суждение обо всем народе» (Гоголь 2009: 184). П *rorolo* – это не просто итальянизм, это понятие, в котором содержится мироощущение и самоопределение целой нации. Поэтому Гоголю было так важно оставить данное заимствование в его исконном виде, ведь полнее всего раскрыть свое «я» народ может только на родном языке.

Есть в тексте повести Гоголя варваризм, представляющий собой название карточной игры. Он сопровождается авторским переводом, следующим в скобках непосредственно за иноязычным фрагментом: «Ему нетрудно было также отказаться от всякого сообщества с своим сословием, – которое, впрочем, все состояло из двух-трех доживавших фамилий, – общества, воспитанного кое-как отголосками французского образования, да богача банкира, собиравшего около себя круг иностранцев, да неприступных кардиналов, людей необщительных, черствых, уединенно проводивших время за карточной игрой в *tresette* (*род дурачка*) с своим камердинером или брадобреем» (Гоголь 2009: 178).

Используя технику иноязычных вкраплений, писатель стремится некоторые заимствования передать все же кириллическим письмом. Так, например, употреблено в тексте повести слово *миненти* («мелкое и среднее дворянство» – Л.В.): «В праздничный ли день, когда темная древесная галерея, ведущая из Альбано в Кастель-Гандольфо, вся полна празднично убранного народа, когда мелькают под сумрачными ее сводами щеголи *миненти* в бархатном убранстве, с яркими поясами и золотистым цветком на пуховой шляпе, бредут или несутся вскачь ослы с полузажмуренными глазами, – и тогда, и в оный праздничный день при ней далеко лучше, чем без нее» (Гоголь 2009: 202).

Однако в то же время слово *nobile* («высшее дворянство, знать» – Л.В.) дается в повести всегда по-итальянски: «... следил в остериях, чисто римских остериях, куда не за-

ходит иностранец, где римский *nobile* садится иногда рядом с миненте и общество скидает с себя сюртуки и галстуки в жаркие дни...» (Гоголь 2009: 195). По-итальянски назван в повести и управляющий князя – *maestro di casa*: «Двадцатипятилетний юноша, римский князь, потомок фамилии, составлявшей когда-то честь, гордость и беславие средних веков, ныне пустынно догорающей в великолепном дворце, исписанном фресками Гверчина и Караччей, с потускневшей картинной галлереей, с полинявшими штофами, лазурными столами и поседевшим как лунь *maestro di casa*» (Гоголь 2009: 181).

В тексте произведения слово *пиццикаролы* выделено курсивом и никак не прокомментировано: «Как накануне Светлого Воскресенья продавцы съестных припасов, *пиццикаролы*, убирали свои лавчонки: свиные окорока, колбасы, белые пузыри, лимоны и листья обращались в мозаику и составляли плафон» (Гоголь 2009: 196). Нет комментария к этому слову и в примечании. Данное слово, написанное в тексте повести кириллицей, вероятно, представляет собой смешение итальянских слов *pizaiolo* («хозяин съестной лавки» – Л.В.) и глагола *pizicare* («щипать» – Л.В.), являясь неологизмом, придуманным Гоголем.

Итальянское слово *principe* использовано в тексте по-разному: от перевода данного слова до его использования в исконной графике («князь» – «принчипе» – «*principe*»), промежуточный вариант отражает итальянское произношение: «Сегодня я не пойду на Корсо, – сказал *принчипе* своему *maestro di casa*, выходя из дому, – мне надоедает карнавал, мне лучше нравятся летние праздники и церемонии...» (Гоголь 2009: 332).

Отражает итальянское произношение и слово *куджина*. Заимствованное из французского слово «кузина» (*cousine*) в тексте не используется. Автор намеренно использует итальянский вариант данного слова, сохраняя ита-

льянскую фонетику, ведь его цель – познакомить читателя с итальянской культурой, с языком этой страны. Точно так же поступает Гоголь и со словом «маркиза», являющимся заимствованием из французского языка. В тексте повести писатель использует итальянский вариант этого слова: «Теперь время карнавала, князь поедет вместе с своей *куджиной*, *маркезой* Монтелли, поедет с друзьями в карете бросать цветы, поедет за город *far allegria*» (Гоголь 2009: 207).

Не адаптированным в русском языке является использованное в повести итальянское слово *eccellenza*, означающее «превосходительство» или «сиятельство»: «Что хочет приказать *eccellenza*? – говорил Пеппе, стоя с открытою головою. Князю стоит только сказать: «Пеппе!» – а я: «Вот я». Потом князь пусть только скажет: «Слушай, Пеппе», – а я: «Ессо ме, *eccellenza!*»» (Гоголь 2009: 201). Гоголь неслучайно оставил данный итальянизм без перевода, тем самым указывая читателю на общность коммуникативной ситуации, в которой итальянец и русский ведут себя абсолютно одинаково, разница лишь в языке.

Во всем тексте повести нет других иноязычных вкраплений, кроме итальянских. М.В. Загидуллина в работе «“Итальянский код” в “Риме” Н.В. Гоголя» отметила, что только в одном случае есть отсылка к французским реалиям: «воздымалась набитая трюфелями индейка с лаконической надписью: «300fr»» [1]. Очевидно, что одной из главных авторских задумок было изображение богатства красок жизни Италии в сравнении с Францией, и этот контекст тому подтверждение.

Есть в повести «Рим» Гоголя несколько итальянских выражений, которые несут определенную колоритообразующую функцию. Одно из таких выражений – *il vero romano* («истинный римлянин» – Л.В.), которое автор решил оставить в его исконном облике, без перевода, тем самым подчеркивая значимость данного словосочетания, прежде

всего, для самих итальянцев. Иными словами, данное выражение описывает национальную особенность этого народа: «Или же не платить сиору Сервилио да вместо того позвать его обедать в остерию? потому что съор Сервилио *il vero Romano* и за предложенную ему честь будет готов потерпеть долг, – а лотерея непременно начнется со второй недели Поста» (Гоголь 2009: 346). В этом выражении мы видим авторскую иронию над «истинным римлянином», ведь для человека любой национальности долг – событие неприятное, а герой повести готов его разменять на «сомнительную» честь быть приглашенным на обед. Гоголь видит итальянца не просто как человека, который, как никто другой, способен ощущать полноту жизни, его «*il vero Romano*» свободен от условностей остального мира, он стремится любыми средствами облегчить свое существование и в любой ситуации остаться в выигрыше.

Вторым выражением, которое необходимо было оставить неизменным, является *far allegria*. Дословный перевод выражения *fare allegria* → *far'allegria* – «делать веселье». Такой перевод примитивен, не передает духа «светлой непритворной веселости», поэтому писатель решил оставить это словосочетание без перевода, нигде его не русифицируя, но предоставляя свое видение в тексте повести: «Эта светлая непритворная веселость, которой теперь нет у других народов: везде, где он ни был, ему казалось, что стараются тешить народ; здесь, напротив, он тешится сам» (Гоголь 2009: 343).

В повести «Рим» Н.В. Гоголь попытался передать на письме беглую итальянскую разговорную речь: так, наряду со словом *синьора*, соответствующим итальянскому произношению, автор использует слова *сьора* и *сиор* (все они восходят к одному и тому же итальянскому слову *signore*). Интерес писателя к разговорной речи итальянцев обусловлен, прежде всего, мыслям Гоголя о языке как о национальном достоянии любого народа.

Слово *боттега* (ит. *bottega*) употреблено в тексте произведения в значении «служащий в лавке»: «Там пил он с сибаритским наслаждением свой жирный кофий из громадной чашки, нежась на эластическом, упругом диване и вспоминая о низеньких, темных итальянских кафе с неопрятным *боттегой*, несущим невымытые стеклянные стаканы» (Гоголь 2009: 211). На самом же деле слово *bottega* означает саму лавку, кафе или мастерскую, а лавочник или торговец по-итальянски *bottegaio*. Иными словами, в данном употреблении произошел метонимический перенос – писатель называет *боттегой* не лавку, а человека, служащего в ней. Помимо этого, данное слово склоняется по падежам, что для иноязычного вкрапления не характерно.

Обобщая все вышесказанное, мы можем прийти к следующему выводу: в повести «Рим» Н.В. Гоголь использует технику иноязычных вкраплений, когда говорит об отдельных лицах или группе лиц, а также при обращении к собеседнику. При этом ряд слов он намеренно оставляет в их латинизированном виде, другие же передает кириллическим письмом. Следовательно, для писателя, который изображает живую жизнь народа, стремится через свое произведение передать атмосферу Италии, является крайне важным сохранить исконные слова при обозначении людей, живущих в стране, о которой он пишет. Он использует итальянизмы, называющие классы (*минентти, nobile, principe*), род деятельности человека, его профессию (*maestro di casa, аббат, боттега, ветурин, гондольер, принчипе, пиццикароты*), а также его роль в комедии dell'arte (*арлекин, каламбина, паяц*). Гоголь использует и традиционные итальянские обращения (*сьора, сиора, синора, eccellenza*). Есть в его повести итальянизмы, относящиеся и к миру материальному (*фреск, броколи, tressete* и др.), которые служат задаче последовательного погружения читателя в мир итальянской жизни и культуры. Влияние окружающей обстановки на

внешний и внутренний мир человека настолько сильно, что даже «немец с кривизной ног своих и бесперехватностью стана получил значительное выражение» (Гоголь 2009: 203). Всего в тексте повести содержится 43 заимствования, часть из них употребляется на протяжении всей повести несколько раз. Многие исследователи отмечали, что героя повести, молодого князя, Гоголь идентифицирует с самим собой, вкладывая в его суждения свои мысли о западной – французской – цивилизации и о смысле человеческого существования вообще [2,3,4,5]. Тогда становится понятным стремление писателя думать и говорить, как потомок квиристов, видеть мир его глазами.

А.И. Герцен, как и Н.В. Гоголь, употребляя заимствования из итальянского языка, часть из них оставляет в их исконной графической форме, а часть пытается передать кириллическим письмом. А.И. Герцен использует технику иноязычных вкраплений, когда стремится взглянуть на мир глазами самих итальянцев: «Я смотрел на всю эту комедию и от души желал этому благонамеренному старику, или этой старой бабе, называемой *Pio nono*, не только честной, но и скорой кончины для того, чтоб он мог дать добрый совет на страшном судилище истории» (Герцен 1955: 318). Ключевые для итальянского народа понятия писатель, так же, как и Н.В. Гоголь, оставляет без изменений, не комментируя их: «Да, - продолжал *il popolano*, - я не могу идти...ну что же я сделаю для войны, *romani*? У меня есть сын, *e mio sangue*, я его отдаю отечеству, пусть он идет в первых рядах» (Герцен 1955: 316). А.И. Герцену важно оставить слово *Il popolano* («простолудин» – Л.В.) без изменений. Будучи писателем революционного толка, автор намеренно использует итальянское слово, тем самым акцентируя внимание на классово-вой принадлежности того, о ком он пишет в своем письме. Слово *romani* («римляне» – Л.В.) А.И. Герцен использует в его исконном виде, так как ему важно продемонстрировать

уникальность народа, о котором он пишет. Употребление фразы *e mio sangue* («моя кровь» – Л.В.) без перевода и каких-либо авторских комментариев также может свидетельствовать о желании автора стать на точку зрения описываемого народа, говорить его языком. Другой иллюстрацией к высказанному предположению служит фраза «– Пошел к чорту, ну что лезешь, *e in padrone!*» (Герцен 1955: 318). Слово *padrone* («хозяин» – Л.В.) А.И. Герцен оставляет в итальянской графике.

Подобно Гоголю, Герцен оставляет некоторые итальянские выражения без перевода. Эти выражения выполняют особую колоритообразующую функцию в тексте. Так, например, выражение *in effigie* («заочно» – Л.В.) писатель не комментирует, значение его понятно из контекста. И вновь писатель стремится продемонстрировать точку зрения итальянцев, как они называют то или иное понятие: «Но этим еще не кончилась казнь *in effigie*. Герб привязали к хвосту осла и отправились торжественным шествием по Корсо» (Герцен 1955: 317). Оставляет А.И. Герцен без графических изменений такую итальянскую реалию как *dogana di sale* («соляная таможня» – Л.В.), тем самым акцентируя внимание, как и Н.В. Гоголь, на бытовых мелочах, что объяснимо, так как перед нами представитель Натуральной школы: «Да где же этот старичок? – За *Dogana di sale!* – Пойдем к нему» (Герцен 1955: 319).

Особый интерес представляет слово *tramontana*, использованное А.И. Герценом в конце его 8 письма. Первоначально означающее «холодный северный и северо-восточный ветер в Италии и Северной Испании» в тексте письма оно используется в качестве метафоры, что свидетельствует об известности этого слова для автора, хотя оно и использовано в латинской графике: «Небо без туч, временами веет холодный ветер из могильных склепов, нанося запах трупа, запах прошедшего; историческая *tramontana* сильна, но что

б ни было, благодарность Риму за пять месяцев, которые я в нем провел» (Герцен 1955: 321).

Таким образом, в повести «Рим» Н.В. Гоголь и в своих письмах А.И. Герцен не только активно обращаются к технике иноязычных вкраплений, но и используют итальянизмы как в их главной – номинативной функции, так и в **функции экзотической**. Всего автор использовал в своих письмах 22 заимствования, часть из которых употреблена в тексте неоднократно. Заимствования знакомят читателя с культурой Италии, создают ее колорит.

Заимствования, которые присутствуют в письмах А.И. Герцена, можно отнести к разным сферам употребления, но основной является, как и у Н.В. Гоголя, сфера «человек». Он использует слова, обозначающие положение человека в обществе (*лаицарони* – деклассированные люмпен-пролетарские элементы в Южной Италии, *radrone* – барин, господин, *porolano* – простолюдин, *кондотьер* – предводитель наемного военного отряда и *гонфалоньер* – глава ополчения пополанов во Флоренции и других городах Италии), а также его роль на карнавале (*пулчинелла*). Материальный мир у А.И. Герцена представлен гораздо шире. Помимо слов, связанных с итальянским бытом (*остерия*), появляются слова, связанные со сферой «деньги» (*скудо*, *бийокки*). Кроме того появляются слова, которые можно отнести к сфере, условно называемой «труд и рабство» (*казармы*, *галеры*). И хотя в центре внимания автора вновь человек и его жизнь, писатель смещает акцент в сторону его социального положения, роли, которую он исполняет в сложившейся исторической ситуации.

Воспитанники Академии Художеств обращались в своих текстах к технике иноязычного вкрапления только при введении определенных понятий, например К.П. Брюллов вставляет заимствование *quadri di genere* («картины по жанрам»), когда хочет употребить конкретный термин, ис-

пользуемый в изобразительном искусстве: «Теперь, кроме вышеупомянутой в Ватикане копии, я начал несколько картин во фламандском роде (*quadri di genere*), и по желанию ее сият. графини (М.Д.) Нессельроде я обещал ей написать пять картин, представляющих разные национальные и характеристические сцены Рима» (см. Загидуллина 2005: 213). Художник использует заимствование *Принчепесса*, пытается передать итальянское произношение слова кириллическим письмом, однако, допускает ошибку (ит. *Principessa*), которая, вероятно, связана с существованием заимствования *Prinzessin*, пришедшего в русский язык из немецкого и адаптировавшемся в варианте *принцесса*: «Я хотел скопировать ее, попросил его сият-во кн. Гагарина, и министр италинский написал письмо к *Принчепессе*, но с давних времен фамилия Шара положила никому не позволять копировать с картин, находящихся в их галерее» (см. Загидуллина 2005: 228). А.А. Иванов в своих текстах к технике иноязычного вкрапления не обращается. У обоих художников отсутствуют в письмах и заметках варваризмы.

Письма К.П. Брюллова и заметки А.А. Иванова содержат собственно итальянизмы, которые связаны со сферой искусств. Как таковой *экзотической функции* они не несут. В отличие от Н.В. Гоголя и А.И. Герцена, которые, создавая свои произведения, ориентировались на читателя и стремились погрузить его в чужую культуру при помощи тех или иных лингвистических средств, для художников не стояло задачи создать текст, изобилующий реалиями итальянской жизни. Итальянец как человек их не интересовал. Художники акцентировали свое внимание на том, что человек создает, как его работа становится произведением искусства, а потому и использовали понятия, рожденные в Италии. Письма и путевые заметки выпускников Академии Художеств содержат в себе итальянизмы, которые называют определенные понятия и предметы из сферы искусств

(торз, фреск, виолончель, капелла). Они не несут в себе экзотическую функцию, так как в задачу художников не входило создание колорита той страны, о которой они сообщали, в отличие от Н.В. Гоголя и А.И. Герцена. Их тексты представляют собой либо деловую отчетность, либо собственные впечатления, которые опять же связаны с их родом занятий. Повествования обрывочны, не сюжетны, в них сообщается только то, что являлось в то время для художника главным, и это главное – создание шедевра. Именно поэтому тексты содержат итальянизмы, являющиеся либо терминами, либо объектами искусства.

Таким образом, Н.В. Гоголь и А.И. Герцен в своих произведениях не только используют заимствования из итальянского языка при назывании неизвестных русской культуре понятий, для них итальянское слово – это возможность познакомить читателя с иным миром, наглядно показать красоту и самобытность Италии посредством текста. Художники, имея перед собой иные задачи при создании своих писем и заметок, употребляли итальянские понятия из сферы искусства, стремясь сделать их популярными в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов И.А.** 2001. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М.
- Герцен А.И.** 1955. Письма из Франции и Италии. – Герцен А.И. Полн. собр. соч. в 30 т. М.
- Гоголь Н.В.** 2009. Переписка 1835–1841. – Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 11. М.
- Гоголь Н.В.** 2009. Рим. – Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 3. М.
- Загидуллина М.В.** 2005. «Итальянский код» в «Риме» Н.В.

Гоголя. – Язык. Культура. Коммуникация: материалы второй международной научной конференции. Челябинск.

Паклин Н.А. 1990. Русские в Италии. М.: Современник.

Рылов Ю.А. 2004. Гоголь-переводчик? – Гоголь и Италия: материалы международной конференции: «Николай Гоголь: между Италией и Россией». М.

Хлодовский Р.И. Рим в мире Гоголя. – Иностранная литература. М.: Известия, №12. С. 203–210.

Шварцбанд С.М. 2004. Об одном письме Н.В. Гоголя из Рима. – Гоголь и Италия: Материалы международной конференции: «Николай Гоголь: между Италией и Россией». М.: РГГУ. С. 234–241.

ДЕЛОВОЕ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Елена Вельман-Омелина (Тарту)

Официально-деловая коммуникация в разных формах давно и прочно вошла в жизнь каждого члена современного общества. Участники делового общения выступают в официальных статусах и ориентированы на достижение определенной цели, конкретных задач. В современном мире деловая коммуникация все чаще приобретает форму интернет-общения. В электронном виде составляются и хранятся различные документы, обычные деловые письма заменяются электронными, общение между юридическими и физическими лицами уже кажется невозможным без использования интернет-среды. Однако помимо электронных писем, обращений в различные инстанции и прочих письменных манипуляций, которые можно выполнить при помощи системы Интернет, существует и такое онлайн-общение, которое близко устной коммуникации.

Стоит отметить, что ранее в наших работах в качестве языкового материала была использована только письменная деловая речь (зафиксированная и на бумажном, и на электронном носителе), поскольку системное отслеживание официальной устной речи по техническим и этическим причинам, а также нормам конфиденциальности, затруднитель-

но. Специалисты считают, что «онлайн-общение представляет собой гибридную — письменно-звуковую форму речи, ибо в повседневной виртуальной коммуникации письменная речь все более выступает как эквивалент бытовой разговорной речи» (см.: Голев 2013: 14). Таким образом, в качестве источника языкового материала нами привлечен один из форумов официально-деловой направленности.

Бизнес-Форум Эстонии представляет собой русскоязычное (по большей части) интернет-пространство, в котором обсуждаются проблемы, связанные с ведением бизнеса в Эстонии, а также вопросы экономики, политики и права. Общение на форуме имеет три основных направления: поиск деловых партнеров, обмен информацией (сюда же можно отнести консультации специалистов, т. к. на форуме находятся и пользователи, чья профессиональная деятельность связана с консультированием начинающих предпринимателей), купля-продажа. Данный форум является не очень большим, но достаточно известным интернет-ресурсом, которого в русскоязычном сегменте эстонского интернета вполне достаточно для обсуждения деловых тем. Наибольший интерес для нас представлял процесс собственно общения, т. е. обсуждения различных вопросов, связанных с предпринимательством в Эстонии.

Итак, как и устная разговорная речь, обсуждаемые в данной статье тексты обладают в условиях интернет-дискурса многими характеристиками разговорной речи (такими как неподготовленность, непосредственный характер речевого акта и др.), но являются письменными по форме (см.: Валиахметова 2001: 8). Кроме того, они характеризуются неполнотой, использованием сниженных единиц, отсутствием «рамочных» конструкций, многотемностью и имеют во многом спонтанный, «текущий» характер (см.: Золотова 2011: 228).

Стоит отметить, что интернет-тексты содержат множество отступлений от норм орфографии и пунктуации.

Однако в случае неофициальной письменной речи, в частности в электронном общении, нельзя быть уверенным в том, что автор не знает, как писать то или иное слово. Быть может, он просто не хочет усиливать контроль над своим речевым поведением. Поясним, что здесь не имеются в виду намеренные неправильные написания. Речь идет об ошибках типа *зделать, выставка, незнаю* и т. п. Такие неправильные написания могут появиться в тексте по двум причинам: 1) автор искренне полагает, что слово или сочетание слов пишется именно так; 2) автор в принципе знает, как это пишется правильно и при некотором усилии может соблюсти норму, но в данной ситуации не считает нужным прилагать это усилие (Кузнецова 2009: 234–235). Сюда же можно отнести и другие примеры орфографических и грамматических ошибок: *вкурсе, всеже, не как* вместо *никак*, *и так* вместо *итак*, *с начало, вообще, договора, слышал краем ухо, вот примерные слогаемые успеха* и т. д.

Помимо этого, обращают на себя внимание фразы с практически полным отсутствием пунктуации, что обычно не только не характерно для делового интернет-общения, в том числе и для **Бизнес-Форума Эстонии** (т. е. такие случаи единичны), но и бросается в глаза как нечто чужеродное. Например: *звоню инспектору он приходит смотрит иииииии просто надо ему сказать (да все круто открывайся) или даст то самое разрешение; вообще то я знаю где заказать все необходимое; позвонил ему спросил свой вопрос он даже не в курсе был что да как.*

Наряду с деловыми понятиями и терминами: *маркетинг, бюджет, договор о неразглашении, платеж, оборот, уставной капитал*, участники форума активно пользуются и просторечными единицами: *компьютерицик, напряженка, спецы, бух.*

С целью максимального приближения онлайн-общения к устной речи, участники коммуникативного акта используют:

1) различные междометия: *хм, ага, угу*;

2) многоточие, большое количество запятых в качестве сегментации или незаконченности фразы: *да и эксплуатация таких домов требует больше внимания – при чем постоянного ,,,,,,, по поводу технадзора – не встречал Таллинне спецов именно по срубам ,,,,,,, вообще я бы подумал прежде чем ставить сруб для круглогодичного проживания .....*;

3) несколько гласных: *ооочень*;

4) знаки, выражающие эмоции (например, несколько восклицательных знаков): *В итоге оказалось, что перед штукатуркой работники не обработали стену грунтом и вдобавок наложили невероятно большой слой !!шпаклевки!! а не штукатурки и т. д.*

Все эти графические единицы заменяют коммуникантам эмоции «живого» очного общения. Примечательно, что деловая речь как в своей устной, так и в естественной письменной форме весьма консервативна и обычно стремится к минимизации эмоциональной составляющей. Благоприятный микроклимат общения поддерживается с помощью формул вежливости, которые активно используют посетители форума. Как и в «живом» общении, коммуниканты приветствуют друг друга: *здравствуйте, привет, доброго времени суток*; выражают благодарность: *заранее благодарен, спасибо, буду очень благодарен* и т. д.; извиняются: *прошу прощения, извините*. Предупреждения за грубый или неподобающий стиль общения встречаются в единичных случаях.

Стоит отметить, что участниками общения на форуме часто являются и представители других стран, для которых многие специфические слова и словосочетания (например, названия местных реалий и т. д.) могут остаться или малопонятными, или непонятными вовсе. Как известно специфика речи диаспоры проявляется наиболее ярко именно в наличии эстонских вкраплений (а также устойчивых словосочетаний, являющихся кальками и полукальками эстон-

ских слов и словосочетаний (как удачных, так и неудачных)) (Костанди 2011: 145). Приведем несколько примеров: *пошлина оплачивается (если не изменяет память) пангалинком¹; А товара продали на 600 евро, в т.ч. кяйбемакса² 100 евро; Osanik-ом³ он не является; оплатил до того как успел выставить счет, т.е. Arve number⁴ я сказал, но счет еще в систему не ввел* (говорящий в одной фразе использует и эстонское, и русское название); *если оплатил от частного лица, любого другого – просто в счете укажите плательщик – eraisik⁵; Если договор подряда, хайгекасса⁶ оплачивает работодатель или работник?; Собираемся открывать кулинарные курсы, возник вопрос в чем практическая* польза OÜ⁷ от MTÜ⁸ и наоборот?* Несмотря на то, что переключение с кириллических на латинические знаки доставляет печатающему некоторые неудобства, посетители форума часто предпочитают именно оригинальные номинации.

Думается, что такие понятия как НДС (налог на добавленную стоимость) в России и НСО (налог с оборота) в Эстонии вряд ли вызовут трудности с пониманием смысла, однако, например, такие номинации как *риэлтор* и *маклер*, *внешний управляющий* и *банкротный управляющий*, *услуги коллекторского агентства* и *инкассо-фирмы* могут быть неправильно истолкованы. Примечательно, что встречаются случаи и параллельного использования:

Сейчас, если этот товар продаете в Эстонии, то Вы должны его продать с эстонским НДС 20%. Будет ли прибыль меньше или цена товара выше на сумму НДС это решать только Вам.

А если ваш рынок – частники, которые обычно чек не спрашивают, то ваш официальный оборот никогда не превысит 16 тысяч, чтобы ваша компания стала налогообязанной по НСО.

В связи с тем, что мы имеем дело не с деловыми переговорами или беседами, а свободным общением на дело-

вые темы, подобные отступления от норм литературного языка нельзя рассматривать как затрудняющие понимание или приводящие к коммуникативным неудачам. Однако нам встретились и фразы, смысл которых может быть истолкован неверно. Например:

Виды доходности изначально не рассматривались, и не будут рассматриваться. Мы хотим помочь нашей молодежи стать более общительней и дружелюбней, и открыть новые границы нашего времени.

Я не давал конкретно что делать, обозначил лишь, что это должно быть «интересно» насколько я понимаю за фирмой, как за заказчиком всеравно в таком случае остаются все имущественные права, я прав?

Я из Литвы, у меня есть несколько бизнес-идей, которые обеспечат быструюкупаемость и финансовой независимости, идеи, связанные с недвижимостью...Я буду ждать заинтересованы, серьезно об инвестировании, человеческого сообщение ... Мой электронный...

Итак, стоит отметить, что несмотря на наличие орфографических, грамматических и пунктуационных ошибок, в целом грамотность речи участников форума можно считать допустимой для естественной письменной речи, т. к. пользователи сети Интернет нередко прибегают к правилу «как слышу, так и пишу», кроме того нельзя не учитывать и возможность опечаток. В спонтанной устной речи или в условиях компьютерного общения особенно ярко проявляется одна из регулярных местных особенностей – использование говорящими иноязычных (эстонских) вкраплений – слов, словосочетаний, иногда и целых фраз (Костанди 2009: 75). Если в деловом письменном тексте таких вкраплений будет немного или не будет вовсе, то в условиях онлайн-общения, которое «благоприятствует развитию не только внутриязыковой, но и межъязыковой интерференции» (см.: Нецименко 2007: 449), иноязычные вкрапления встречаются в больших количествах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ банковская ссылка – это система, с помощью которой интернет-продавцы, клиенты интернет-банка и интернет-банк могут обмениваться данными, оказывать услуги и развивать деятельность <https://www.swedbank.ee/business/cash/ecommerce/banklink/description?language=RUS>

² налог с оборота

³ пайщик

⁴ номер счета

⁵ частное лицо

⁶ больничная касса

⁷ паевое товарищество или товарищество с ограниченной ответственностью

⁸ некоммерческое товарищество

ЛИТЕРАТУРА

Валиахметова Д.Р. 2001. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса. – Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Международная научная конференция. Труды и материалы: в 2-х тт., Казань, т. 2. С.7–9.

Голев Н.Д. 2013. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. – Вестник Томского государственного университета, Филология, 2013, № 5 (25). С. 12–30.

Золотова Е.С. 2011. Естественная письменная речь как

источник изучения профессиональной языковой личности. – Вестник Челябинского государственного университета, № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 226–228.

Костанди Е.И. 2009. Роль прагматических факторов в формировании особенностей речи диаспоры. – *Humaniora: Lingua Russica*. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Тарту. С. 65–82.

Костанди Е.И. 2011. Референция и номинации – проблемы выбора в иноязычной среде. – *Humaniora: Lingua Russica*. Развитие и вариативность языка в современном мире II. Лингвистика XIII. Тарту. С. 142–160.

Крылова О.А. 2009. Лингвистическая стилистика. Книга I. М.: Высшая Школа.

Кузнецова Н.В. 2009. Письменная речь в интернет-коммуникации: проблема отношения к несоблюдению орфографических норм. – Молодежь – будущее России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19–20 ноября 2009 года, часть 2. Тюмень. С. 234–237.

Нещименко Г.П. 2007. Язык компьютерного общения как предмет лингвистического анализа (с учетом данных сопоставительного изучения русского и чешского языков). – III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», 20–23 марта 2007, М. С. 448–449.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДУБЛЕТНЫХ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ В КОНТЕКСТАХ РАЗНОГО ТИПА (на материале имен существительных)

Татьяна Верховцева (С.-Петербург)

Общеизвестно, что проблема постановки ударения в русском языке является одной из самых сложных. Эта тема освещается как в научных работах, так и в многочисленных пособиях по обучению русскому языку иностранных студентов, что подтверждает ее важность и актуальность в современной лингвистике и лингводидактике. Несмотря на многообразие исследований, посвященных этой теме, до сегодняшнего дня остаются вопросы, заслуживающие специального внимания и тщательного рассмотрения. «В русском языке ударение разноместное, иначе свободное, то есть его место не прикреплено к одному определенному слогу слова (например, начальному или конечному) или к определенной морфологической части слова (например, к основе или к окончанию), оно может падать на любой слог слова и на его разные морфологические части» (см.: Аванесов 1985: 689). Такая особенность русского языка в отдельных случаях помогает избежать смысловой и грамматической омонимии. «Разноместное ударение русского языка в одних словах является неподвижным, то есть при образовании граммати-

ческих форм слова оно остается на одном и том же слоге, а в других — подвижным, то есть при образовании разных грамматических форм слова оно переносится с одного слога на другой» (Аванесов 1985: 689). В связи с этим выделяют акцентные типы, согласно которым ударение во всех формах остается неизменным либо меняет свое место. Каждому слову (в частности – существительному, так как в настоящей работе анализируются именно они) приписан свой акцентный тип. Существует несколько классификаций ударения в русских существительных (см., например: Суханова 1980: 511–518, Зализняк 1997: 31–32, Редькин 1971: 14, и некот. др.). Они не сводятся к единой, однако следует отметить, что основными и наиболее продуктивными можно считать типы А (постоянное ударение на основе – *бУква, бУквы, бУкве, бУкву, бУквой, (о) бУкве; бУквы, букв, бУквам, бУквы, бУквами, (о) бУквах*), В (постоянное ударение на окончании – *стол, стола, столУ, стол, столОм, (о) столЕ; столЬ, столОв, столАм, столЬ, столАми, (о) столАх*) и С (в ед. ч. ударение на основе, во мн. ч. – на окончании: *гОрод, гОрода, гОроду, гОрод, гОродом, (о) гОроде; городА, городОв, городАм, городА, городАми, (о) городАх*) или 1, 2 и 3 соответственно.

В русском языке отмечается явление акцентологической вариативности. *Акцентологическая вариативность* – это сосуществование в языке двух или нескольких реализаций одной единицы, то есть двух или нескольких вариантов. *Акцентные (или иначе – акцентологические) дублеты* – такие единицы, в которых сосуществуют в языке два равноправных варианта постановки ударения. Все изменения, происходящие в языке, так или иначе имеют для этого основания, они обусловлены самой его системой. Две главных причины установления одного варианта произнесения – это ассоциации «по смежности (стремление ударения сохранить словообразовательную зависимость) и по сходству (стремление ударения уподобляться более общему структурно од-

нотипному разряду слов)» (Горбачевич 1971: 80). Очевидно, что «пожалуй, единственная возможность дать достоверные рекомендации по произношению слов, имеющих варианты, а также определить вектор развития произносительной нормы будущего кроется в изучении предпочтений носителей русского языка» (Игнаткина 2012: 128).

В рамках настоящего исследования была выдвинута гипотеза, что во фразеологических оборотах или других связанных сочетаниях ударение будет «консервироваться», т. е. все или большинство информантов, вне зависимости от их различий по гендеру, возрасту и профессии, выберут один вариант постановки ударения в акцентологических дублетах. Для проверки этого предположения был проведен эксперимент. Было отобрано 7 существительных (*искра, петля, пригоршня, сажень, сковорода, стена, щепоть*), которые во всех (к примеру, *щепоть*) или только в некоторых своих формах (*стенам-стенами-стенах*) подтверждали дублетность. С этими существительными были составлены экспериментальные фразы, в которых нужные существительные оказывались в свободных сочетаниях (напр.: *Много легенд ходит о стенах этого дома; Он долго смотрел на синюю искру фейерверка; и др.*). Кроме того, были отобраны 11 фразеологических оборотов, включающих данные существительные (напр.: *заронить искру, искра таланта, искра надежды, в четырех стенах, стена в стену, лезть в петлю, вынуть из петли, петля затягивается на шее, брать пригоршнями, брать щепотью, на раскаленной сковороде*), с ними также были составлены экспериментальные фразы (напр.: *Мы не замкнуты в четырех стенах, мы очень открытое предприятие; Один неверный звук голоса может заронить искру подозрения в сердце короля и пробудить его уснувшее сознание; и др.*).

В случае со свободными сочетаниями информанты в слух читали предложения (чтение записывалось на дикто-

фон, далее прослушивалось и анализировалось), в случае со связанными – письменно проставляли ударения.

При формировании групп информантов были учтены 3 социальных параметра (гендер, возраст и характер образования), в результате в эксперименте приняли участие:

- 40 информантов-не филологов:
  - 20 человек старше 35 лет (10 мужчин + 10 женщин);
  - 20 человек младше 35 лет (10 юношей + 10 девушек);
- 40 информантов-филологов (те же группы).

Целью эксперимента со свободными сочетаниями (где существительные не были связаны контекстом) стало выяснение того, как реализуется в речи носителей русского языка предписанная акцентологическая схема. После анализа результатов были сделаны следующие выводы:

- информанты реализуют кодифицированную схему, но с большим или меньшим количеством отклонений от нее (*искра, петля, пригоршня, щепоть*); что касается двух последних существительных, то в словарях предусмотрена и кодифицирована их морфологическая вариативность в форме Р. п. мн. ч. (*саженей/ сажень и пригоршней/ пригоршен*);

- выявлены случаи появления некодифицированных вариантов постановки ударения (*щЕпоть, пригоршнЯ*);

- в случае с существительным сковорода в речи информантов была либо полностью реализована кодифицированная схема F (ед. ч. – ударение на окончании, И. п. мн. ч. – ударение на основе, Р. п., Д. п., Т. п., П. п. мн. ч. – ударение на окончании), а чаще наблюдались отклонения от нее или схема была заменена на более распространенные В и D.

В эксперименте со связанными сочетаниями проверялось, окажет ли связанный контекст существительного влияние на постановку в нем ударения. Оказалось, что лишь в четырех связанных сочетаниях информанты чаще сошлись на одном варианте постановки ударения: это сочетания *в четырех стенах* (87,5 % от всех информантов), *стена в стЕну*

(88,7 %), *петля затягивается на шею* (88,7 %), *на раскаленной сковороде* (96 %). В среднем около 90 % информантов выбрали эти варианты, вне зависимости от возраста, филологического или нефилологического образования и гендера. Можно выделить и еще одну, противоположную, группу сочетаний, постановка ударений в которых вызвала наибольшее количество сомнений и разногласий у информантов. Это сочетания *Искра таланта* (60 %), *лезть в петлю* (51 %), *брать щепотью* (47,5 %). Примечательно, что связанное сочетание *Искра надежды* вызвало меньше сомнений (68,75 %), особенно у представителей старшего поколения (87,5 %). Именно здесь появился один из некодифицированных вариантов – *щепотью*. Такой вариант появлялся и у информантов, проходивших второй режим эксперимента – проставление ударения в словах в свободных сочетаниях. Второе подобное слово – *пригоршнями*, и тоже такое ударение выявлено в обоих режимах. Как и в первом эксперименте, характеристики информантов не сильно повлияли на полученные результаты. Поэтому предварительные выводы можно сделать такие: не во всех связанных сочетаниях наблюдается консервация ударения (однако там, где это происходит, вариантность не допускается всеми информантами, вне зависимости от их характеристик). Разногласия большей частью возникают по поводу постановки ударения в одних и тех же существительных. Уже не первый год в подобных исследованиях, посвященных акцентным дублетам, появляются некодифицированные варианты постановки ударения – *щепоть*, *пригоршня*.

В ходе анализа результатов были сделаны еще два наблюдения:

- в сочетании *в четырех стенах* подавляющее большинство информантов поставило ударение именно так, хотя в свободных сочетаниях этот вариант появлялся редко, и он не соответствует акцентной схеме D, где во мн. ч. ударение падает на основу;

• в сочетании *лезть в пЕтлю* такой вариант ударения был также замечен лишь в этом связанном сочетании (хотя теоретически, если существительное относить к типу А, этот вариант вполне закономерен). Все информанты в ходе эксперимента со свободными сочетаниями использовали при склонении существительного тип D с тем или иным количеством отклонений.

Таким образом, можно предположить, что в связанных сочетаниях вполне возможен некодифицированный или малоупотребительный вариант постановки ударения. Этот вопрос вполне можно и дальше рассматривать в рамках проблемы постановки русского словесного ударения.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. 1985. Свойства русского ударения. – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. Ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык.

Горбачевич К.С. 1971. Изменение норм русского литературного языка. Л.: Просвещение

Зализняк А.А. 1997. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык. С. 31–32.

Игнаткина Л.В. 2012. Вариантность русского словесного ударения. – Человек говорящий: исследования XXI века: коллективная монография. Под ред. Л.А. Вербицкой, Н.А. Ивановой. Иваново.

Редькин В.А. 1971. Акцентология современного русского литературного языка. М.: Просвещение.

Суханова М.С. 1980. Ударение существительных. – Русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука. С. 511–518.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ШАХ, ИЛИ ДЛЯ ЧЕГО УПОТРЕБЛЯЮТСЯ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Анастасия Гавриленко (С.-Петербург)

Изучение и, прежде всего, собирание пословиц и поговорок имеет долгую историю: в XVII в. историк-архивист М.А. Оболенский составил первый известный нам рукописный сборник пословиц и поговорок, изданный в 1899 г. П. Симони (см.: Симони 1899). Изучение паремий, в свою очередь, начавшееся в XVIII в. с описания в них поэтических приемов и с восприятия этих текстов как проявления *народной мудрости*, развернулось со структуралистских позиций с середины 60-х гг., что связано с деятельностью Г.Л. Пермякова. По данным библиографического указателя «Русский фольклор» в период 1966–1975 гг. было издано 100 работ разных авторов, посвященных пословицам, поговоркам, крылатым словам и т. д. Однако несмотря на активное изучение этого жанра, равно интересующего как фольклористов, так и лингвистов, большая часть того, что мы знаем об этих выражениях, известна нам из анализа изданных в некоей усредненной форме паремий или, в лучшем случае, из анализа их употребления в художественной литературе.

По существу, пословицы и поговорки как единицы речи остаются малоизученными. Мне известно лишь одно исследование российского автора, материальный корпус кото-

рого составляют записи спонтанного употребления паремий (см.: Жигарина 2006). Интерес автора сосредоточен по большей мере на вариативности этих выражений. Как мне представляется, наиболее важным вопросом при рассмотрении паремий в спонтанной речи является вопрос об их семантике, обусловленной конкретной, возникшей спонтанно ситуацией, и о прагматике их употребления, в частности, о факторах, побуждающих говорящего использовать их в своей речи.

В этой работе я представляю результаты семантического и прагматического анализа полевого материала. Материал был записан мною во время фольклорной экспедиции в деревню С. Анализ состоит из описания одного паремиологического блока, о параметрах выделения которого я скажу позже.

Под семантикой в этой работе понимается значение паремии, актуализируемое «здесь и сейчас» самим говорящим. Для меня не столь важно значение паремии, которое возникает при буквальном понимании семантики составляющих ее элементов (см.: Барли 1984). Также я не ставлю своей целью расшифровку «глубинного» значения пословиц и поговорок, возникающего при генерализации смысла высказывания и/или расшифровке метафоры.

Целью прагматического анализа является определение мотивации употребления паремии, то есть проблема иллюкутивных намерений информанта и используемых им коммуникативных стратегий.

Для анализа паремий в спонтанной речи потребовалось решить задачу определения контекста их употребления. В лингвистике под контекстом понимается «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста».¹ «Семантическая направленность» данного определения не покрывает в должной

мере весь спектр интересующих меня возможностей паремий. Поэтому в данном исследовании следует говорить о речевом акте (а не тексте), воспринимаемом как речевое, или, шире, социальное, действие, а значит, под контекстом понимаются прагматические параметры коммуникации. Также я ввожу понятие *паремиологического блока* – отрезка речевого акта, в пределах которого адресант употребляет паремию или паремии и который являлся бы достаточным не только для определения значения пословицы или поговорки, но и для выявления иллокутивных намерений адресанта и оказанного на адресата перлокутивного воздействия. Существенными элементами при анализе высказывания являются данные об участниках и месте действия, а также описание ситуации произнесения пословицы или поговорок.

В качестве примера анализа паремиологического блока рассмотрим фрагмент интервью, записанного от одной из жительниц деревни С.

Участниками этого интервью являлись М. и Т., студентки II курса СПбГУ, 1991 и 1992 г. р. соответственно, проходившие в 2010 г. фольклорную практику. Информантом была Е.А.² Из этого интервью, во время которого и произошло полноценное знакомство собирателей с этой женщиной, выяснилось, что Е.А. родилась в д. С. в 1940 году, получила семиклассное образование и впоследствии работала дояркой. Дважды была замужем. С первым мужем развелась, прожив с ним полтора года. Причина развода – пьянство мужа. В сорок три года вышла замуж за вдовца.

Когда собиратели 8 июля пришли в дом к информантке, Е.А. добродушно их встретила, пригласила пройти в избу и усадила за стол. Интервью продлилось 260 минут. От Е.А. записаны сведения о свадебном и похоронном обрядах, предание, несколько песен. Ее реплики составляют 90% всего разговора, поэтому полноценным диалогом эту беседу трудно назвать; это и не интервью, так как темы разговора

задавались информанткой и инициатива всегда была в ее руках. Содержание беседы по большей части составляли называемые мною вслед за М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой «рассказы-пластинки» – интересные случаи из жизни Е.А., ее односельчан и деревни в целом (см.: Китайгородская, Розанова 1999). Во время разговора его участники просматривали альбомы с фотографиями, а после двухчасовой беседы еще и пили чай (и не только).

Когда Е.А. предложила собирательницам чай, она вместе с печеньем достала из буфета и бутылку водки: ее внуку исполнилось 26 лет, в честь чего она и предложила выпить. Сложно определить мотивы столь щедрого жеста Е.А.: сложившаяся ситуация скорее напоминает фрейм «Выпьем за знакомство», так как собиратели не были знакомы с человеком, за чье здоровье им было предложено выпить (Е.А. живет одна, и никакого внука собирательницы в глаза не видели). Нужно также учесть, что информантка предложила выпить восемнадцатилетним девушкам, что говорит о неопределенном типе взаимоотношений: не «интервьюер – информант», не «бабушка – внучка», скорее «пожилая женщина – молодая женщина».

В то время как одна из собирательниц приняла предложение, другая отказалась, ссылаясь на то, что она алкоголь не употребляет. Е.А. неодобрительно это прокомментировала, сказав, что это «херово дело», и предложила Т. сделать пунш. Как оказалось, пунш – это напиток на основе чая с добавлением водки и сахара. Поэтому Т. отказалась и от этого варианта, а М. принялась делать пунш. Через полчаса, когда участники говорили уже о грибах и когда М. захотела поделиться своей любовью к походам за грибами, Е.А., перебив М., начала неодобрительно высказываться о Т., которая не притронулась к стопке. Зашла речь об алкоголе, закончившаяся обсуждением катастрофического состояния мужиков в деревне, которые только и знают что выпивать.

Е.А.: Ты, голубушка, даже не прит<о/a>гонивывалась! Ну-ко!³

[Маленько!

[Т.: Дак я не...

Я не/ не м... это/ я вообще не пью//

Е.А.: Вот с чаечком бы и

[выпила//

[Т.: Не-е/

я/ мне никак/

[я вообще...

[Е.А.: Никак!

Т.: Я ни шампанское/ ничего

[не пью//

[Е.А.: Ой-ой-ой//

[Т.: Неа//

[Б.Ж.: Но

тебе замуж не выйти// <М. смеется>

Т.: А почему? <Настороженно>

Е.А.: А почему? Вина не пьешь/ а... за мужика выйдешь замуж... мужик будет пить/ ты ска... ты опять//

Т.: <Перебивает> А я найду мужика/ который тоже не пьет// <Гордо>

Е.А.: Только что/ но нынче/ нынче не найдешь такого//

Т.: Е-е.../

[был один//

[М.: Е-есть//

Т.: Был один//

Е.А.: Был один?

[Т.: Да//

[Е.А.: Ну вот видишь// Не

[упускай//

[Т.: Но не

получилось//.

[Е.А.: <нрзб>/

[М.: И у меня
два было/ которые не пили/
[нет//
[Е.А.: Ну вот видишь//
М.: Да//
Е.А.: Есть же/ есть же все-таки/
[да//
[М.: Они типа
спортсмены/ говорят «вот спортсмены не пьют»//
Е.А.: Но не в свое время/ немножко-то потребляют/
хоть спортсмены//
Т.: Не/ я вообще не пью/ я...
Е.А.: Вот совсем-то/ совсем-то то уж/ шибко-то// Вот
в праздни... хоть в свой день рождения!
Т.: Вот я вот в свой день рождения не пила/ меня
мама ругает/ «ты хоть за свое здоровье
[выпей»! А я...
[Е.А.: Да/
хоть бы за свое здоровье//
Т.: Мне/ вот не хочу пить//
[Е.А.: Ну вот не хочешь//
[Т.: Вот-вот-вот...
Е.А.: Не для хочу говорят/ а для аппетита// <М. и Т.
смеются. Е.А. серьезная> Да/ вот и... вот ничего не хочешь//
А говорят/ ну выпей хоть там это...
[Т.: Не-не//
[Е.А.: Дак
лучше поешь//
М.: Ну да/ после него есть хочется/ чтоб заесть-то//
<Смеется>
Е.А.: Да-а/ а как? Вот говорят не для хочу/ а для аппе-
титу//
Т.: М-м//
Е.А.: Мы тоже так шибко-то не это/ я/ я вообще это-

го/ не... не любитель этого дела//

М.: М-м//

Е.А.: Вот хоть вышла замуж в Нисогору/ тут эти наши/ смольяна⁴ тоже// У-у-у// Она вышла замуж/ говорит/ ей мужик-то/такой/не любит выпить-то//

Т.: Угу//

Е.А.: Она говорит сопьется/ с ним вместе//

М.: А мужик тоже/ т. е. муж из Низ... Нисогоры/ да?

Е.А.: Да/ вот за которого вышла-то/ сейчас умер-то//

М.: А-а//

Е.А.: Да/ я говорю если...

М.: Давайте я налью//

Е.А.: Опять же пословица есть/ говорят/ *смолоду не зачато*/ если смолоду ты не это/ *дак... под вечер ни для чего*/ <М. усмехнулась> это/ это начинать/ что это сопьешься/ сопьешься говорит/ она сопьется говорит/ за такого вышла за-муж дак//

Т.: А как/ смолоду не зачато?

Е.А.: *Смолоду не зачато/ дак под вечер ни для чего*//

М.: А/ т. е. если не смолоду пить/ то типа алкашом станешь/ ну/ пить

[будешь сильно?

[Е.А.: Да/

если уж/ если ты смолоду выпиваешь/ дак и можно знать что ты/ это/

М.: Меру знать/ да?

Е.А.: Да//

М.: Ага//

Е.А.: Ну опять же всему мера/ должна быть// «*Все надо делать в меру*»/ сказал Неру/ «*а пить сполны⁵... а пить... досыта*»⁶ сказал Никита// <М. и Т. смеются> Опеть сполна говорят/ не увидишь/ну вот/ каждый/ каждую рюмку/ каждую стопку/ *будешь пить до дна/ говорят не видать добра/ напьешься там/*

М.: Ага//

Е.А.: расшумишься/ в головы-то там/ шуры-муры будут/ тебе казаться и видятся/ дак это// Вот и// <Пауза.> «Пей/ пей досыта»/ сказал Никита//

М.: А-а// Досыта это как?

Е.А.: <Продолжает свою реплику, не реагирует на вопрос> А пей/ а пей говорят помаленьку/ дак еще подают//

М.: М-м//

Е.А.: Вот//

М.: А вот пей досыта/ это как/ чтоб не до пьяни что ли?

Е.А.: Дак и/ да/ чтобы не до пьяни/ но чтобы и веселый был/ <М. и Т. усмехнулись> и в настроении был/ чтобы и... ну как//

М.: Чтоб на людей не кидался// <Смеется>

Е.А.: Скандалистом не был/ чтобы

М.: Угу//

Е.А.: это/ чтобы в хорошем духе был/ хорошем настроении// А пить сполна будешь/ добра не увидишь// Напьешься/ нажрешься/ как/ как говорят до поросычьего визга// А там и не помнишь/ что и с тобой и было//.

За 4 минуты Е.А. употребила пять паремий: *Не для хочу, а для аппетита*; *Смолоду не зачато, дак под вечер ни для чего*; «*Все надо делать в меру*», – сказал Неру. «*А пить досыта*», – сказал Никита; *Будешь пить до дна, не видать добра*; *Пей помаленьку, дак еще подают*. Из-за объема статьи я ограничусь семантическим и прагматическим анализом лишь одной из них – *Смолоду не зачато, дак под вечер ни для чего*.

Произнесение этой пословицы обусловлено логикой разговора: рассказывая о себе сначала в 1-м лице, Е.А. вдруг начала говорить о себе в 3-м. После реплики *Мы тоже так шибко-то не это...* последовал рассказ о замужестве в деревне Нисогора, который не имел конкретного, проговоренного самой информанткой субъекта действия: кто же выхо-

дил туда замуж? Только из дополнительных биографических сведений можно понять, что Е.А. говорила о своем неудавшемся замужестве, о своем, не умевшем пить алкоголь и в результате спившемся, муже. Похоже, информантка, сменив речевую инстанцию, стала цитировать чужую речь, вероятно, речь кого-то из своих близких родственников, которые негативно оценивали ее замужнюю жизнь. Следовательно, ее реплика (...*тут эти наши, смольяна тоже, «У-у-у». «Она вышла замуж, – говорит – ей мужик-то, такой, не любит выпить-то»*) нужно понимать следующим образом: мои односельчане из деревни С. негативно отнеслись к моему выходу замуж за мужчину, который не умеет пить.

Эта не очень явно артикулированная история и вызвала к жизни пословицу *Смолоду не зачато, дак под вечер ни для чего*, в которой предикаты «зачато» и «ни для чего» сопровождаются обстоятельствами времени, представленными оппозицией «смолоду – под вечер». Это противопоставление основано на пропорции «*молодость* : зрелость = утро : *вечер*», причем в пословице участвуют крайние ее члены. Актуальными в данном случае становятся дела, приступить к которым нужно вовремя.

К этой пропорции подключается предикат *зачато* со значением начинательных действий. Таким образом, первая часть пословицы содержит следующий смысл: «в молодости не начал». При этом пословица оставляет открытым список действий (*X*), которые можно начать в молодости. Во второй части паремии имеют место быть два эллипсиса: собственно действие и «начинательность». Следовательно, пословица принимает следующий вид: *Смолоду X не зачато, дак под вечер X ни для чего начинать*, то есть «если в молодости что-то не начал делать, в зрелости не надо и начинать».

В данном случае соотношение толкования пословицы с референтной ситуацией (разговором о неудачном замужестве) таково: *смолоду не зачато* – ‘если смолоду/ вовремя

не начал пить, дак под вечер ни для чего – ‘то начинать пить в зрелом возрасте не рекомендуется’. Реплика самой Е.А.: «дак... под вечер ни для чего/ это/ это начинать/ что это сопьешься/ сопьешься говорит/...» Следовательно *ни для чего* толкуется не как ‘ненадобность’, а как ‘нежелательность’ действия, то есть степень директивности увеличилась.

Однако рассказ о замужестве и употребление паремии имеют еще один ситуативный контекст. Как уже было сказано, во время разговора о грибах Е.А. увидела, что одна из студенток не притронулась к стопке, и начала активно призывать ее выпить. Это стремление выражено в речи употреблением эмоционально-экспрессивных частиц, призывающих к действию (*Ну-ка*), и сослагательного наклонения, с помощью которого Е.А. предлагает light-вариант употребления алкоголя (*Вот с чаечком бы и выпила*). Не увидев положительной реакции со стороны упрямствующей собирательницы, Е.А. произнесла угрожающую на первый взгляд фразу *Но тебе замуж не выйти*, под которой, стоит полагать, нужно понимать удачный выход замуж. Далее, при обсуждении женихов, несмотря на то что собирательницы пытались доказывать собеседнице, что непьющие парни есть, информантка в итоге осталась при своем мнении (*Но не в свое время/ немножко-то потребляют/ хоть спортсмены*). На последнюю реплику отреагировала Т. (*Не/ я вообще не пью*), после чего объектом обсуждения снова стала она, а не возможные претенденты на руку и сердце. Следующий аргумент Е.А. про день рождения также не сработал, и она прибегла к употреблению паремии *Не для хочу, а для аппетита*. Таким образом, все личные аргументы не изменили линию поведения Т., после чего Е.А. сослалась на авторитет, подкрепив его вводным словом *говорят*. Затем она от общего мнения перешла на свой личный опыт, резюмируемый паремией *Смолоду не зачато, дак под вечер ни для чего*, после которой разговор шел в отвлеченном регистре: все односоставные

предложения являются обобщенно-личными. Дальнейшее употребление паремий имело характер матрешки, так как для объяснения одной из них Е.А. применяла другую.

Таким образом, речь Е.А. превращается в целом в паремиологическую атаку, где употребленные паремии сначала призывали студентку угоститься, а затем учили ее, как пить. Когда простыми угощениями и побуждениями информантке не удалось уговорить Т., она употребляет первые две паремии с целью убеждения. Затем другие три паремии нанизываются друг на друга, тем самым Е.А. поддерживает назидательный тон в этой теме.

В иллокутивные намерения Е.А. входило переубеждение собеседницы, изменение ее поведения при помощи нарративных и паремийных аргументов. Полагаю, что негативное отношение к протестующему поведению Т. было вызвано собственным негативным опытом информантки: Е.А. вышла замуж за не употребляющего алкоголь человека; ей предсказывали, что она с ним в итоге сопьется, так как он, будучи непьющим *смолоду* и не познавшим *меру*, станет алкоголиком, и ее ждет та же участь. Брак после полуторагодичной совместной жизни распался, так как ее муж спился; сама же Е.А. не пошла по предсказанному ей пути⁷. Поэтому, столкнувшись с упорным нежеланием со стороны студентки пробовать алкоголь, информантка так активно стала призывать ее выпить и учить, правильно пить.

Намек на собственную неудачу в замужестве является центральным в аргументации Е.А., как и изречение *Смолоду не зачато, дак под вечер ни для чего*, которое усиливает значимость и непоколебимость этого аргумента. Другие паремии, призывающие Т. притронуться к стопке, являются дополнительными средствами.

Рассмотренный паремиологический блок показывает, что употребление паремий нацелено на достижение определенного перлокутивного эффекта. Пословичная

атака была направлена на изменение установок и привычек младшей собеседницы, что мотивировалось желанием информантки передать собственный опыт, научить на его примере и закрепить биографический пример в отточенных формулировках паремий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: сайт «Лингвистический энциклопедический словарь». [Электронный ресурс] URL: <http://tapemark.narod.ru/les/238b.html>

² Имена участников коммуникации вымышлены.

³ Условные обозначения, применяемые в данной работе для передачи устной речи на письме:

/ – знак обозначения синтагматической границы при интонационной и смысловой незавершенности высказывания; //, ?, ! – знаки завершения высказывания, произнесенного соответственно с утвердительной, вопросительной или восклицательной интонацией; **o** – знак словесного ударения; ... – знак паузы хезитации, обрыва высказывания или самоперебива; «» – знак «чужого слова»; [– знак одновременного произнесения реплик говорящими. Растяжка гласных и удлинение согласных обозначается следующим образом: не-е-т. Авторские комментарии и ремарки даются в угловых скобках. При нечетком произнесении реплик в угловых скобках предлагается возможный вариант слова или словосочетания; в случае нераспознавания реплики ставится <нрзб>. Данный список с некоторыми корректировками опирается на систему обозначений, используемую в книге (см.: Китайгородская, Розанова 1999).

⁴ «Жители д. Смоленец». См. «Чернотропа молодежь, чернотропа молодежь – / То были Смольяна, то были Смольяна» (Фольклорный Архив СПбГУ, Леш 7–171).

⁵ Сполна, нареч. Фольк. Сильно, в полную меру (см.: СРНГ 2006: 208).

⁶ Досыта, нареч. <...> 4. До состояния сильного алкогольного опьянения. С глаг. со знач. 'выпить спиртное'. 5. <...> (см.: Архангельский областной словарь 2004: 142–144).

⁷ Дважды во время беседы повторились однотипные фразы: «...баба хороша/ смирена/ вина не пьет/ ну/ шибко так не/ но я не/ против этого всего...» и «Мы тоже так шибко-то не это/ я/ я вообще этого/ не любитель этого дела...».

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский областной словарь 1980–... . Архангельский областной словарь. Вып. 1–.... М.: МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барли Н. 1984. Структурный подход к пословице и максиме. – Паремнологические исследования: сборник статей. М.: Наука. С. 127–148.

Жигарина Е.Е. 2006. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов. Дисс... канд. филол. наук. М.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. 1999. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русское слово.

Симони П. 1899. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. – Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. Т.66. № 7. СПб.

СРНГ 1965 – ... . Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 1–... М.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ КОНСТИТУЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII В.

Ирина Герасимова (Волгоград)

Несмотря на утвердившееся во второй половине XX в. в науке представление о превалировании в деловом языке разговорных элементов, современные исследователи отмечают значительное влияние на документные тексты XVIII в. языковых средств церковнославянского происхождения. Изучение функционирования церковнославянизмов представляется эффективным при исследовании проблемы структурно-смысловой организации документов XVIII в., которая может быть решена в результате анализа текстообразующих категорий.

На сегодняшний день рассмотрение реализации текстовых категорий происходило, как правило, на материале современных речевых произведений. Именно в них они достаточно четко выделены и в общих чертах определены. Вместе с тем, несмотря на появление отдельных работ (см. Акимова 2007, Кулько 2002 и др.), раскрытие сущности этих понятий в диахронии еще требует детальной проработки.

Среди исследователей нет единства в определении сущности текстовых категорий и единиц, в подходе к их

классификации. Однако при всем многообразии концепций и подходов к выявлению категорий текста, такие категории, как информативность, интенциональность, когезия и когерентность, выделяются большинством ученых. Именно они и будут в центре нашего исследовательского внимания.

Источником для отбора фактического материала послужили 42 документа канцелярии Михайловского станичного атамана Области войска Донского, хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области (фонд № 332, оп. 1, 5 ед. хр., 1734 – 1746 гг.). Это многочисленные войсковые грамоты по различным делам, направлявшиеся в станицы из канцелярии Области войска Донского; указы и предложения сыскных начальств и комиссара Астраханского тракта о розыске беглых крестьян, солдат; приказы и рапорты Царицынской комендантской канцелярии Новохоперской крепости о препровождении беглых; приговоры станичных сборов; рапорты станичных атаманов; списки казаков и беглых крестьян и др.

Деловые тексты XVIII в. – особый пласт русского литературного языка со специфической системой взаимосвязанных единиц текста на всех уровнях, подчиненных комплексу своеобразных коммуникативных целей. В качестве рабочей мы выдвигаем следующую гипотезу: славянизмы, занимающие значительное место в региональных деловых документах XVIII в., принимают участие в организации текстового пространства, являясь репрезентантами конститутивных текстовых категорий. Отметим, что, по нашему мнению, базовые категории делового текста XVIII в. реализуются на уровне его реквизитов, выбора текстообразующих языковых единиц.

Центральным понятием в характерологии текста является категория информативности, которую можно определить как меру новизны и информационной насыщенности выражаемого текстом содержания. В некоторых документах,

в частности в копиях государственных указов, она может проявляться, по терминологии И.Р. Гальперина, в нулевой форме, «когда содержание текста не дает ничего нового, а лишь повторяет уже известное». (Гальперин 1981: 23).

На наш взгляд, информативность представлена в рассматриваемых деловых документах сосредоточением лексики определенных тематических групп. Очевидно, что церковнославянская и книжная лексика в силу своего отвлеченного характера не является частотной по количеству словоупотреблений в деловых документах. Так, лексема *милосердие*, обозначающая одну из важнейших христианских добродетелей, употребляется в исследуемых текстах 1 раз (*поступать стемѣ будетъ учинено ... бѣзвоякаго милосердія*, ед. хр. 3 л. 1). Лексеммы истинность и справедливость употребляются в нашем материале 4 раза, утрачивая свою морально-этическую коннотацию и выступая как контекстуальные синонимы лексеммы правда: *спроситъ посущѣ' истинности живуцаг[о] вънашей станицы василия швеца котороу объявилъ справедливости[ю]*, ед. хр. 5 л. 5. Незначительная представленность церковнославянских по происхождению лексем не позволяет говорить об их превалирующей роли в выражении информативности.

В построении реквизитного состава документов большая роль принадлежит образованным от корня мил-этикетным прилагательным церковнославянского происхождения: *милости[и]вой резолюціи*, ед. хр. 5 л. 6; *милостивъ гсдръ иванъ андрѣевичъ*, ед. хр. 7 л. 5. Так, зачин Доношения Михайловского станичного атамана: *Христосъ воскресѣ. Благородны ипочтѣнны гсднѣ капитанъ в хоперской крѣпости камендайтѣ анамѣ милостивъ гсдръ иванъ андрѣевичъ* и др. примеры позволяют отметить некоторые особенности. Поскольку комендант крепости надзирал за порядком, имел право вмешиваться во внутреннее управление Войском, присутствовал при выборах Войскового атамана (см.

Агафонов 2001: 45), можно говорить о его высокопоставленном и привилегированном положении, которое, по-видимому, обуславливает тот факт, что в документе сначала указывается адресат, а затем адресант, в отличие от привычной для войсковых грамот последовательности. Используемые при этом формулы речевого этикета отражают особенности общения в соответствующей социальной сфере.

О.А. Горбань и Е.М. Шептухина обращают внимание на то, что подобное выражение адресанта и адресата встречается и в более ранних документах периода Московской Руси (ср., например, указные грамоты царя и челобитные) (см. Горбань, Шептухина 2013: 79).

На наш взгляд, необходимо отметить такую специфическую черту реализации категории информативности, как объективированность изложения. В рассматриваемых текстах документов ее репрезентантом является смысловой компонент 'свидетельствование'. Лексемы с этим значением являются частотными по количеству словоупотреблений (в 42 рассмотренных документах лексемы употребляются 26 раз). Анализ словоупотреблений показывает четкую картину социального устройства казачьей жизни, где свидетельство является гарантом истинности: *иннѣ оприходе иожитиі надону свидетелство имъют отомбы привезлиб собою кнам вчеркаскаои скаски, ех. хр. 3 л. 3 об.; свидетелтъи ниодного непоказалъ, в свидетелствѣ никого он ткачѣ ненашиол, ед. хр. 7 л. 5 об.*

Проявление субъекта речи в деловом тексте XVIII в. – актуальная лингвистическая проблема, частично нашедшая отражение в исследованиях последних десятилетий (см. И.А. Малышева, О.В. Трофимова и др.). Тот факт, что интенциональность делового текста ранее не была предметом изучения, можно объяснить двумя обстоятельствами. С одной стороны, долгое время в лингвистике текста господствовала теория, согласно которой «любой официальный

документ имеет своего непосредственного создателя, однако он, в смысле формы представления, полностью отстранен от своего текста» (Валгина 2003: 56). Вследствие этого многие специалисты в области лингвистики текста сознательно отказывались от рассмотрения нехудожественных текстов. С другой стороны, трудность рассмотрения выражения интенциональности делового текста объясняется его полисубъектностью.

Исследуя тюменскую деловую письменность XVIII в., О.В. Трофимова говорит о полисубъектности делового текста, его «коллективной» сущности: «Пока неразрешимой остается проблема «сотрудничества» реального адресанта документа (как правило, тексты документов не «надиктовывались» адресантом и не писались им собственноручно) и писца, перед которым стояла принципиальная филологическая проблема интерпретации информации, свертывания ее и создания на ее основе текста вторичного (в любом случае: либо по отношению к устной речи, либо по отношению к иницирующему источнику) документа» (Трофимова 2002: 38).

Представляется важным определение социального статуса субъекта текста, от которого, как правило, зависит интенция, направленная на адресата. В казачьем делопроизводстве роль пишущего выполнял войсковой писарь, который избирался из среды грамотных казаков; кроме него никто не имел права писать и посылать бумаг от Войска (см. Агафонов 2001: 78). В исследуемых нами текстах автор и писец – разные люди. Думается, что здесь возможны два типа отношений между ними: текст войсковому писарю диктовался высокопоставленным лицом или создавался на основе его рассказа как вторичный. Если автор не диктует, а просто говорит на заданную тему, то задача писаря как исполнителя воли автора могла состоять в адекватной трансформации (переложении) устной речи говорящего в письменный

текст; таким образом, пишущий является «посредником» между автором (диктующим) и адресатом (см. Косивцова 2010: 259).

В определении проблемы субъекта делового текста нельзя не отметить роль лица, визирующего документ, тем самым берущего на себя ответственность и, следовательно, становящегося соавтором. О наличии в войсковой канцелярии человека, занимающегося проставлением печати и подтверждением подлинности документов, говорит выполненная другим почерком приписка: *У сеи грамоты наша войска Донскаго печать*. Все эти субъекты так или иначе отражаются в тексте, однако точную долю участия каждого из них в создании документа установить практически невозможно. Коллегиальность управления подчеркивается во многих речевых оборотах с использованием словосочетания Войско Донское и местоимений мы, наш: от нас Войска Донскаго, к нам Войску Донскому, мы Войском Донским доложили, нам войсковому атаману и Войску Донскому. Таким образом, можно говорить о полигlossности речи субъекта текста, связанной с усвоением норм речевого поведения, которые обеспечивают исполнение социальных ролей.

На этапе лингвотекстового исследования деловых документов XVIII в. становится очевидным, что автор документа осознанно стремится занимать позицию «самонейтрализации», используя обобщенную направленность оценок, отсылки к вышестоящим органам и документам (Синоду, Сенату, указам государя и др.), содержащим церковнославянские элементы: *по шпредельнню шного синода аповедению правителствующаго сената*, ед. хр. 4 л. 1; *по силе вышепомянутых указов*, ед. хр. 3 л. 1; *того ради воизполнения оного ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТА*, ед. хр. 4 л. 1 об.

Одна из интенций субъекта делового текста XVIII в. – показать уважительное отношение, проявить почтение к государю. Среди языковых средств, использующихся для

обозначения этого социально значимого лица в документах канцелярии Михайловского станичного атамана, выделим клишированные обороты с использованием церковнославянских элементов *ея императорскаго величества, блаженныя вѣчной славы достойныя памяти гдсря императора Петра великого* (ед. хр. 3 л. 1 об.).

Во фрагментах текстов, касающихся деятельности государя, употребляются производные от церковнославянского глагола *благоволити*. В предшествующий период слово *благоволити* было употребительно в церковнославянских памятниках – минеях, прологе, кормчей и др. – и имело значение «быть расположенным, проявлять расположение, хотеть» (Срезневский 1893–1912, 1: 170). При этом глагол *благоволити* мог управлять разными падежными формами: *благоволити* что-л., чему-л., в ком-л., чем-л., на кого-л., о ком-л., чем-л. (там же). Находим употребление лексической единицы в модальном значении в нашем материале: *какъ ваше высокоблагородии вѣоиско донское соблаговолите*, ед. хр. 5 л. 7. Кроме того, лексема *соблаговолить* употребляется в значении «разрешить, дать согласие; изъявить милость»: *милост[и]вой резолюциі, что соблаговолено было бы нам покорнейшим вте места [...] ехать*, ед. хр. 5 л. 6. По данным словарей, в большинстве случаев слова с эти корнем употребительны в книжно-литературных памятниках (Сл. XI–XVII 1975–2007, 1: 22). В нашем материале они имеют важность для реализации коммуникативно-прагматической установки текста, заключающейся, среди прочего, в том, чтобы показать подчиненность государю.

А.П. Майоров отмечает, что «славянизмы стали применяться в деловом письме XVIII в. и со временем восприниматься как стилеобразующая черта канцелярского слога» (Майоров 2006: 71). Отношения между частями связного текста выражаются как грамматическими, так и лексическими средствами. В нашем материале употребляются указатель-

ные местоимения (*сей, оный*), выполняющие дейктическую и определительную функции и сочетающиеся с антропонимами, названиями документов, учреждений, временными лексемами, абстрактными существительными: *онье смешкины*, ед. хр. 1 л. 1 об., *соонными поступать поуказом как выше сего изображено*, ед. хр. 3 л. 1, *онья давать поордерам командующа [...]* (ед. хр. 2 л. 2); *чтоде сего генваря 12г дня* (ед. хр. 1 л. 2). Важная роль отведена некоторым церковнославянским наречиям (*паки, наипаче, ныне*) и союзам (*понеже, поелику, ибо, яко* (в значении «как»), *того ради*), представляющим собой важные средства синтаксической организации делового текста. Например: *подкарауламъ нетокмо ныне нетъ* (ед. хр. 3 л. 5); *объявляемъ понеже вприсланной кнам воиску донскому* (ед. хр. 4 л. 1); *тогоже ради для ведома иизполнения вкаждоі станице[ы] описыват ссеи нашей грамоты* (ед. хр. 1 л. 5) и др.

Реализации двух взаимообусловленных текстовых категорий когезии и когерентности подчинено, на наш взгляд, частое употребление церковнославянских моделей. Среди них выделим предложно-падежные конструкции *по+сущ.* в дат. п., *под+сущ.* в тв. п.

Из книжного языка модель *по+сущ.* в дат. п. была усвоена в значении «в соответствии с чем-либо», «согласно чему-либо». Например: *...доуказу атамана ивана ивановича Фролова* (ед. хр. 1 л. 1); *поуказом ея императорского величества* (ед. хр. 1 л. 3); *икотправлению поуказомъ вслужбе* (ед. хр. 1 л. 3); *учинит повышеписанному* (ед. хр. 1 л. 3 об.); *посиле вышепомянутых указовъ* (ед. хр. 3 л. 1); *понашему войскового атамана рассмотрению* (ед. хр. 1 л. 5); *по определению оного синода* (ед. хр. 4 л. 1); *понашей воисковой грамоте* (ед. хр. 3 л. 3) и др. Как показывает материал, форма *по+сущ.* в дат. п. функционирует в документах различной жанровой принадлежности (указах, промемориях, доношениях).

Предложно-падежная форма *под+сущ.* в тв. п. со значением «положение, состояние, в котором находится кто-ли-

бо» (с оттенком причины) появилась в деловой письменности под влиянием книжного языка (например, *под законом быти, под властию быти*). Модель была широко употребляема в деловых документах XVIII в.: *подкараулом новохоперскои крепости* (ед. хр. 1 л. 1); *небратъ подопасениемъ наш[e-go] императорскаго величества гнева* (ед. хр. 2 л. 2) и др.

В региональных деловых документах церковнославянизмы принимают участие в организации текстового пространства, являясь репрезентантами конститутивных текстовых категорий. Функциональные свойства данных лексем способствуют реализации базовых текстовых категорий – интенциональности, информативности, когезии и когерентности. Анализ функционирования церковнославянизмов в региональных документах дал возможность реконструировать как внутриязыковые отношения этих лексем, так и особенности целеустановки делового текста XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Агафонов А.И. 2001. История донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучения). Ростов-на-Дону.

Акимова Э.Н. 2007. Категория обусловленности и ее реализация в языке памятников письменности русского Средневековья (XI–XVII в.). Нижний Новгород.

Валгина Н.С. 2003. Теория текста. М.: Логос.

Гальперин И.Р. 1981. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука.

Горбань О.А., Шептухина Е.М. 2013. Региональные документы XVIII в.: аспекты лингвистического описания. – Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. № 3 (19). С. 76–84.

Колесов В.В. 1986. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.

Кулько О.И. 2002. Интенциональность как категория летописного текста (на материале Галицко-Волынской летописи). Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Косивцова А.В. 2010. Лингвопрагматический анализ языковой личности заводчика Н.А. Демидова (на материале частно-деловых писем XVIII в.). – Вестник Тюменского гос. ун-та. Серия 1, Филология. №1. С.258–264.

Майоров А.П. 2006. Очерки региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник.

СлРЯ XI–XVII. 1975–2007. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука.

Срезневский И.И. 1893–1912. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х тт. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук.

Трофимова О.В. 2002. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): Автореф. дисс. д. ф. н. СПб.

THE USE OF SEMANTIC STRUCTURE FOR MEDIA TEXTS DIFFERENTIATION

Pavel Glazko (Minsk)

Anthropological vector of modern humanitarian studies predetermines the shift of focus towards the clarification of role and meaning of different life phenomena for people. In modern linguistics the studies of how the language functions in mass media are given top priority, which is proved by the advent of media linguistics as an independent branch of linguistic science. The language of mass media has become high profile due to a number of reasons: the integration of information and communication technologies (also known as technological convergence), the increase of information sharing, a more important role of dialogization as a basic feature of modern printed media, a substantial change in mass media genre system alongside a greater level of subjectivity (Elliot 2000: 28–39; Чичерина 2007: 159). In the context of their growing social importance mass media are said to be the classical literature of the 21st century (Аннекова 2008: 101).

Text typology is one of the most topical linguistic directions for modern researchers. Regular appearance of books and articles dedicated to this issue testifies to it. The complexity of text typology is bespoken by the absence of universal criteria for text classification as well as straightforward understanding of what can be considered a component of this classification.

According to modern media linguists, the given situation is caused by the ongoing transformation of how *text* and *textuality* should be construed (Чернявская 2013: 42–43).

In particular, in recent publications it has been repeatedly pointed out that the main problem of modern text typology is contamination of text prototypes, i.e. the evolution of traditional system of journalistic genres characterized by obsolescence of some genres, the appearance of others and free combinations of several text models (Казак 2010: 352). In this connection, according to a number of researchers, text typology should focus not on the creation of a single self-consistent classification, but on different descriptions of the heterogeneous formations in question (Чернявская 2013: 74).

In this respect publicistic texts attract special attention since currently society is heavily influenced by information flow created by mass media which are deemed to be the most powerful factor of mindset formation. In this context our culture is losing its status of being literature driven and is demonstrating all attributes of mass media driven culture (Аннекова 2011: 6). At the same time under the influence of personification and hybridization as two leading tendencies media text have undergone such drastic changes that it is a real challenge for a researcher to identify the type or genre of this or that text. The structure of media texts is getting more and more loose, and the role of the author is turning into interpretative rather than informative. All these elucidate why journalists call 21st century the *Epoch of Essay* (Успенская 2007: 242).

As a genre essay originates from Michel de Montaigne's *Les Essais* (1580) and is later developed in *Essays* of Francis Bacon (1596) and the works of T. Smollett, H. Fielding, R. W. Emerson, R. Rolland, R. Vailland etc. Today essay is understood as a text on a certain hot social issue having no clear cut structure and reflecting highly subjective view of this issue by the author. The problem is that almost every publicistic text in contemporary printed media

possesses these properties. At the same time even the texts which are published under the heading of essay in newspapers and magazines can in fact belong to all other publicistic genres but not essay. The abovementioned tendencies and conditions of modern mass media development have made the problem of media text differentiation one of the most topical issues of media linguistics. The change in principles and approaches to genre stratification of media discourse on the whole can be considered the consequence of the publicistic texts boundaries blur and their diffusion. It can be easily observed while looking at the examples of traditional and contemporary classifications of publicistic texts.

In the traditional classification put forward by I. Galperin publicistic texts fall into the following three genres: essay, oratory and journalistic article (Гальперин 1977). L. Maydanova distinguishes three big groups of texts – informative, analytical and feature (Майданова 1987). Each of them comprises four genres. Thus, all in all L. Maydanova singles out twelve different publicistic genres. The contemporary classification introduced by L. Kroychik looks more elaborate and contains five groups of texts: informative, informative fact-finding, informative-investigative, investigative, investigative-figurative (Кройчик 2000). Comprising from one to five genres in each category of texts this classification differentiates between thirteen different genres. Finally, it is worth mentioning the classification worked out by L. Duskaeva in which the researcher discerns informative, evaluative and imperative categories of publicistic texts each of which falls into a number of sub-categories represented by the particular set of genres. According to L. Duskaeva, there are twenty one genres constituting the publicistic style of modern press (Дускаева 2012).

Having analyzed the given classifications, we can conclude that they are based on the parameters of composition, stylistic devices and pragmatics none of which can be a reliable criterion since they don't reflect the idiosyncrasy of various text

types: the introduction, the main body and the conclusion can be found in the structure of any text, the choice of stylistic devices can be the question of author's aesthetic taste whereas pragmatic characteristics may differ depending on interpretations and perception of every researcher. These parameters also show little efficiency when applied to publicistic texts in general and the essay in particular due to their loose structure, highly subjective coloring, and shared communicative goals.

In our research we endeavor to differentiate media genres on the basis of their superstructure which is defined by T. van Dijk as a set of semantic components constituting this or that genre (Dijk 1991: 108–120). The semantic components do not directly correlate with composition components and are identified in texts with the help of linguistic means which are also called discursive markers.

The results of content-related analysis of essays on social, political and economic issues taken from American quality press prove that publicistic essays have constant as well as facultative structure components. The superstructure of essay is summarized in the following scheme:

Scheme 1 – Superstructure of the Publicistic Essay

Essay					
Narrative component			Argumentative component		
background	event	problem	thesis	argument	illustration
problem statement		author's commentary			conclusion

Out of these structural components *event*, *problem statement*, *author's commentary* and *illustration* are constant whereas the others are facultative. Event is the semantic component which coincides with the fragment of the text which provides the reader with the information about a certain social event or an event from the author's life experience that gave them a nudge to write a text. This component of narrative substructure

is marked by nouns having the same 'event', e.g. *event, reform, scandal, happening, occurrence, accident*. Alongside such nouns the component in question can also be marked by adjectives, adverbs and other lexical means (*current, new, recently, lately, during last week etc.*) which characterize the event as recent and testify to the idea of topicality being the inherent feature of publicistic essays. For example in the essay «Leave the Driving to the Car, and Reap Benefits in Safety and Mobility» by Sebastian Thrun (Thrun 2011) the *event* is verbalized with the help of the noun *traffic accident*: Roughly a year ago, my lab manager succumbed to a *traffic accident*. A distracted driver hit her Prius at more than 50 miles an hour from the side while she was driving cautiously through an intersection.

Problem statement performs the function of introduction of a certain issue to the reader and is basically a concise description of a particular situation which prepares the reader for the perusal and facilitates the text comprehension. To help the reader attune to the narrative line the author resorts to the use of an interrogative sentence or a series of interrogative sentences as it is done in the above mentioned essay by S. Thrun: But in real life, they [cars] still don't exist. *So what if they were real? What if you could buy one today?*

In the *author's commentary* the writer formulates their standpoint of the problem developed in the essay. *Author's commentary* is characterized by being highly subjective which contributes to the effect of a direct contact between the addresser and the addressee. The discursive markers of this component are linguistic means of various semantic groups. The main group of such markers are formed by finite forms of verbs of volition, uncertainty, certainty, doubt, intention, judgment (*want, will, doubt, scruple, intend, condemn etc.*) as well as other lexical means of conveying the same meaning (*be sure, have doubts, be uncertain, maybe, presumably, undoubtedly etc.*) combined with the first person singular form pronoun (I). Let us illustrate

it with an example: *I have been spending* the better part of my professional life trying to create self-driving cars. *I estimate* that the average car is immobile 96 percent of its lifetime.

Illustration is a very important constituent of the argumentative substructure which clarifies or specifies the ideas put forward in the form of a *thesis* or an *argument*. Being descriptive by its character *illustration* makes some ideas easier to comprehend and therefore contributes to a more effective realization of the function of impact on the reader. The discursive markers of this component are descriptive adjectives, comparative constructions with formal markers *like/ likewise/ as if*, expressions *for example/ for instance/ e. g.*, introductory constructions *I mean/ it means*, enumerations, chain repetitions, parallel syntactic constructions: Our self-driving cars will transform mobility. *By this I mean* they will affect all aspects of moving people and things around and result in a fundamentally improved infrastructure.

Thus all the semantic components described above can be viewed the prototype constituents of the essay as a media genre. These constituents and a complete list of their discursive markers are summarized in the following table:

Table 1 – Prototype components of publicistic essays and their discursive markers

Semantic components	Discursive markers
Event	nouns and verbs with the seme 'event'
	nouns referring to a prior publication on the same topic
Problem statement	nouns with the seme 'problem': <i>problem, issue, question, situation</i>
	an interrogative sentence or a series of interrogative sentences
Author's commentary	finite forms of verbs of volition, uncertainty, certainty, doubt, intention, judgment combined with the first person singular form pronoun I

	other lexical means of conveying the meanings of volition, uncertainty, certainty, doubt, intention, judgment combined with the first person singular form pronoun I
Illustration	descriptive adjectives
	comparative constructions with formal markers <i>like/ likewise/ as if/ as though</i>
	expressions <i>for example / for instance / e. g.</i>
	introductory constructions <i>I mean/ it means</i>
	enumerations
	chain repetitions
	parallel syntactic constructions

To corroborate our hypothesis concerning the semantic structure of text as a differential criterion let's consider the semantic structure of the feature article worked out by T. Karpilovich and compare it with that of the essay. The choice of the feature article for our comparative study is determined by the fact that these genres show virtually no distinctions from the point of view of structure, stylistics and pragmatics: they both belong to the same group of publicistic texts; in both we can find the introduction, the main body and the conclusion; both of them aim to have a strong impact on the reader by affecting the emotional and logical sphere of the reader. However the genres in question demonstrate conspicuous differences when it comes to their semantic structure, or superstructure.

T. Karpilovich points out that the superstructure of the feature article encompasses the following components: *problem description, the reasons for problem occurrence, the influence the problem has on the society, the ways of problem solving* (Карпилович 2012: 10). Apparently this set of semantic components differs significantly from that of the essay. *Author's commentary* makes essays more subjective and emotionally colored in comparison

with feature articles. Unlike essays, feature articles are more structured and have clearly formulated conclusions and ways of solving problems.

Therefore it can be inferred that the semantic structure cued with the help of particular linguistic means of different language levels (or discursive markers) is the most reliable criterion of publicistic text differentiation in the context of contemporary tendencies of printed media development.

REFERENCES

Анненкова И.В. 2008. Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры (попытка риторического осмысления). – Язык современной публицистики: сб. статей; сост. Г.Я. Солганик. М.: Флинта: Наука. С. 99–114.

Анненкова И.В. 2011. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова.

Гальперин И.Р. 2007. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа.

Дускаева Л.Р. 2012. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Под ред. М.Н. Кожинной. СПб: Изд-во СПбГУ.

Казак М.Ю. 2010. Интертекстуальные модели медиатекстов. – Журналистика и медиаобразование-2010: Сб. тр. IV Международ. науч.-практ. конф. (Белгород, 22–24 сент. 2010 г.) / Под ред. проф. А.П. Короченского, проф. М.Ю. Казак. Белгород: Изд-во БелГУ. С. 347–354.

Кайда Л.Г. 2008. Эссе: стилистический портрет. М.: Флинта: Наука.

Карпилович Т.П. 2012. Семантико-прагматическая структура медиатекста и возможности ее формализации. – Кон-

трастивные исследования: текст, предложение, слово. Вып. 1 / Ред. Т.П. Карпилович. Минск. С. 7–14.

Кройчик Л.Е. 2000. Система журналистских жанров. – Основы творческой деятельности журналиста / Под ред. С.Г. Корконосенко. СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП. С. 125–168.

Майданова Л.М. 1987. Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та.

Успенская С.С. 2007. Колумнистика: проблемы жанровой идентификации. – Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. № 1. С. 240– 244.

Чернявская В.Е. 2013. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта: Наука.

Чичерина Н.В. 2007. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности. – Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Т. 9. № 47. С. 159– 166.

Dijk, T.A. van. 1991. The Interdisciplinary Study of News as Discourse. – Handbook of Qualitative Methods in Mass Media Communication in Research / K. Bruhn-Jensen, N. Jankovsky (eds.). – London. P. 108– 120.

Elliott, D. 2000. Essential Shared Values and 21st Century Journalism. – The Handbook of Mass Media Ethics / Ed. by L. Wilkins [et al.]. – New York: Routledge. P. 28– 39.

Thrun, S. 2011. Leave the Driving to the Car, and Reap Benefits in Safety and Mobility/ S. Thrun// The New York Times [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nytimes.com/2011/12/06/science/sebastian-thrun-self-driving-cars-cansave-lives-and-parking-spaces.html?_r=1.

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Вера Данилова (С.-Петербург)

Ситуация глобализации, а также расширения международных и межкультурных отношений не может не влиять на общественное и языковое сознание, в том числе и россиян. Целью данного исследования было выявить устойчивые и изменчивые представления и убеждения современного русского человека о представителях других этнических групп. Ежи Бартминьский, глава польской школы этнолингвистики, трактует стереотип как «представление о предмете, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и тому подобное; в то же время это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» (Бартминьский 2005: 68).

Данное исследование основано на базе двух ассоциативных экспериментов (эксперимент «Русского ассоциативного словаря» (конец 1980-х – 1990-е) и проведенный нами эксперимент 2013 г.) и охватывает довольно большой отрезок времени (более двадцати лет), что позволяет проследить ряд изменений в восприятии русского человека, изучить представления о других этнических группах – в том виде, в

каком они представлены через призму этнических стереотипов.

«Русский ассоциативный словарь» «дает картину сочетаемости слов в живой речи носителей русского языка, в нем можно найти наиболее типичные и самые частотные словосочетания, грамматические конструкции, все типы словоизменения и словообразования, а также элементы наивной языковой картины мира русских и черты их национального характера. Словарь позволяет проникнуть в социальную память и сознание носителей языка и получить ответ на вопрос: “Как мыслят русские в современной России?”» (Справочно-информационный портал Грамота.ру). Благодаря тому, что этот словарь предоставляет «элементы наивной языковой картины мира русских и черты их национального характера», он используется в данном исследовании для выявления этнических стереотипов, которые присутствуют в сознании русского человека. Ю.Н. Караулов в послесловии к «Русскому ассоциативному словарю» пишет: «Строго говоря, национальную окраску – более или менее выраженную – имеют все элементы знаний, из которых складывается мозаичная картина мира носителя языка <...>. «Национальное» дает о себе знать и в эмоциональных оценках фактов и явлений действительности <...>. Но это все «национализм» обусловленный непохожестью данного языка на все прочие» (Караулов: 762).

В рамках данного исследования под этническим стереотипом понимается вербализованное, эмоционально окрашенное устойчивое убеждение, приписывающее представителям той или иной этнической группы определенные свойства на основе каких-либо фактов или предубеждений. Методом сплошной выборки из «Русского ассоциативного словаря» были вычленены 180 биномов, которые выражают стереотипизированное представление о той или иной этнической группе. Данные этнические стереотипы были

структурированы по тематическому признаку. Примеры, полученные из «Русского ассоциативного словаря», характеризуют различные явления, «атрибутирующие» те или иные этносы: продукты, блюда, характеристика внутренних качеств и внешности носителя этноса и другое.

А также был проведен ассоциативный эксперимент среди студентов первого курса (55 участников в возрасте от 18 до 20 лет). В списке было 128 слов-стимулов, 35 из которых представляли особую важность, так как могли спровоцировать реакцию, отражающую этнический стереотип. Ассоциативный эксперимент, на основе которого составлялся «Русский ассоциативный словарь», проводился в период с 1986 по 1997 гг., то есть более двадцати лет назад. За это время в России произошло много событий и многое изменилось, следовательно, и в языковом сознании русского человека произошли изменения.

Таблица «Этнические стереотипы в РАС и ассоциативном эксперименте 2013 г.»

Разделы	РАС	Ассоциативный эксперимент 2013 г.
Еда и напитки	Борщ: украинский 12 Чай: индийский 65, грузинский 37 английский, Индия 2, Грузия 1 грузинский: чай 29, коньяк 9 Сыр: голландский 88, российский 24, швейцарский 5, адыгейский 3 Пицца: Италия 4 Турецкий: чай 8, кофе 4	Армянин: коньяк 1 Борщ: Украина 2, украинский 2, Россия 1 Чай: Китай 2, китайцы, грузинский 1 Вино: Грузия, французское 1 Грузин: хачапури 2 (?), Пицца: Италия 10 Турецкий: кофе 2, коньяк, чай 1
		Сыр: голландский, Голландия, Франция 1 Шаверма: таджики 1

		Водка: русская 2, русский 2, Россия, балалайка 1 Коньяк: армянский 4, армяняк, Кавказ 1
Внешность	Грузин: черный 10, чурка 9, хачик, армянин 4 Грузинский: нос 5, чурка 2 Греческий: нос 9, профиль 8 Профиль: греческий 7, римский 3 Жирный: американец 1 Татарин: чурка 3 Чурка: чукча 5, черный 4, грузин 3, армянин 2, лицо кавказской национальности, нерусский, черномазый 2, узбек, узкоглазый, хачик 1 Цыганка: черная 3, карты, с картами, мымра, красивая 1	Армянин: нос 4, хач 2, грузин 2, таджик, большой нос, усы, чукча, мокасины, грузин 1 Грузин: нос 3, хач 3, хачапури 2 (?), усы пышные, носатый, большой нос, смуглый, армянин 1 Еврей: шляпа 1 Жирный: – Иностранец: стильный, очки 1 Профиль: греческий 3 Туркмен: чурка 2, таджик, хач, борода 1 Таджик: хач 5, узбек 2, киргиз, черный, усы, нерусский 1 Цыганка: юбка 3, платок, браслеты, браслет 1 Хачик: чурка 5, нерусский 4, черный 2, грузин, кавказцы, хач, хач!!! Мокасины 1 Чурка: хач 8, нерусский 5, черный 2, хачи, Кавказ, кто-то с юга, странный, загорелый, таджик 1
Предметы, производимые и встречающиеся в стране	Джинсы: Америка 2, американский 1 Духи: французские 15, Франция 5 Шанель 5	Джинсы: Америка, Турция 1 Духи: Французские 3, Франция, Шанель №5,

	<p>Зонтик: японский 50 Халат: китайский 2, узбека 1 Турецкий: ковер 9</p>	<p>Chanel 3, Ив Роше, Yves San Lorain 1 Зонтик: – Халат: турок, араб 1 Турецкий: ковер 3, орна- мент 1 Туркмен: ковры 1 Четки: хач, узбек 1</p>
<p>Характеристи- ка людей</p>	<p>Грузин: рынок 3 Жид: еврей 39, жадный 6, жлоб 2, жадина, жад- ность 1 Жлоб: еврей 1 Жмот: еврей 4 Еврей: хитрый 5, умный 4, жид 1 Жадный: еврей 1 Чурка: чукча 5, черный 4, грузин 3, армянин 2, лицо кавказской наци- ональности, нерусский, черномазый 2, узбек, уздоглазый, хачик 1 Цыганка: воровка, стерва, хулиганка, обман, обманщица 1</p>	<p>Америка: свобода 2, меч- та 2, Пендосы, агрессия, страна возможностей, жирная, гамбургер, бургер, Макдональдс, обман 1 Армянин: арбуз 2, хач 2, коньяк, строитель, киоск, магазин, магазины, при- езжий 1 Базар: Цыгане 3, Татар- стан, Турция 1 Грузин: шашлык 4, вино 3, хач 3, хачапури 2, рынок 2, арбуз 2, ман- дарины, дыни, помидор, фрукты, киоск, злой, громкий 1 Жадный: еврей 4, жид 1 Еврей: жид 5, жадный 4, хитрый 3, холокост, хитрость, хитрюга, скуп, скупой, жулик, умный, деньги 1 Русский: идиот, хач, водка, медведь 1 Рынок: хачи 1 Чурка: хач 8, нерусский 5,</p>

		<p>черный 2, приезжий 2, хачи, рабочий, Кавказ, большинство, базар, гастробайтер, безработный иностранец, кто-то с юга, Москва, странный, загорелый, национальность, таджик 1</p> <p>Рынок: хачи 2, цыгане, турки, чурка, таджики 1</p> <p>Таджик: хач 5, рабочий 2, гастарбайтер 2, трудяга, черный, в маршрутке, дворник, рынок, арбузы, приезжий, приехавший, приехал, много, лопата, узбек, опасность, нерусский 1</p> <p>Туркмен: чурка 2, хач, рабочий, арбуз, базар 1</p> <p>Цыганка: гадалка 10, гадание 6, обман 4, золото 2, обманщица, вор, воровка, рынок, базар, боюсь, опасность, деньги, рука, карты, ворчунья 1</p> <p>Хачик: чурка 5, нерусский 4, приезжий 3, черный 2, грузин, кавказцы, хач, хач!!! мерзость, Москва, урод, барыга, всюду, рабочий, гастарбайтер, стройка, странно разговаривает, национальность, грязь 1</p>
Действия	Гадать: цыганка 5	Гадать: цыганка 4

	Цыганка: гадалка 15, гадать 6, нагадала, гадала, гадает, гадание 1	Цыганка: гадать 3, гадают 2, украла серьги 1
--	--	--

Все этнические стереотипы, встречающиеся в словаре, можно сгруппировать по пяти разделам.

Первый раздел («Еда и напитки») состоит из двенадцати наименований продуктов и блюд, которые относятся к культуре той или иной страны. Эти наименования хорошо известны русскому народу, и эти знания необходимы для установления контакта с представителем другой национальности. Ута Квастхофф называет это фатической (контактоустанавливающей) функцией, говоря о том, что в некоторых случаях человек может использовать стереотип для того, чтобы начать разговор и наладить диалог с собеседником.

В первом разделе современного эксперимента отразились определенного рода изменения, произошедшие за последние 20–30 лет. Во-первых, ассоциации на слова-стимулы, которые были как в опросе 1986 г., так и в опросе 2013 г., поменялись. Это отчетливо видно на примере стимула *чай*. Как известно, чай появился в Китае, однако ассоциации первого опроса были связаны с другими этносами – в основном *индийский* и *грузинский*. Однако уже во втором опросе больше фигурировала родина чая, хотя один человек до сих пор помнит о таком явлении, как *грузинский чай*, факт сугубо советского (но не постсоветского!) быта: он был весьма популярен и широко известен в СССР. *Борщ* все также ассоциируется в первую очередь с Украиной, однако прибавилась реакция *Россия*. Слово *сыр* так же, как и почти 30 лет назад, ассоциируется с Голландией, однако появилась и новая реакция – *французский*, более того, возникают и конкретизирующие реакции – названия французских сыров *Каманбер* и *Бри* (понятно, что в связи с общей социальной и экономиче-

ской обстановкой подобные номинации не были возможны в России конца 1980-х).

Интересно, что в ассоциативном опросе 1986–1997 гг. участвовало во много раз больше студентов, чем в нашем эксперименте, однако на слово-стимул *пицца* в современном опросе *Италия* встречается на 6 реакций больше, чем в предыдущем. Слово *коньяк* также дало 6 реакций *армянский*, следовательно, можно говорить о том, что в сознании русского человека этот продукт достаточно стабильно соотносится с Арменией. Слово *водка* неизменно вызывает реакцию *русская*, однако один из анкетированных «продолжил» неизвестный ряд этнических стереотипов, прореагировав *балалайкой*. Таким образом, ассоциативный эксперимент 2013 г. продемонстрировал, что ряд слов за истекший период изменил структуру своего ассоциативного поля, однако существуют слова, реакции на которые остались без изменений, – следовательно, этнические стереотипы, с ними связанные, живучи и консервативны.

Второй раздел («Предметы, производимые в той или иной стране») содержит стереотипы, которые закрепились в сознании людей в связи с деятельностью представителей той или иной национальности. Так, Париж считается столицей моды, поэтому на слово-стимул *мода* возникает реакция *Франция*. Та же ассоциация возникает к словам *духи*, *парфюм*. Стоит отметить такую частую реакцию на слово-стимул *духи* (как в РАС, так и в опросе 2013 г.), как «*Шанель*».

Таким образом, первый и второй разделы основаны на реальных фактах культуры и жизни представителей других этносов, а словосочетания этих разделов отражают этнические стереотипы, так как представляют собой устойчивые утверждения, эксплицирующие представления о других этносах. Однако этот раздел также претерпел трансформации.

Слово-стимул *зонтик* в современном опросе не дало ни одного этнического стереотипа, в то время как в опросе

1986–1997 гг. зафиксировано 50 реакций *японский*. Возможно, такие изменения связаны с климатом Санкт-Петербурга, жителям которого без зонтика не обойтись, в то время как страна-производитель для них не столь важна.

Ассоциации со словом *халат* также значительно поменялись. Реакции современного опроса не были связаны с национальной одеждой китайцев – были даны реакции *турок* и *араб*. *Ковер* без изменений относят к турецким традициям, а *джинсы* теперь ассоциируются не только с Америкой, но и с Турцией. Все также настоящие духи должны быть французскими, однако появились другие марки, помимо *Шанель*, – *Ив Роше* и *Yves San Lorain*.

Слово-стимул *четки* изначально не имело важности для данного опроса, так как ожидалось, что оно выдаст религиозный стереотип *мусульмане*, однако были получены 2 реакции *хач* и *узбек*, которые связаны с этническими стереотипами. Эти словосочетания доказывают, что этнические стереотипы могут быть связаны не только с конкретными национальностями, но и с религией.

Третий и четвертый разделы («Внешность» и «Характеристика людей») также содержат стереотипы: некоторые словосочетания не просто характеризуют людей других национальностей на основе тех или иных фактов, но и эксплицируют эмоционально окрашенные характеристики на основе предубеждений. В данном разделе ярко проявилась защитная функция, которую выделил А. Шафф. Она заключается в том, что сознание человека отталкивает нежелательную для него информацию. Эта функция актуализируется тогда, когда человек сталкивается с тем, что разные точки зрения в области той или иной проблемы вступают в конфликт с реальной действительностью, поэтому в человеческом сознании формируется некая картина мира, которая позволяет сглаживать такие конфликты. Это не означает, что обязательно формируется положительное представление о человеке той или иной

национальности. Стоит особо отметить, что характеристики, выражающие нетерпимость к людям других национальностей, относятся, прежде всего, к тем этническим группам, представители которых приезжают в Россию для работы (слова-стимулы: *грузин, чурка*). Кроме того, в анкетах 2013 г., в сравнении с данными РАС, количество реакций-характеристик с отрицательной коннотацией увеличилось. Представления о национальностях, которые проживают на территории России, а именно о евреях и цыганах, достаточно стабильны и устойчивы, как будто передаются из поколения в поколение: *еврей – хитрый и жадный, цыганка – нечестная, воровка и обманщица*. Существительное *жид*, которое современными толковыми словарями определяется как презрительное название еврея, часто ассоциируется со словом *жадный*, возможно из-за созвучия: так, на слово-стимул *жид* даны реакции: *жадный, жадина, жадность*. Такая устойчивость данных стереотипов может быть объяснена прагматической функцией, которая связана с референциальной функцией, так как прагматическая функция «позволяет использовать стереотипы в качестве своего рода аргументов при воздействии на собеседника» (Ефремов 2009: 92).

Словосочетания, которые встречаются в третьем и четвертом разделах, представляют собой этнические стереотипы, правдивость которых проверить не так просто, как у стереотипов первых двух разделов. Большинство стереотипов несут в себе ярко выраженную негативную коннотацию и относятся к лексике «языка вражды»: так, на слова-стимулы *Япония, японский* было дано четыре реакции *узкоглазый*.

Раздел «Внешность», как и «Характеристика людей», в ассоциативном эксперименте 2013 г. имеют больше слов-стимулов, так как они были специально добавлены для выявления этнических стереотипов. Слова-стимулы, которые есть в обоих экспериментах: *грузин, жирный, профиль, цыганка, чурка*. *Грузин* неизменно отличается своим носом,

но в современном опросе также упоминаются и его пышные усы и смуглая кожа; однако негативная коннотация до сих пор присутствует в таких реакциях, как *хач*. На слово-стимул *грузин* есть одна реакция *армянин*, и есть обратная связь на слово-стимул *армянин* – две реакции *грузин*. Этот факт остается неизменным: очевидно, русский человек не всегда различает представителей этих двух национальностей. Более того, армянин также характеризуется большим носом и усами и также имеет ассоциацию *хач*. Однако одна деталь, а именно *мокасины*, отличают армянина.

На слово-стимул *профиль* все также отвечают *греческий*, однако реакция *римский* в современном опросе уже отсутствует, что, по-видимому, связано с редукцией общекультурных знаний и представлений, о чем сейчас много пишут в научной литературе в связи с проблемой культурной грамотности.

Цыганка, в отличие от прошлого опроса, в современном эксперименте охарактеризована более детально в плане одежды (*юбка, платок и браслеты*), в то время как раньше уделялось больше внимания ее внешним данным (*красивая, черная, но мырра*). Стоит отметить, что *еврей* и *иностранец* также отличаются одеждой и аксессуарами: *еврей* – *шляпа, иностранец* – *стильный, очки*.

Как уже было сказано, в наш ассоциативный эксперимент был включен ряд слов, которые могли вызвать нужную реакцию, связанную с этническим стереотипом, а именно – этнонимы. Выяснилось, что *таджик* отличается *усами, туркмен* – *бородой*. *Таджик* в русском сознании соотносится с *узбеком* и *киргизом*, а *туркмен* – с *таджиком*. Результаты опроса показали, что большинство реакций имеет отрицательную коннотацию. На слова-стимулы *хачик* и *чурка* даны реакции *черный, кавказец, нерусский*, интересно, что на первый стимул один участник эксперимента написал *грузин*, на второй – *таджик*, по-видимому, различая эти негативные

высказывания по отношению к представителям этих двух национальностей. Таким образом, можно говорить о том, что, во-первых, современный русскоязычный человек пытается различать прежде всего по одежде представителей того или иного народа; во-вторых, характеристики национальностей, представители которых проживают в нашей стране, по-прежнему сопровождаются отрицательной коннотацией.

Раздел «Характеристика людей» в современном опросе также получился неравномерным, поэтому сначала стоит обратить внимание на стереотипы, обнаруживаемые в обоих экспериментах. Во-первых, на стимул *еврей* реагируют теми же самыми *жадным, хитрым, умным* и добавляется *скупость, нечестность* и *богатство*. *Цыганка* так же, как и раньше, ассоциируется с *обманом* и *воровством*, однако у нее есть *деньги*. Интересно, что на этот стимул встречаются ассоциации *рынок* и *базар*, а на слово *базар* – *цыгане*.

Однако не только цыгане встречаются на рынке. Как и в РАС, в 2013 г. слово-стимул *грузин* вызывает реакцию *рынок*, а также предметы торговли: *арбуз, мандарины, дыни, помидор, фрукты*. *Вино* и *шашлык* появляются в качестве обязательного атрибута традиционных представлений о грузинском застолье. На слово *грузин*, как и *армянин*, появляется ассоциация *киоск*. Очевидно, что за 30 лет значительно увеличилось количество топосов, с которыми в русском языковом сознании ассоциируются грузины.

На слово-стимул *армянин* не было реакции *рынок*, но *арбузы* все-таки присутствуют, также это словом вызывает ассоциацию *магазин*.

Очень широко анкетированные охарактеризовали виды деятельности представителей разных народов. Так, *таджики*, как и предыдущие этнонимы и *туркмены*, связаны с рынком и арбузами, кроме того, они водят *маршрутки* и работают *дворниками*. Таджикив характеризуют как трудолюбивых (*тудяга*), и даже встречается ассоциация с ин-

струментом его работы – *лопатой*. Слова-стимулы *таджик* и *туркмен* дают общую реакцию *рабочий*.

Личностные характеристики в описании человека появляются только у слова-стимула *грузин* – *злой* и *громкий*.

Итак, данный раздел претерпел некоторые изменения, значительно увеличился, в особенности по отношению к национальностям, которые в «Русском ассоциативном словаре» вошли в реакции к слову-стимулу *чурка*. По-видимому, отношение русского человека к представителям других национальностей стало менее терпимым. Это доказывает тот факт, что к *армянину*, *грузину*, *таджику*, *туркмену* даны реакции *хач*, к последнему еще и *чурка*. Ко всем этим национальностям дана реакция *рынок*, а на слово-стимул *рынок* – *хачи*, *турки*, *чурка*, *таджики*. Более того, появилось словосочетание *русский хач*. Справедливости ради надо отметить, что и на слово-стимул *русский* один из респондентов дал не очень лестную реакцию *идиот*. Так же, как и в ситуации со словом-стимулом *водка*, на слово *русский* опрашиваемые продолжили стереотипный ряд *водка* и *медведь*.

Раздел «Действия» представляет собой небольшой список ассоциаций. (1) На слово-стимул *цыганка* даны реакции с глаголом *гадать* в разных грамматических формах. (2) Второе действие, зафиксированное в словаре, – это *пить*. Данная реакция на слово-стимул *по-русски* была дана четырем опрашиваемыми. Этнический стереотип о том, что русские много пьют, существует в сознании многих народов. Одновременно в опросе 2013 г. на слово-стимул *Россия* дана реакция *водка* (правда, единичная).

В современном эксперименте ассоциации не изменились: только на слово-стимул *цыганка* опрашиваемые дают глагольную реакцию. Однако в современном опросе помимо *гадала*, *гадает* и *нагадала* появилась одна реакция *украли серьги* (это может быть связано с личным опытом участника эксперимента).

В завершении стоит отметить, что большинство этнических стереотипов претерпело изменения, которые обусловлены изменениями строя жизни и российского общества в целом: изменения в политических установках, увеличение количества эмигрантов, новые поставщики разнообразных товаров и многое другое. Кроме того, за прошедшие 30 лет появилось больше источников информации, прежде всего – интернет.

Самая сильная тенденция, выявляемая по результатам опроса, – это ухудшение отношения к другим национальностям, представители которых проживают в нашей стране. Ассоциативный эксперимент 2013 г. позволил не только проанализировать изменения в сознании русского человека, появившиеся за почти 30 лет, но и доказал, что «Русский ассоциативный словарь» необходимо дополнить новыми томами с современными стимулами и реакциями, чтобы ответить на тот же вопрос: «Как мыслят русские в современной России?»

ЛИТЕРАТУРА

Бартминьский Е. 2005. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик.

Большой толковый словарь русского языка. 2000. / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.

Гасанов И.Б. 1994. Национальные стереотипы и «образ врага». М.: Рос. акад. упр.

Головин С.Ю. 1998. Словарь практического психолога. Минск: Харвест.

Горшунова Е.Ю. 2009. Этнические стереотипы англоговорящего социума и их вербализация в американской лингвокультуре: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Бирск.

- Гумилев Л.Н.** 1990. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат.
- Ефремов В.А.** 2009. Основы гендерной лингвистики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.** 2007. Азбука социального психолога-практика. М.: Справочно-энциклопедическое издание. Per Se.
- Кордуэлл М.** 2000. Психология от А до Я: Словарь-справочник. М.: ФАИР-ПРЕСС.
- Красных В.В.** 2003. Свой среди чужих: Миф или реальность? М.: Гнозис.
- Липпман У.** 2004. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Маслова В.А.** 2005. Лингвокультурология. М.: Академия.
- Меренков А.В.** 2001. Социология стереотипов. Екатеринбург.
- Моргунов Г.В.** 2006. Философия. Новосибирск.
- Налчаджян А.А.** 2004. Этногенез и ассимиляция (психологические аспекты). М.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** 1999. Толковый словарь русского языка. М.
- Патнэм Х.** 1999. Философия сознания. М.
- Ришар Ж.Ф.** 1998. Ментальная активность. Понимание. Рассуждение, нахождение решений. М.: Институт психологии РАН.
- Русский ассоциативный словарь.** 2002. В 2-х тт. / Под ред. Ю.Н. Караулов и др. Т. 1. От реакции к стимулу. М.
- Русский ассоциативный словарь.** 2002. В 2-х тт. / Под ред. Ю.Н. Караулов и др. Т. 2. От стимула к реакции. М.
- Солдатова Е.Л., Лаврова Г.Н.** 1994. Психология развития

и возрастная психология: онтогенез и дизонтогенез. Екатеринбург.

Справочно-информационный портал Грамота.ру. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gramota.ru/slovari/types/17_7.

Стефаненко Т.Г. 2006. Этнопсихология. Практикум. М.: Институт психологии РАН.

Тезаурус терминологии гендерных исследований. 2002. / Под ред. А.А. Денисовой. М.

Уфимцева Н.В. 1995. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование. – Известия РАН ИАН. Серия литературы и языка. Т. 54. № 3. С. 52–73.

Шафф А. 1963. Введение в семантику. М.

Chałasiński J. 1968. Kultura i naród. Warszawa.

Quasthoff U.M. 1989. Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation. 1988. – Wie verstehen wir fremdes: Aspekte zur Klärung von Verstehensprozessen: Dokumentation eines Werkstattgesprächs des GoetheInstituts München vom 24.–28. November 1988. München.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОДНОРОДНЫХ СКАЗУЕМЫХ В ПАМЯТНИКАХ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА XV–XVI ВЕКОВ

Ольга Данилова (Петрозаводск)

Объектом нашего исследования являются три памятника старорусского периода: «Житие Сергия Радонежского», созданное Епифанием Премудрым в 1417–1418 гг., Судебник 1497 г. и «Домострой», написанный в 16 веке.

Выбранные нами памятники привлекали внимание многих исследователей, например, Д.С. Лихачева, Б.А. Ларина, А.Н. Кожина, М.А. Соколовой, А.И. Горшкова, В.В. Колесова и некоторых других. Но, в основном, объектом их изучения была стилистика текста и его лексическая сторона.

Важно отметить, что в лингвистике до сих пор существует нерешенная проблема квалификации и характеристики предложений с однородными членами. В результате многолетней дискуссии сформировались основные точки зрения на данный вопрос: одни лингвисты считают, что предложения с однородными сказуемыми относятся к числу сложных (А.А. Востоков, А.А. Шахматов), полагая, что именно сложные предложения заключают в себе несколько подлежащих и сказуемых., другие – к числу простых осложненных (А.Г. Руднев, Я.А. Спринчак, З.К. Тарланов), а третьи – к

числу слитных предложений (Н.И. Греч, Ф.И. Буслаев, А.М. Пешковский).

Мы же, вслед за А.Г. Рудневым, Л.К. Дмитриевой, А.Ф. Прияткиной и З.К. Тарлановым считаем, что предложения с однородными сказуемыми относятся к числу простых осложненных конструкций.

В нашей работе в результате сплошной выборки из трех памятников старорусского периода было извлечено 300 конструкций с однородными сказуемыми.

Изучив научную литературу по вопросу синтаксической однородности и по языковым особенностям памятников, мы пришли к следующим выводам функционирования однородных сказуемых в грамматическом, семантическом и стилистических планах.

1. Преобладание рядов однородных сказуемых наблюдается в тексте Судебника 1497 года и во второй части «Домостроя», дающей указы по ведению домашнего хозяйства. Такое численное превосходство объясняется тем, что для текстов официально-делового жанра, к которым принадлежит Судебник, характерно четкое и логичное построения материала, формирующееся на основе параллельной организации однофункциональных рядов сказуемых. Для составителя Судебника было необходимым отобразить всех лиц, а также все допустимые или недопустимые действия, согласно вводимому Кодексу. Например, 49 ст. Судебника: *«А противу послуха ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, ино против послуха наймит наняти волно, а послуху наймита нет»*. А для дидактико-нравоучительного жанра, к которому относится «Домострой», важно показать весь объем поучительных высказываний: *«всякого скорбна, и нища, и бедна и нужна, не презри, и введи в дом свои, напои и накорми, согреи, одежи»* (39).

2. Анализ морфологического выражения однородных сказуемых, показал, что в жанрах церковно-религиоз-

ного стиля, примером которого является «Житие Сергия Радонежского», преобладают формы прошедшего времени, что можно объяснить содержанием текста, в котором повествуются события, произошедшие задолго до момента написания памятника. К примеру, из ЖСР: *«призва господь ученики своя и избра от нихъ 12 (334); овогда же и князи, и боляре прихождааху к нему, сребро доволно подааху на строение монастыря»* (378). А в Судебнике 1497 г. и «Домострое» количественное превосходство остается за формами настоящего/ простого будущего времени, так как в этих текстах излагаются приказы и поучения, необходимых для исполнения в ближайшем будущем. Например, ст. 59. Судебника: *«а котораа вдова не от церкви божию не питается, а живет своим домом, то суд не святительской (т. е. она не подлежит духовному суду); а который христианин поживет за ким год, да поидет прочь»* (ст. 57). Пример из «Домостроя»: *«мнози пьяни от вина умирают и на пути изыбают»* (44).

3. Преимущественное выражение однородных сказуемых формами 3-го лица единственного и множественного числа показывает нам, что наставления «Жития», дидактические предписания «Домостроя» и указания Судебника имеют массовую направленность своих учений, а не конкретного адресата. К примеру: *«отрокъ не внимаше и не умьяше (278, ЖСР); а досудятся до поля, а у поля не стояв, помиряться (ст. 4, Судебник); милосердный Господь многоразумныя милости на рабы своя излиет и исцеления дарует и от грех освобождает, и от скорбия спасает»* (37, Домострой).

4. Частотность употребления инфинитива в качестве выразителя коннотаций предписания и долженствования в трех текстах говорит нам о наличии единой дидактической функции в памятниках разных жанров. Так в «Житии» – это наставления о правильности бытия, показанные на примере жизни святого Сергия Радонежского *(и тако всех учаше еже прильжно молити къ богу, а не бестъдовати ни с кым же*

по павечерней молитвѣ, и не преходити комуждо от своая келия без великия нужды потребныя (340), в Судебнике – это предписания об исполнении законодательных правил (*а изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти* (ст. 34), а в «Домострое» – указы как религиозного, так и хозяйственно-бытового содержания (*и по времени, сняв с себя платенцо, высушити и вымяти, и укласти хорошенко, где живет* (54); *по молении прекрестяся поцеловати, дух в себе удержав, а губами не плюскати* (32).

5. С лексико-семантической точки зрения в ряды одноклассификационных сказуемых в тексте «Жития Сергия Радонежского» объединены глаголы, принадлежащие к группе «социальная деятельность» (25%), где мы особо выделяем пласт религиозной лексики, к примеру, *моляше, сътвори молитву, благославилъ*, в тексте Судебника наибольшее количество примеров принадлежит социальным (11%): *послати, велети*, и межличностным (13%) отношениям: *обинит, не верити*, а также отношениям владения (26%): *взяти, дати, продавати*, а в «Домострое», различающегося по содержанию глав, в первой части наибольшее количество глаголов относится к «социальной деятельности» с лексикой религиозного характера (36%), что сближает памятник с «Житие Сергия Радонежского», к примеру, *каятися, исповедати, напои*, а во второй части преобладание остается за глаголами созидательного значения (24%): *строит, стряпает, чинит, вываляти*.

6. Преимущественное употребление во всех трех текстах остается за рядами простых однородных глагольных сказуемых. Объяснение этому мы нашли в желании авторов сделать текст более понятным и доступным для читателей. Составные глагольные и именные сказуемые используются в однофункциональных рядах довольно редко, однако и они отражают жанрово-стилистическую разницу в употреблении однородных членов, так, например, в выражении стиля «плетение словес», характеризующегося сложностью

синтаксических оборотов, тавтологическими повторами, обилием сложных слов используемого в «Житии Сергия Радонежского»: *«иже есть отцамъ отец и учителем учитель, наказатель вождем, пастырем пастырь...»* (ЖСР).

7. Подсчет количества однородных элементов в рядах однофункциональных сказуемых показал, что в «Житии» преобладают ряды с тремя и более компонентами. Это свидетельствует об использовании автором стиля «плетение словес», который характеризуется, как говорилось выше, употреблением многочастных сложных структур, а также тройных повторов, или «триад» (по терминологии В.В. Колесова), построенных по принципу градации и основанных на вере в догмат о Святой Троице. К примеру, *«не скръбите о сем, паче радуйтеся и веселитеся (270); ни плакаше, ни стиняше, ни дряхловаше; господь любит, и не оставит, но в вѣки сохранит»*.

8. В «Домострое» также численное преимущество остается за многочленными конструкциями, объясняющими скрупулезность автора в перечислительных рядах, в его боязни упустить малейшую деталь: *«от злых и плотских и любоплотских отлучаются, мало вещати, множае разумевати, не продръзовати словом, не избыточествовати беседою, не дерзом быти на смех, стыдением украшатися, женам нечистым не беседовати, дому зрение имети, горе же душу, бегати сопротисловия, по учительски гонити сан, ничтож вменяти»* (51). В Судебнике 1497 года, напротив, преобладают двучленные ряды, ясно и точно демонстрирующие действия: *«срочные их христианом отписывати и бессудные давати не волокитно (ст. 36); а у которого неделичика сидят тати, и ему татей на поруку без доклада не дати и не продавати ему татей»* (ст. 35).

9. Союзная связь элементов сочиненных рядов сказуемых во всех исследуемых нами текстах значительно превосходит бессоюзную, так как она создает лучшие условия

для восприятия содержания памятников, а именно логичность изложения и более тесную связь между однородными элементами. Для связи однофункциональных сказуемых используются как соединительные, так и противительные и разделительные союзы. К числу самых распространенных во всех трех памятниках относятся союзы *и, а, или*. Союз *а* в начинательно-соединительной функции употребляется как в тексте церковно-религиозного, так и делового стилей для организации параллельной структуры текста.

Таким образом, проведенный анализ по использованию однофункциональных сказуемых позволяет сделать вывод, что однородные сказуемые являлись маркированным средством и в период старорусского языка и различались в своем употреблении в зависимости от жанровой принадлежности памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф.И. 1959. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз.

Горшков А.И. 1983. Теоретические основы истории русского литературного языка. М.: Наука.

Греч Н.И. 1827. Практическая русская грамматика. СПб.: Типография императорского Санкт-Петербургского Воспитательного дома.

Кожин А.Н. 1984. Литературный язык Московской Руси. М.: Русский язык.

Колесов В.В. 1989. Древнерусский литературный язык. Л.

Ларин Б.А. 1975. Лекции по истории русского литературного языка (10-сер 18в). М.: Высшая школа.

Лихачев Д.С. 1979. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука.

Пешковский А.М. 2001. Русский синтаксис в научном освещении. М.: УРСС.

Руднев А.Г. 1959. Синтаксис осложненного предложения. М.: Учпедгиз.

Соколова М.А. 1957. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.

Спринчак Я.А. 1960. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). Киев: Радянська школа.

Тарланов З.К. 2007. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ.

Шахматов А.А. 2001. Синтаксис русского языка. М.: УРСС.

ПАУЗЫ ХЕЗИТАЦИИ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ФРАНКОФОНОВ)

Мария Казак (С.-Петербург)

На сегодняшний день изучение устной спонтанной речи представляет большой интерес для лингвистов самых разных направлений (коллоквиалистика, социо- и психолингвистика, когнитивная лингвистика, грамматика употреблений и пр.). Известно, что неотъемлемым свойством спонтанной (прежде всего неподготовленной, непринужденной и неофициальной) речи являются *паузы хезитации* (ПХ), без которых невозможно представить себе естественное речепорождение.

Паузы хезитации, сравнительно недавно ставшие объектом изучения отечественной лингвистической науки, все больше и больше привлекают внимание ученых-лингвистов. *Пауза хезитации* (от англ. *hesitation* – «колебание»), определяется как характернейшая особенность спонтанной устной речи (как непринужденной, разговорной, так и более официальной), отражающая ее сиюминутность, творческий характер (см., например: Фонетика спонтанной речи 1988: 144). В процессе речепорождения говорящий оказывается в ситуации, когда говорить и думать приходится одновремен-

но, а поскольку мысль не всегда успевает сформироваться, создается так называемый «временной дефицит». В связи с этим и возникают разного рода паузы хезитации, иными словами – колебания в момент высказывания. В наибольшей степени они представлены в речи с наиболее высоким уровнем спонтанности (неподготовленности).

Типологию пауз хезитации находим в соответствующей научной литературе (см., например: К проблеме тождества и различия в функционировании хезитаций в устной речи 1998: 139–140; Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации 2003: 95–101; О видах хезитаций и их функционально-коммуникативной значимости (на материале немецких спонтанных диалогов) 2002: 84–85).

Существуют различные классификации ПХ (кто-то из исследователей понимает их в широком смысле, кто-то – в более узком), но типичные их варианты таковы.

Так, выделяются незаполненные паузы хезитации (физический перерыв в звучании, полное молчание) и заполненные (вербальные или невербальные), среди которых выделяют и паралингвистические элементы (смех, вздох, кашель).

Один из наиболее типичных видов невербальных ПХ – это удлинение, растяжка звуков, причем как гласных (*не-ет*), так и согласных (*с-сами*). Неречевые звуки типа *э-э, а-а, м-м* также часто выступают способом заполнения паузы раздумья в потоке звучащей речи. В качестве «вербального хезитатива» могут выступать и некоторые вводные слова и выражения. При этом они могут встречаться в речи настолько часто, что их можно отнести также и к «словам-паразитам», «пустым» словам (*так сказать, значит, ну, вот, как бы, там и под.*). Метатекстовые комментарии (*знаете, видите ли*), с которых очень часто начинается речь (монолог, ответ на вопрос), иногда используются носителями языка бесосновательно, переходя, таким образом, в разряд вербальных хезитативов. Кроме того, в момент речи человек может прервать

себя (самопрерванные конструкции), не договорить начатое высказывание или слово (обрывы), попытаться сказать снова (рестарты), оговориться или запнуться (фальстарты).

Паузы хезитации встречаются в речи абсолютно любого человека, вне зависимости от того, на каком языке он говорит – родном или неродном. Но можно предположить, что ПХ, возникающие в речи на неродном языке, будут несколько иного характера, ведь когда человек говорит на иностранном, не родном ему, языке, на общие проблемы речепорождения накладываются еще и проблемы межъязыковой интерференции.

Исходя из этой гипотезы и был записан материал для настоящего исследования. Таким материалом стали 8 спонтанных монологов, записанных от 4 информантов-франкофонов из Франции (4 на русском языке и 4 на французском). В качестве темы монолога информантам предлагалось рассказать о своих впечатлениях о Санкт-Петербурге. Все информанты – мужчины, все принадлежат к возрастной категории от 20 до 30 лет, все являются студентами. Уровень владения русским языком варьируется от базового до среднего (3 информанта с базовым уровнем, один информант со средним).

Свой монолог информанты сначала строили на русском языке (для обеспечения более высокой степени спонтанности), затем на родном – французском.

В материале исследования встретились следующие виды пауз хезитации:

- незаполненные ПХ (физические перерывы в звучании);
- заполненные ПХ (неречевые звуки, паралингвистические элементы, удлинение гласных и согласных звуков, десемантизированные («пустые») слова).

Среди перечисленных видов пауз хезитации находим общие для двух языков (то есть те, которые встретились как в русской речи, так и в речи на французском языке): неза-

полненные ПХ, неречевые звуки (м-м, а-а, э-э, *hum, heu*), удлинение гласных и согласных звуков. Причем данные варианты пауз хезитации встретились и в русской, и во французской речи примерно в равном количестве, что говорит об универсальном характере явления хезитации. Построить монолог без подготовки, даже если это рассказ о впечатлениях о городе, оказалось не такой легкой задачей для информантов. И на родном, и на неродном языке количественно на первом месте - неречевые звуки, ср.:

• *Hum *П Saint-Pétersbourg heu c'est une ville vraiment *П magnifique;*

• *Санкт-Петербург *П э-м это-о *П м-м город оче-ень *П э-м известни-ий.*

В приведенных примерах хорошо видны и незаполненные ПХ - физические перерывы в звучании речи (*П). Они также оказались одним из самых частотных вариантов пауз хезитации в речи франкофонов.

Третьим частотным вариантом ПХ, представленным в речи франкофонов на обоих языках, оказалось удлинение гласных и согласных звуков:

• *Я здесь уже-е три-и месяца-а и-и *П м-мне очень приятно гулять *П по городу;*

• *(...) visiter les *П les musé-ees *П les monume-ents.*

Говоря о неречевых звуках, стоит отметить, что у одного из информантов встретилось цоканье, причем в речи на обоих языках. Таким образом, язык, на котором говорит информант, не влияет на наличие данного вида хезитации в его речи, а следовательно, цоканье языком можно отметить как особенность речи информанта в целом.

Среди паралингвистических элементов, общих для обоих языков, оказался смех. Однако стоит отметить, что количественно его больше в речи на неродном языке. Чаще всего смех встречается тогда, когда информант, начав предложение, не может закончить его (не может подобрать нуж-

ное слово, вспомнить какой-то факт и т. д.). В таком случае смех является реакцией на сложившуюся в ходе записи монолога ситуацию, информант как бы смеется над собой, над своей неспособностью построить высказывание. Кроме того, один из информантов закончил свой монолог на русском языке смехом, который также является реакцией на ситуацию. Дело в том, что информант, имеющий уровень А2 (соответствующий базовому), смог сказать по-русски лишь несколько предложений. Таким образом, смех здесь мог произойти либо от смущения (не справился с поставленной задачей), либо, как в первом случае, как результат самоиронии: информант смеется над собой.

Еще один паралингвистический элемент, который находим в речи информантов – вздох. В речи на французском языке его нет, он встретился только в речи на неродном языке. Это вполне объяснимо. Обычно вздох возникает тогда, когда человеку трудно говорить. Очевидно, что информантам гораздо труднее было говорить на русском языке.

Данное исследование требует дальнейшей балансировки материала до 8 информантов (16 монологов), предполагается получить материал от обоих гендеров. Это позволит рассмотреть зависимость возникновения в речи пауз hesitation от гендерного признака. Кроме того, всем информантам будет предложен психологический тест Г. Айзенка (см.: Структура личности 1999) для выявления психологических особенностей личности по шкале «экстраверт-интроверт», что в дальнейшем позволит определить зависимость появления ПХ также и от психологических особенностей информантов.

Записи спонтанной русской интерферированной речи франкофонов (модуль RIF), осуществляемые в рамках настоящего исследования, станут еще одним блоком Звукового корпуса русского языка, работа над которым ведется на филологическом факультете СПбГУ в течение всего последнего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Айзенк Г.Ю. 1999. Структура личности. СПб.: Ювента. М.: КСП+.

Светозарова Н.Д. 1988. Фонетика спонтанной речи. Л.: Изд-во ЛГУ.

Яковлев А.Е. 1998. К проблеме тождества и различия в функционировании хезитаций в устной речи. Филологические этюды. Саратов. С. 139–140.

Александрова О.А., Иваницкий В.В. 2003. Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации. Вестник Новгородского государственного ун-та. СПб. № 25. С. 95–101.

Николаева Т.М. 1970. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях). – Вопросы языкознания. № 3. С. 117–123.

Долинин К.А. 1987. Стилистика французского языка. М.: Просвящение.

Кривнова О.Ф. 1995. Интонационно-паузальное членение речи в контексте модели речепорождения. – Язык и речевая деятельность 2010–2012. Тт. 10–11. СПб. С. 95–106.

Яковлева Э.Б. 2002. О видах хезитаций и их функционально-коммуникативной значимости (на материале немецких спонтанных диалогов). – Язык и образование. В. Новгород. С. 84–85.

ПРОЦЕССЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ
И ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ
КАК СРЕДСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
СИНОНИМИКО-ДУБЛЕТНЫХ
ФОРМ (на примере анализа
функционирования лингвистических
терминов «абстрактный» и
«отвлеченный»)

Надежда Маджуга (С.-Петербург)

Проблема синонимии-дублетности представляет одну из важнейших особенностей, отличающих термины, функционирующие в составе языка науки, от слов общелитературного языка.

Многие исследователи говорят об отсутствии синонимов в терминологии и наличии у некоторых терминов дублетов – «вариантной (двойной) фонетической, морфологической, синтаксической, стилистической разновидности данной языковой единицы» (Ахманова 1966: 139). Например, у Л.А. Капанадзе находим: «Нет терминов, близких по значению. Есть терминологические дублеты» (Капанадзе 1965: 5). О.С. Ахманова также пишет о «проблемах терминологических дублетов <...>, которые ошибочно до сих пор нередко называются синонимами» (Ахманова 1966: 13).

Другие ученые подчеркивают особый характер синонимии в языке науки. «Терминологическая синонимия существенно отличается от общезыковой, поскольку она не выполняет, как правило, стилистических функций. Синонимы терминов не содержат дополнительных характеристик, хотя они могут именовать одно и то же понятие на основании разных признаков<...>», – считает В.П. Даниленко (Даниленко 1977: 65). Иными словами, единого мнения по данной проблеме в науке нет, и вопрос о разграничении понятий синонимии и дублетности применительно к терминологии остается нерешенным.

Обратившись к данной проблеме, мы рассмотрели функционирование терминов «абстрактный» и «отвлеченный» в русской лингвистической терминосистеме и лингвистической исследовательской литературе.

В качестве материала были выбраны научные филологические тексты Национального Корпуса Русского Языка (*отвлеченный*: 63 документа, 259 вхождений; *абстрактный*: 30 документов, 138 вхождений).

Наука «терминоведение» сформировалась в 70-е гг. XX в. в работах Д.С. Лотте, В.П. Даниленко, А.А. Реформатского и др. и первоначально основывалась на двух подходах к пониманию природы термина – «номинативном» и «дескриптивном»; в настоящее время оба подхода сосуществуют и контаминируются, что стало возможным во многом благодаря дифференциации «сферы фиксации» и «сферы функционирования» применительно к терминологии.

Термин обладает иной языковой природой, чем слово общелитературного языка. Она проявляется в терминообразовании, особом характере семантических процессов, протекающих в терминологии, наличии особого процесса «изменения дефиниции», коммуникативной ориентированностью термина, и, как следствие, доминированием у него «дефинитивной функции».

Взаимодействие терминологической лексики с лексикой общелитературного языка осуществляется путем разнонаправленных процессов «терминологизации» и «детерминологизации», которые осуществляются путем внешнего и внутреннего заимствования и их последующей адаптации. Оба процесса протекают постепенно, и поэтому возможно говорить о полной или неполной терминологизации (детерминологизации) слова. Даже когда термин полностью входит в литературный язык, он сохраняет связь с терминосистемой.

Существуют узкий и широкий подходы к пониманию синонимов. Первый рассматривает их как тождественные по своему значению слова, второй включает в ряды синонимов и слова, близкие по своему значению. Термины «абстрактный» и «отвлеченный» являются синонимами в узком смысле.

В ходе проведенного нами исследования было выявлено, что пара терминов «абстрактный» – «отвлеченный» образовалась в результате действия двух разнонаправленных процессов. В случае со словом «отвлеченный» это «терминологизация». Данное слово является в русском языке исконным и происходит от глагола «отвлекат» из от- + -влекать (влечь), далее от праслав. формы, от которой в числе прочего произошли: ст.-слав. *влѣкѣ*, *влѣтити*, русск. волочь, волочить. Русск. влечь – из церк.-слав. влеку (вместо исконно русск. волоку) (Фасмер 1964–1965). Согласно данным НКРЯ, первую фиксацию в лингвистической литературе находим у Н.И. Новикова в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772 г.):

*В сие время сочинил он многие мелкие стихотворения; наконец начал писать похвальную оду Петру Великому, расположа ее в 40 куплетов; но сочинив оной только 15 строф, **отвлечен** был от окончания оной разными обстоятельствами. <...> сей искусный и ученый муж приобрел бы не послед-*

нее место между славными российскими писателями, ежели бы не **отвлечен** был должностями, на него возложенными, от упражнения во словесных науках. [Н.И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях (1772)].

Здесь «отвлечен» – краткое страдательное причастие прошедшего времени от глагола «отвлекать» со значением «Заставлять, побуждать, оторваться от какого-либо дела, занятия». Первое терминологическое употребление встречаем у В.Н. Майкова (1845):

Основанием каждой науки служило какое-нибудь **отвлеченное** понятие, какое-нибудь ничем не доказанное, ни из чего не выведенное положение<...>. [В.Н. Майков. Статьи из вып. 1 «Карманного словаря иностранных слов» (1845)].

Как видим, здесь прилагательное *отвлеченный* – еще не лингвистический термин, а определение при логическом термине «понятие», но налицо начало его терминологизации. Сочетание *отвлеченное понятие* постепенно становится терминологическим и обретает устойчивую воспроизводимость в филологических работах. Это можно увидеть в следующем примере:

Находясь под влиянием общего, **отвлеченного взгляда** на русский глагол, нет возможности объяснить в нем: – ни развития свойственных ему форм в языке, ни их значения <...>. Известно, что действие в **отвлеченном смысле**, ничто иное, как мыслимое движение во времени, стало быть, всякому действию, как действию, должно быть свойственно время. <...> Это – вовсе не недостаток творчества языка, а свидетельство того свойства, по которому он при переводе глагола в существительное стремится **отвлеченному понятию** действия сообщить живое, конкретное значение предмета.

Слово: бытие имеет **более вещественное значение, чем отвлеченное**, какое видим в слове: бытие – существование. [Н.П. Некрасов. О значении форм русского глагола (1865)].

Появляется все больше и больше терминологических регулярно воспроизводимых и универсальных сочетаний: *отвлеченная теория, отвлеченный взгляд, отвлеченное значение* и т. п. На первый план выходит другое значение этого прилагательного: теперь «отвлеченный» – то, что противопоставляется вещественному, конкретному, что и можно наблюдать в последнем примере. В большинстве словарей находим: «*Отвлеченный*, представляемый в обобщении, в отделении от конкретных связей, абстрактный» (Словарь современного русского языка: В 17 т. 1948–1965). Наконец, в первой половине XX века, в статьях академика Л.В. Щербы, слово *отвлеченный* полностью терминологизируется. Мы уже практически не встречаем примеры его общелитературного употребления. В середине прошлого столетия у В.В. Виноградова обнаруживаем полную терминологизацию этого слова и привычные нам в наше время терминологические сочетания «отвлеченное существительное», «отвлеченный субъект», «отвлеченно-переносное значение»:

*Например, слово ярый у нас вытесняется синонимом яростный, образованным от ярость (само же слово ярость возникло как производное **отвлеченное существительное** к ярый). <...> Фразеологически связанным является **отвлеченно-переносное значение** слова безвыходный: «такой, из которого невозможно найти выход, исход; безрадостный» (безвыходное положение). [В.В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова (1960–1969)].*

Иначе обстоит дело со словом абстрактный. В первую очередь отметим, что оно является заимствованием из немецкого языка (30–40-е годы XIX в.). Нем. *Abstrakt* <лат. *abstractus* «отвлеченный, удаленный» получило в рус. яз. суф. -н(ый). Лат. слово того же корня, что тракт, трактор (буквально – «волочение, след» (от этого), «тягач»), восходящее к лат. *trahere* «влечь, волочить, тащить» (Шанский, Боброва

2004). На русской почве данное слово приобрело суффикс «н», распространенный среди прилагательных.

Первая его фиксация в русской лингвистической литературе – сразу терминологическая. Правда, перед нами – не строго лингвистический термин, но его значение – то же, что у слова *отвлеченный* на более позднем этапе его функционирования: «Основанный на абстракции; пользующийся абстракцией» (Словарь современного русского языка: В 17 т. 1948–1965). А абстракция в БАС-е – «Мысленное отвлечение, выделение существенных и закономерных признаков какого-нибудь явления или предмета и отбрасывание переходящих, несущественных их признаков – ступень в процессе познания действительности, результат отвлечения, отвлеченное понятие» (Словарь современного русского языка: В 17 т. 1948–1965). Не случайно В.Н. Майков использует рядом оба прилагательных:

*Отвлеченные, или абстрактные, наши курсы словесности можно разделить на три рода: чисто схоластические, с философским воззрением на предмет – и срединные, стоящие между первыми и вторыми в каком-то умилительном недоумении. <...> Но учения исторического <...> у нас нет, между тем как оно-то и есть главное дело, между тем как абстрактная пиитика, **абстрактная прозаика** из него-то и должны выходить [В.Н. Майков. Курс словесности Михаила Чистякова (1847)].*

Если считать их синонимами, то перед нами использование синонимов в уточняющей функции, типичное для слов, являющихся синонимами в узком смысле. Такое равноправное сосуществование этой пары терминов в одном научном характерно с середины XIX в. и до середины XX в., когда термин «абстрактный» уже ассимилировался в языке науки, но еще не получил общелитературного распространения в других функциональных стилях языка, а общелитературное слово «отвлеченный» уже находилось в процессе

терминологизации. Однако с середины двадцатого столетия отмечаем снижение числа употреблений слова *отвлеченный* в качестве термина, оно все чаще уступает место своему иноязычному эквиваленту:

*Этот последний не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем посредством наших органов чувств: он – чувственный образ, и если нам случается называть его «материальным», то только в этом смысле и из противопоставления второму моменту ассоциации – **понятию**, в общем более **абстрактному**. [А.А. Реформатский. Принципы синхронного описания языка (1960–1970)].*

У А.А. Реформатского – *абстрактное значение и абстрактное понятие* вместо *отвлеченного*, и т. п.), а к концу XX в. оно и вовсе пропадает: последняя фиксация термина «отвлеченный» в лингвистическом тексте, согласно НКРЯ – 1969 г. (Виноградов), но, тем не менее, он продолжает функционировать в филологических, не собственно лингвистических текстах. Возникает вопрос, не происходит ли специальной дифференциации между этими понятиями (*абстрактный* – в собственно лингвистических текстах, *отвлеченный* – в прочих филологических). Казалось бы, во второй половине XX в. слово *абстрактный* полностью закрепило за собой статус термина в русском языке науки. Но не тут-то было. Помимо употребления в воспроизводимых терминологических сочетаниях мы начинаем наблюдать увеличение частотности его функционирования в составе свободных словосочетаний. Так, у Ю.М. Лотмана – *абстрактная общая память* и т. п.:

*Это обуславливает наличие у обоих участников коммуникации некоторой общей памяти, более богатой и детализованной, чем та **абстрактная** общая память, которая присуща всему коллективу. <...> Между тем письменная речь стабильна, поскольку ориентирована на **абстракт-***

ный и относительно стабильный для данного языка и данной культурной эпохи объем памяти. [Ю.М. Лотман. Устная речь в историко-культурной перспективе (1978)].

Затем, к началу XXI в., наблюдается появление у рассматриваемого слова негативной оценочной коннотации в ряде авторских употреблений, между тем как термину положено быть безэмоциональным. Это во многом обусловлено тем, что из относительного прилагательного («основанный на абстракции» (Словарь современного русского языка: В 17 т. 1948–1965) слово *абстрактный* превращается в качественное и приобретает степень проявления качества (*очень абстрактный*):

<...> каждому выражению (как лексическому, так и грамматическому) в идеале должна быть сопоставлена одна «операция», формулируемая на **предельно абстрактном и бедном метаязыке**, не имеющем ничего общего с тем, как описание тех же сущностей представляется «лексической семантике» (ср. структуралистский «принцип изоморфизма»). <...>Во-вторых, эта классификация не умеет описывать значения видовых форм: содержательные формулировки Куриловича **настолько общи и абстрактны**, что им можно придать практически любой смысл. Особенно ярко это проявляется в трактовке имперфекта как «неактуального» времени: здесь в полной мере проявляет себя убежденность, что одному формальному показателю должен непременно соответствовать один элемент плана содержания, хотя описать его можно только на **очень абстрактном** признаковом метаязыке. [В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) (1999)].

При этом терминологическое употребление данного слова не исчезает полностью. Однако его детерминализация налицо. Как раз в такой ситуации, когда два слова – семантических эквивалента – находятся одно в процессе

терминологизации, а другое – детерминологизации, и возможно их сосуществование в языке науки.

Наконец, обратим внимание на обстоятельство, которое не проявляется в исследуемой нами «сфере функционирования», но отражено в «сфере фиксации» – появление разговорного фразеологического сочетания *абстрактный вая*, зафиксированного впервые совсем недавно, пока только однажды – в «Словаре русских поговорок В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной»:

«Разг. Ирон. О неинтересном, посредственном человеке» (Мокиенко, Никитина 2007).

Слово *абстрактный* приобрело фразеологические связи даже в разговорной разновидности общелитературного языка, что является несомненным показателем его ассимиляции в литературном языке и завершившемся процессе его заимствования в литературный язык.

Таким образом, сосуществование пары терминов-эквивалентов «абстрактный» – «отвлеченный» обусловили два взаимнообратных процесса – терминологизации и детерминологизации. Такое явление характерно только для терминологии, поэтому пока в качестве возможного решения предлагается считать их на период их одновременного взаимозаменяемого функционирования (II пол. XIX в. – наст. время) дублетами применительно к языку науки. В общелитературном языке целесообразно их будет считать синонимами в узком смысле с того момента, как слово *абстрактный* было заимствовано в общелитературный язык из языка науки и стало употребляться в качестве общелитературного слова.

Практически одновременная терминологизация одного слова и детерминологизация другого обусловили возникновение данной конкретной пары терминов-вариантов, но это не означает, что все термины-дублеты образуются подобным способом. Тем не менее, уже сейчас можно говорить об определенной тенденции, так как, по подсчетам чешского

лингвиста К. Сохора, более 90 процентов терминов являются заимствованиями (Капанадзе 1965: 76). Как следствие, в заимствующем языке происходит их ассимиляция, которая в случае с терминами-заимствованиями нередко приводит к детерминологизации. В частности, нами был рассмотрен заимствованный в XIX в. термин «экология», который в настоящее время функционирует как общелитературное слово в русском языке. Если же у такого термина присутствует исконный эквивалент, то возникает подобная проанализированной ситуация их сосуществования.

Процессы терминологизации и детерминологизации – динамические и быстро развивающиеся. Они должны быть отражены в современных словарях. В последнем «Словаре лингвистических терминов» (1969 г.) О.С. Ахманова описывает пару «абстрактный» – «отвлеченный» как дублиеты. Как мы видим, на сегодняшний день это утверждение еще справедливо, но вышеупомянутые процессы не стоят на месте, и можно с определенной долей уверенности предположить, что скоро эти два термина перестанут быть дублиетами в языке науки и останутся лишь синонимами в литературном языке.

По нашему мнению, необходимо, как максимум, – создание терминологических синонимических или синонимико-дублиетных словарей, описывающих слова, имеющие в литературном языке синонимы и одновременно в языке науки отличающиеся наличием дублиетов, как минимум – создание исторических справочников терминов-заимствований с указанием их исконных эквивалентов и описанием особенностей, присущих им в различных сферах функционирования. Это помогло бы исследователям спрогнозировать дальнейшее поведение таких вариантов в языке, а специалистам – правильно и своевременно использовать свою терминологию и тем самым способствовать решению главной проблемы термина – проблемы однозначности его плана выражения и плана содержания.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О.С. 1966. Предисловие. – Словарь лингвистических терминов. М.

БАС-1 1950–1965. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.– Л.

Даниленко В.П. 1977. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука.

Капанадзе Л.А. 1965. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики. – Развитие лексики современного русского языка. М.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 2007. Большой словарь русских поговорок. М.

Фасмер М. 1964. Русский этимологический словарь. М.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. 2004. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ И ТЕРМИНЫ В ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЦЕНЗИИ

Надежда Молитвина (Москва)

В дискуссиях последних лет профессиональное сообщество писателей и критиков обсуждает, как меняется стиль рецензирования, соглашаясь с тем, что новую литературную рецензию определяют газетные обозреватели. «Новогазетный» и сетевой жанр оказывается заведомо проще и лаконичней эталонного. «Рецензия – жанр “прагматический”, ее параметры зависят от площадки (т. е. от типа СМИ) не меньше, чем от автора. А редакторам... нужен краткий пересказ (желательно без спойлеров) и доходчивый, без излишнего филологизма анализ»¹. И хотя «разговор о принципиальной новизне рецензии – некоторое преувеличение»², критика в медиа, «написанная по следам непосредственных впечатлений, с преобладанием иррационального, с убавлением аналитики, доводов, основательности суждения... личная, субъективная намеренно»³, менее последовательная по стилю изложения, меняет свою природу.

Интересна близость современной рецензии к изощренной интеллектуальной игре, возникающей благодаря различным языковым средствам – от гипербол (по сути работы критик высказывается гиперболически⁴) до цитат и квазичитат. Одним из таких средств является специальная лексика.

Закономерно в газетной и сетевой рецензиях используются искусствоведческие термины, театральные, собственно литературоведческие и заимствуемые из смежных сфер:

В центре внимания, конечно же, мифические чудища, раскадровка комиксов и непостижимые средневековые литографии, из которых дель Торо черпает вдохновение для своих inferнальных героев (Афиша-Воздух. 2013. 29 ноября);

Этот оксюморон есть начальная нота увертюры, это правильность, которая сразу себя хочет утвердить, она абсолютна, эпитет никак не конкретизирован (Colta.ru. 2014. 22 января).

В рецензии «толстожурнального» типа термины и терминологические словосочетания строго **функциональны**, и эта функция прежде всего номинативная. Как общепонятные (специальные) термины, так и используемые ограниченным кругом лиц (узкоспециальные) термины помогают представить произведение. В подборке рецензий на роман Мариам Петросян «Дом, в котором...» это *зачин, архитектоника романа, фантасмагория, абрис, временные планы, экспозиция (в «Вопросах литературы»), перипетии, странная метафизика, книжная/литературная прагматика, сказка, байопик (в «Знамени»), интермедии, артефакты, вставные новеллы фантастического и фантасмагорического свойства, фабула, кульминация, эпизоды, дополнительные/побочные сюжетные линии, интрига, сказитель, бытописатель (в «Дружбе народов»).*

В газетной, сетевой или радиорецензии перед книжным обозревателем не стоит задачи подробно разбирать произведение. Все, что ему нужно, – сориентировать читателя на книжном рынке, сформировав в его сознании образ книги. Прибегая к специальной лексике в таких текстах, рецензенты чаще всего дают определения прозаическим жанрам или оценивают произведение, с помощью сопоставле-

ний вписывая его в контекст на жанровом, биографическом, тематическом уровне или на уровне образов:

*Это могло бы продаваться как **искусствоведческий детектив**, однако по сути «Вейнфельдт» скорее скромных достоинств **психологический роман**;*

*Клюквенный – англичане никогда не умели писать о русских – историко-авантюрный роман («**эдвардианский триллер**») от автора «Столпов земли» (Афиша-Воздух. 2013. 2 декабря).*

Теоретически значение каждого термина отражено в специализированной литературе, они однозначны и не имеют синонимов. На практике в зависимости от контекста возникают дополнительные, неcodифицированные значения. *Сюжетная линия* и *фабула* часто оказываются синонимичны *истории*, а любое определение жанра заменяет собой простое общеупотребительное и нейтральное слово *книга*:

*«Критическая» **история** «Дома» началась после «читательской», это парадоксальный **сюжет** в плане книжной прагматики (Знамя. 2011. № 8);*

*Это самая сбалансированная **книга** между западным нон-фикшном... и восточным (Афиша-Воздух. 2013. 28 ноября).*

Можно предположить, что специальная лексика создает образ адресанта – специалиста/ профессионала/ эксперта, которому следует доверять. Тексты с «модными», не очень понятными дилетанту словами кажутся авторитетнее, привлекательнее, что особенно заметно на примере таких изданий, как «Афиша», «Time Out», «Коммерсант Weekend» или «Weekend Open Space». Многие термины, которые мы встречаем в печатных глянцевах и сетевых периодических изданиях, посвященных досугу и свободному времени в городе, являются не до конца освоенными иноязычными заимствованиями. В разборе произведения словесности они часто становятся источником экспрессии и приметой идиостиля рецензента:

Что нетипично для *coffee-table books* и типично для самого Уэса: текст не отходит здесь на второй план;

Мультсериал “Время приключений”, завербовавший в свои поклонники не только восторженных детей, но и циничных взрослых, обзавелся собственной энциклопедией, и она совсем не похожа на стандартный альбом *making of*;

Это *visual candy* для всех, кто в принципе неравнодушен к пленочной фотографии и американским цветам середины 70-х (Афиша-Воздух. 2013. 29 ноября).

Часть специальной лексики скорее можно отнести к **профессионализмам**, чем к терминологии. Это и определения, которые получает сама критика – *тонкожурнальная, толстожурнальная, тонкая, толстая*, и определения, которые получает рецензия – *импрессионистская, импрессионистическая* (о современной рецензии с установкой на изобразительность и субъективность), и рецензия-к*Оротка*⁵, или *коротышка* (так называют тексты объемом до 1000 знаков), *сетература* (сетевая литература) и *сетераторы*, или сетевые литераторы – неологизм, изобретенный критиком и писателем Вячеславом Курицыным (см. История русской литературной критики 2011: 683).

Не являясь официально признанными обозначениями специальных понятий, профессионализмы из области рецензирования и критики бытуют в научной литературе, в интернете и в устной речи, где встречаются варианты в произношении, как например: *сИнопис* и *синОпис*.

В опубликованных рецензиях находим сочетания, сменившие статус профессионализма на статус термина, или экспрессивно переосмысленные общеупотребительные слова:

Самый увлекательный научпоп из переводных за 2013 год (Афиша-Воздух. 2013. 2 декабря);

Энтони Бивор – это Стивен Спилберг от нон-фикшна (Афиша-Воздух. 2013. 28 ноября).

Скорее профессионализмы – такие определения, как *медленная проза* («Роман очень необычный... Это медленная проза»), *филологическая проза* («Отлежаться бы этому роману в столе у автора, определиться с целевой аудиторией и не предлагать подросткам сложную “филологическую” прозу») и *мегатекст* («Иванов – автор романов, которые в известном смысле можно назвать единым художественным мегатекстом об Урале...»).

Среди неологизмов и окказионализмов, возникающих в профессиональной сфере по продуктивным языковым словообразовательным моделям, встречаем подчеркнута субъективные оценки и категоричные характеристики жанров:

Книга дает образец критического взгляда на экоутопию современного Запада... Крахт не то чтобы разделяет зеленую утопию своего героя, он скорее иронически-сочувственно ее описывает (Афиша-Воздух. 2013. 28 ноября).

Традиционно литературная рецензия была ориентирована на узкий круг читателей. Но представители «газетного центра критики» обращаются не только к коллегам по цеху (для этой цели есть внутреннее рецензирование в издательствах), но и к массовой аудитории. В связи с этим многие профессионализмы и термины переходят в разряд общеупотребительной лексики. Так из профессионального дискурса в общеупотребительный переместились *сюжет* («крепкий, хоть сейчас в Голливуд, сюжет»), *полиграфия* («увесистый том с прекрасной полиграфией»), *авангард*, *мейнстрим* («20 лет назад ничего равного не было даже близко – ни в мейнстриме, ни в лютом авангарде»), *пафос* («антиинтеллигентский пафос работает практически художественным приемом...»), *бестселлер* («это бестселлер во всех европейских странах»). Имея отношение одновременно к науке, литературе и журналистике, критика популяризирует специальные знания, в том числе профессионализмы и терминологию. Очевидно, употребление специальной лек-

стики в современной печатной и сетевой рецензии зависит и от мастерства и компетентности рецензента, и от его интенции, и от аудитории, к которой он обращается, и от редакционной политики. Основной функцией специальной лексики остается номинативная, к которой добавляется оценочная и рекламная, если количество терминологии не приводит к интеллектуальной агрессии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михаил Эдельштейн, литературный критик, из личной переписки с автором. Апрель 2013.

² Михаил Визель, литературный обозреватель, из личной переписки с автором. 24 октября 2014.

³ Валерия Пустовая, заведующая отделом критики журнала «Октябрь», из личной переписки с автором. 5–6 апреля 2013.

⁴ Владимир Новиков, д. ф. н., профессор. Спецсеминар на факультете журналистики МГУ. 17 октября 2014.

⁵ Заимствуем этот профессионализм из редакции газеты «Книжное обозрение».

ЛИТЕРАТУРА

Бак Д., Быков Д., Василевский А. 1996. Критики о критике. – Вопросы литературы. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1996/6/>.

История русской литературной критики. 2011. – История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: НЛО.

Критик est mort – vive la критика! 2011. – Октябрь. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2011/6/>.

Критика: эмоции, смысл, будущее. Опрос. 2011. – OpenSpace.ru. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/22635/>.

Лазуткина Е.М. 2003. Профессионализмы. – Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Под общ. руководством Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука. С. 522–524.

Пустовая В.Е. 2012. Толстая критика: российская проза в актуальных обобщениях. М.: РГГУ.

Рахманова Л.И. 2007. Специальная лексика. – Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М.: Аспект Пресс. С. 210–218.

АРГУМЕНТАЦИЯ В ДИСКУРСЕ ГРАММАР-НАЦИ: ИСТИННОЕ И ЛОЖНОЕ

Елена Петренко (С.-Петербург)

Движение граммар-наци (ГН) появилось в рунете несколько лет назад, когда идея его была позаимствована с Запада. Нынешнее название изначально воспринималось западными пользователями сети как осуждающее и применялось не только к борцам за грамотность, но и к тем, кто в интернете исключительно всегда пишет правильно (и, по мнению других пользователей, соответственно, является занудой). В рунет оно пришло уже будучи названием движения, хотя в современном употреблении может использоваться и как самостоятельное оскорбление (ср. *«что ты меня исправляешь? граммар-наци что ли?»*). Стоит отметить главную отличительную особенность русских ГН – это ярко выраженная агрессивность, в том числе и речевая. В.А. Ефремов характеризует движение ГН, как *«использующее стратегии и тактики хейтерства»* (Ефремов 2013: 163).

Основная идея движения – повышение уровня грамотности населения всеми возможными способами, которые, однако, чаще всего ограничиваются лишь рамками педантичного исправления участниками ошибок друг друга. Русских ГН можно встретить на всевозможных форумах, сайтах и страницах блогов.

В качестве площадок для общения у ГН есть две основные группы Вконтакте (одна – это открытое сообщество (http://vk.com/global_grammar_nazi), участвовать в котором могут все желающие, вторая – закрытая группа (<http://vk.com/club3641604>) с четко установленными требованиями к желающим в нее вступить), аккаунт в Твиттере (<https://twitter.com/HeilGrammarNazi>) и страница на Фейсбуке (<https://www.facebook.com/GN.Russian>). Наибольший интерес для исследования представляет открытая группа Вконтакте, т.к. в ней состоят люди, которые сами причисляют себя к ГН и которым не нужно проходить никакого отбора и, что важно для дальнейшего анализа, доказывать собственную грамотность. Материалы данной группы послужили источником иллюстраций.

О.В. Лутовинова в своей работе, посвященной изучению языковой личности в интернет-коммуникации, обращает внимание на следующие важные компоненты анализа: 1) коммуникативная компетенция участников интернет-коммуникации; 2) конструирование языковой личностью собственной идентичности; 3) саморепрезентация языковой личности; 4) коммуникативное поведение в интернет-среде (Лутовинова 2012: 133).

Коммуникативная компетенция включает в себя энциклопедическую, лингвистическую и интерактивную составляющие (см. там же). Интересно отметить, что для ГН энциклопедическая и лингвистическая компетенции совпадают, т. к., с одной стороны, язык для них является предметом дискуссии, с другой – средством общения. Интерактивная компетенция ГН обычно ограничивается несколькими комментариями либо по теме поста (или обсуждения), либо (чаще) – по поводу ошибок, допущенных другим пользователем. Свои высказывания ГН не всегда подкрепляют какими-либо аргументами.

Участники движения в полной мере пользуются в интернете свободой в части конструирования

собственной идентичности и самопрезентации: кто-то сохраняет свой реальный образ, кто-то создает виртуальный. В обоих случаях большинство представителей ГН можно описать как уверенных в себе и в своих знаниях русского языка.

Свобода отражается и в характере самой коммуникации: стираются социальные, возрастные различия (не знакомые между собой ГН могут обратиться друг к другу как на «Вы», так и на «ты»), одновременно использование обценной лексики считается абсолютно естественным.

К активной полемике администраторы сообщества вызывают участников путем публикации разнообразных постов: чаще всего это картинки с допущенной кем-либо глупой ошибкой (типа «посидеть в *кофе*» (вместо «кафе»), «турник это *свитое*» (вместо «святое»), или какое-нибудь правило русского языка (напр., употребление слов «*есть*» и «*кушать*»), или вопрос (напр., о правильной расстановке знаков препинания).

Любой персуазивный диалог, т. е. спор, полемика, дискуссия, дебаты, предполагает наличие двух обязательных участников: пропонента и оппонента (см. Москвин 2008: 50). В контексте рассматриваемого сообщества изначально невозможно предположить, кто из участников станет пропонентом, какую тему он затронет и что станет причиной к оппонированию кем-либо его взглядов. Часто диалог возникает в следующей ситуации: опубликовали пост – один участник прокомментировал его – следующий обратил внимание на правописание предыдущего или на ошибочный характер его суждений, например:

Ольга: Кушать исторически (очень давно) относилось к людям, есть – к животным.

Ольга: А жрати – было от сакрального «жрети», приносить жертву).

Вадим: Г-споди, даже в сообществе граммар-наци появились безумные адепты фрик-лингвистики. Убивать вбтием словаря Фасмера в пустую голову.

Вадим: Ольга, первый выстрел грамматического расстрела – в воздух. мы гуманны. vasnet.narod.ru

Ольга: Вадим, спасибо за гуманность. Я очень уважаю Фасмера. Однако когда-то при исследовании истока слов жрати и жрети мне пришлось столкнуться с общим концептом горло (жерло). Но так как в славянской филологии масса спорных моментов, пожалуй, признаю себя фриком. Еще раз благодарю!

(Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены. – Е.П.)

В данном случае тезисы, выдвигаемые пропонентом (Ольгой) остались без доказательств, а оппонент (Вадим) аргументировал свою позицию отсылкой к этимологическому словарю М. Фасмера, и спор не получил дальнейшего развития, одновременно пропонент признал ошибочность своего высказывания, что бывает в сообществе ГН довольно редко.

Стоит сказать и об особой роли третьих лиц – «свидетелей» спора, происходящего в рамках сообщества в интернет-реальности. Во-первых, невозможно определить количество и состав данной аудитории (чаще всего, это, конечно, подписчики сообщества, однако далеко не все следят за полемикой, происходящей под каждым постом). Во-вторых, при очном диалоге можно догадаться, чью позицию поддерживают слушатели по выражаемым ими эмоциям, даже если никто из них ничего не скажет, в интернете же никак нельзя узнать, кто на чьей стороне, пока участник сам не проявит свою позицию. Более того, любой участник из «наблюдателей» может взять слово, т. е. написать комментарий, и стать пропонентом или оппонентом, точно так же как любой участник может выйти из спора в любой момент, даже если спор не доведен до логического завершения.

Ранее уже шла речь о стирании социальных и возрастных различий, в связи с этим происходит нарушение

риторической дистанции, в частности при использовании *ты-* и *вы-*регистра:

1) Всеволод: Никита, не вижу в **твоем** сообщении опровержения ни одного из выводов, к которым я пришел в рассуждении выше.

Никита: Плохо **читали**, значит. Я всего лишь указал на то, что выводы у **Вас** слишком уж субъективны и далеки от истинного положения дел.

2) Галина: Максим, а, так **вы** об этом) Ну да, странно, я согласна **с вами**)

Максим: Галина, да какой там «вами», ровесники.

Галина: Максим, привычка все же) незнакомые люди)

В обоих диалогах участники движения не знакомы, но выбирают разные тактики поведения (обращение на «ты», как к равному или находящемуся ниже по социальной лестнице, и обращение на «Вы/ вы», как к незнакомому человеку, достойному уважения).

Цель почти любого спора, в который вступают ГН, заключена в том, чтобы самоутвердиться и доказать свою правоту, т. е. они используют практически исключительно *эристический стиль аргументации*.

Язык – наиболее частый объект полемики среди участников движения, и его системный характер предопределяет использование рациональных или логических доводов аргументации.

Наиболее распространенной формой *логической аргументации* является доказательство, которое использует либо факты, либо аксиомы. В случае с ГН стоит говорить о фактах, т. е. о данных словарей, справочников, грамматик, качественных интернет-ресурсов и пр., как, например, в следующих аргументированных высказываниях:

1) – Как правильно: ВУЗ или вуз?

Алиса: исключительно вуз. Источник: Розенталь.

2) – Форма повелительного наклонения от глагола «ехать»?

Айгуль: Ожегов считает, что поезжай – верный вариант. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/54870>. А езжай – это просторечный вариант, впрочем, тоже допустимый.

3) – Комментарий администраторов: «Однако здравствуйте».

Татьяна: Про «однако»: http://www.gramota.ru/spravka/punctum/58_504

Однако не всякий источник может считаться надежным и доверенным. Соответственно, аргументы, подкрепляемые подобными, ошибочными данными, не могут относиться к фактическим и будут считаться ложными:

1) Никита: Ладно там вам по боку на то, что запятые там нужны и на то, что восклицательные знаки – простое выражение глубины моего потрясения, а не крик. **Ожегов** вам в помощь, как говориться.

2) Евгений: афЕра!!!

Валерия: Евгений, правильно афЕра, не через е, слюварь в помощь

Евгений: Афера (от франц. *affaire* – дело)... **Большая советская энциклопедия** (1969–1978).

3) Александр: Алька, компАс, часто говорят, даже вроде в **Пиратах Карибского моря так перевели...**

В первом примере отсылка к словарю Ожегова является некорректной, т. к. он является толковым словарем, но никак не справочником по пунктуации. Во втором диалоге участник ссылается на энциклопедию, хотя энциклопедии не могут считаться исключительно верным ориентиром в области орфоэпии. В третьем случае происходит отсылка к переводу фильма. Тезис «часто говорят “компас”» верен частично, т. к. у его автора нет указания на то, что данный вариант произношения – профессионализм, а не просто частое словоупотребление. Фильмы (и переводы фильмов) со-

вершенно не являются надежными источниками проверки орфоэпических норм.

Кроме аргументов к фактам участники движения склонны использовать *аргументы к авторитетам*, которыми, безусловно, являются, как видно из предыдущих примеров, С.И. Ожегов и Д.Э. Розенталь. Второй ученый вызывает у ГН невероятное уважение, вплоть до того, что они называют его своим фюрером, как бы парадоксально это ни звучало.

Также к числу авторитетов относят академиков А.А. Зализняка и В.В. Виноградова, которые довольно часто упоминаются ГН:

1) *Сергей: Илья, ну ладно уж – Зализняку поверю. (Больно уж Виноградова не охота доставать).*

2) *Оксана: Хорошо бы такие посты подтверждать пруфами на каких-нибудь Зализняков и уже с ними. Иначе ну совсем печаль выходит...*

Очень часто в качестве авторитетного источника приводятся ссылки на Википедию:

1) *Игорь: Википедия например? Вполне себе достоверный источник, нет? <http://ru.wikipedia.org/wiki/Вы>*

2) *Вадим: любой нормальный человек встретив этот вопрос посмотрит <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ржев> и найдет пункт «этнохороним». всех, кто делает по-другому гнать вилами из сообщества. HEIL ROSENTHAL!*

Википедия является авторитетной для многих пользователей интернета (не только для ГН), вероятно, благодаря своей структурированности и универсальности. Однако ее статус как полноценной энциклопедии довольно сомнителен.

Другой *сомнительный авторитет* – Артемий Лебедев. Мнения о нем разнятся даже у самих ГН: кто-то соглашается с ним и приводит ссылки на его сайт, аргументируя свою точку зрения, кто-то не признает его языковые изыскания всерьез:

1) Алексей: все правильно - с маленькой и склоняется - тема лебедев <http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/55/>

2) Семен: Саша, грамота-ру хотя бы публикует в своих статьях ссылки на авторитетные литературные источники, как то словари, а Лебедев - вообще ни разу не авторитет.

В контексте анализа системы аргументации ГН необходимо также обратить внимание на логические уловки (софизмы) и логические ошибки (паралогизмы), встречающиеся в их речи.

Одна из частых уловок - перемещение бремени доказательства либо на какое-либо третье лицо, либо на самого оппонента:

1) Всеволод: *Хоть я и сам указал на сырость и недоработанность логичности твоих аргументов, **обосновывать мое собственное указание я, однако, не буду, так как я не твой персональный лектор по логике.***

2) Олег: *Блесну безграмотностью: не является ли выражение «в течении» аналогом выражения «на протяжении»? ... Ежели я кардинально не прав - пожалуйста, скиньте ссылку на соответствующее правило.*

Иосиф: *В течении реки, но в течение времени. Вы не правы. Если нужны ссылки, **гугл в помощь.***

В первом примере происходит отсылка оппонента к некоторому несуществующему персональному лектору по логике, во втором - оппоненту предлагается самому найти ответ на вопрос и убедиться в неправильности своих суждений, воспользовавшись поисковыми возможностями Google.

Частая логическая ошибка при аргументации ГН - ложность основания. Этот софизм использует как аргумент ложный факт, неподтвержденные гипотезы или собственные догадки участников, выдаваемые за реальность.

1) Диана: *Предлагаю запретить неграмотным доступ в интернет. И отключить функцию сообщений.*

Григорий: **в какой-то стране «банят» на день за 5 грамматических/ орфографических ошибок.**

2) Вильгельм: В словарях ударения время от времени меняют, так как **чтобы издать новый словарь требуется, чтобы в нем был определенный процент новых слов. А где их взять? Вот и мутят воду с ударениями.** Сперва говорили кУхонный, потом кухОнный. потом опять кУхонный, и так далее. Есть такое понятие, как «узус» – сложившийся в обществе обычай употребления слова. Поэтому все говорят переднепрИводная машина, а не перепривОдная, как **требуется уж не помню чей словарь.**

3) Милена: Сергей, вот про йогУрт впервые слышу.

Сергей: Милена, если честно – я тоже, но **наше «умное» министерство образование где-то это услышало и разрешило так говорить)**

4) Paul: Сдается мне, что правильное грамотное письмо – это удел генетически избранных.

Panther: Paul, я бы сказал так: действительно грамотное письмо – удел тех, кто им часто пользуется... **Если человек будет долго лежать, то он и ходить разучится.**

В первом примере без каких-либо ссылок и подтверждений упоминается некая страна, в которой якобы «банят» пользователей за ошибки, допущенные в интернет-текстах. С одной стороны, данный аргумент может быть верен в рамках описания какого-либо форума, притом в любой стране, – на подобном уровне такая практика существует (и в этом случае можно говорить не о софизме, а о паралогизме *подмены собирательного значения общим*), в то же время, осуществить контроль за правописанием в интернете всех пользователей страны технически очень сложно, и вряд ли кто-то на это пойдет (как минимум приходится учитывать свои собственные интернет-жаргонные правила).

Во втором примере для придания своему аргументу весомости автор использует лингвистический термин

(«узус»). В то же время никаких реальных подтверждений он не приводит и даже, указывая на конкретную орфоэпическую норму, не может назвать словарь-источник.

В третьем примере субъект диалога в качестве аргумента приводит слышанную в обществе позицию, хотя сам в сути вопроса не ориентируется.

В четвертом случае, если приводимый автором пример о возможности разучиться ходить не преднамеренная гипербола, то это, безусловно, ложный факт.

В качестве *паралогизма мнимого следствия* можно привести следующие примеры:

1) *David: Алина, а я вот его не прочитал, а пролистал, так как пол романа - нудятина.*

Алина: David, а я восторге от «Войны и мир», ибо я любитель классики.

2) *Елена: «Мурманск» – местное произношение.*

Алька: Елена, Я знаю много мурманчан, хотя сама из Питера. Никто из них так не говорит.

Если человек любит классическую литературу, это еще не значит, что он полюбит какое-то конкретное произведение. Точно так же если человек живет в каком-то городе (тем более в мегаполисе), еще не означает, что у него не может быть знакомых из других городов.

Помимо софизмов для аргументации ГН часто обращаются к *способу психологического воздействия на оппонента* – возбуждению гнева (путем оскорбления, унижения, высмеивания). Эмоционально возбужденный человек менее способен защищаться и приводить корректные аргументы, хотя, конечно, в интернет-пространстве с его временными особенностями это не так ярко проявляется, как в случае личного общения в реальном времени.

Никита: Плохо читали, значит. Я всего лишь указал на то, что выводы у Вас слишком уж субъективны и далеки от истинного положения дел.

Всеволод: Ты можешь оставить за собой последнее, **хоть и не обладающее никакой ценностью слово, и гордо подняв подбородок торжествующе уйти, уповая на знание «истинного положения дел».** Либо ты можешь, **отодвинув спесь и гордость, пересмотреть целостность структуры демонстрации своего доказательства...**

В теории аргументации существует понятие интуиции. Под ней обычно подразумевают прямое усмотрение истины, постижение ее без всякого рассуждения и доказательства. Однако интуиция не является какой-то сверхспособностью, а характеризует особый вид познания. ГН же в аргументации любят сослаться на свою «врожденную грамотность», полагая, что этого достаточно для объяснения правил написания. Однако такого понятия не существует, хотя бы потому, что ребенок в момент рождения еще не имеет грамматической системы языка в сознании. Аргументы к «врожденной грамотности» абсурдны:

1) Эльмира: Олег, думаю, здесь либо «**группы желающих**» (без запятой и необходимо пояснение по поводу групп), либо «**группы людей, желающихЕ**».))

Олег: Эльмира, почему?

Эльмира: Олег, **иначе режет слух.** К сожалению правил не помню. **Я из категории «этих», с врожденной.**))) Если дружите с правилами, попробуйте посмотреть. Но по поводу неверного окончания я уверена.

Роман (Эльмире): Да, **я вот тоже из этой категории,** и мне дико не нравится это «**желающих**»

2) Никита: да в интернете все и так, в основном, дефисы используют, а они – вообще орфознаки, никакого отношения к пунктуации не имеют.

Дмитрий: Никита, не удержусь не написать, итак слитно)

Никита: Дмитрий, с чего бы? Это не вводное слово в данном контексте.

Дмитрий: Никита, не знаю. Но «итак» здесь слитно.

Никита: Дмитрий, не знаете, а доказываете. Неувязочка. Я Вам доказал мою правоту. Ваша очередь. Только Вы заведомо неправы.

*Дмитрий: Никита, я уже упоминал выше, **врожденная грамотность**). Мне, как минимум, сложно объяснить, почему. Просто знаю – и все.*

Итак, анализ текстов интернет-коммуникации ГН позволяет сделать следующие выводы о системе их аргументации:

- в соответствии с целью большинства случаев коммуникации ГН используют прежде всего эристическую аргументацию;
- истинными аргументами в дискурсе ГН являются только логические, ссылающиеся на достоверные источники;
- достаточно часто ГН обращаются к софизмам (перемещение бремени доказательства, ложность основания), а в их аргументах проявляются паралогизмы (подмена собирательного значения общим, мнимое следствие);
- ГН нередко используют способы психологического воздействия на оппонента с целью возбуждения его гнева;
- представители ГН считают мифическую «врожденную грамотность» возможным и исчерпывающим аргументом.

ЛИТЕРАТУРА

Ефремов В.А. 2013. Русский язык в Интернете. – Октябрь. №5. С. 161–165.

Лутовинова О.В. 2012. Языковая личность в интернет-коммуникации. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. Монография. Под науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Флинта: Наука, С. 124–137.

Москвин В.П. 2008. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов-на-Дону: Феникс.

Риторика: Учебник для бакалавров. 2013. Под общ. ред. В.Д. Черняк. – М.: Юрайт.

ДА КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА РУССКОЙ РЕЧИ

Дарья Шершнева (С.-Петербург)

Да – одна из активных полисемантических и полифункциональных дискурсивных единиц русского языка. Статистически она является еще и самой частотной. По данным Национального корпуса русского языка, *да* входит в сотню самых популярных словоформ и словосочетаний¹. Частотность употребления *да* влечет за собой явление так называемого «даканья» – чрезмерного употребления этой единицы². Наивными носителями языка в подобных случаях оно воспринимается как слово-паразит³. Однако можно утверждать, что в отличие от других дискурсивных единиц, таких как *типа*, *типа того*, *как бы*, *так сказать*, *значит* и др., *да* свойственно речи образованных людей. В этом случае *да* можно сравнить с *ну* и *вот*. Как считает Е.А. Земская, эти единицы встречаются в речи носителей литературного языка, принадлежащих к разным возрастным группам, и не свидетельствуют о низком уровне речевой культуры (Земская 1979). Зачастую их можно встретить в публичной речи. Кроме того, *да* активно входит в состав различных конструкций с другими единицами, например, *да и*, *да ну*, *да вот* и пр. Настоящее исследование посвящено изолированному *да*.

В качестве материала был использован Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (основной (ОП) и устный (УП) его подкорпусы), а также блок «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка (см. о нем: Звуковой корпус... 2013). Всего было исследовано 600 контекстов с изолированным *да* (по 200 контекстов из каждого блока материала). Все извлеченные контексты анализировались в сопоставлении с данными таких словарей, как МАС (МАС 1999), БАС (БАС 2004) и словарь С.И. Ожегова Н.Ю. Шведовой (Ожегов, Шведова 1997).

В толковых словарях *да* описывается как частица или союз, омонимичные друг другу.

Если рассматривать *да* как частицу, то в исследуемом материале были выявлены следующие примеры:

1) Утвердительная частица:

• *Потому что, когда у мужчины спрашивают: «Любишь?», то, конечно, он отвечает: «Да» – и мучительно ищет нужные слова... [О. Зуева. Скажи что я тебе нужна... // «Даша», 2004] (ОП НКРЯ).*

В большинстве подобных примеров *да* выполняет предикативную функцию и антонимична отрицательной частице *нет*: «Значение слова ДА в контексте утверждения близко к утверждениям «Это правда»/ «Это так», то есть оно означает: я отвечаю за то, что высказанное соотносится с действительностью как адекватное ей» (см. Добрушина 2001).

2) Вопросительная частица; как правило, употребляется в конце высказывания. Это вопрос, который задают при желании получить утвердительный ответ:

• *Это же из знаменитого романа вашего писателя – Булгакова, да?* [А. Карабаш. La perla, или мало ли что? (2002) // «Домовой», 2002.06.04] (ОП НКРЯ);

• *а ты говоришь/ в Лондон в Лондон/ там круче // в Питере уже все знакомо/ да?* (ОРД).

Вопросительная частица в конце высказывания реализует также метакоммуникативную функцию. Вопрошающий не только хочет получить ответ на свой вопрос, но и поддерживает контакт с собеседником. Эта функция в словарях не выделена. Подробнее о метакоммуникации будет сказано ниже.

3) Частица в начале речи при перемене темы или воспоминании, размышлении о чем-либо. Также обладает элементом метакоммуникации:

- *Какая гордость, какая самостоятельность? Да, влюбленные глупеют. Влюбленные глупы* [Запись Live]Journal (2004)] (ОП НКРЯ);

- [Гребенщиков] *После Мусоргского я не помню никакой русской музыкальной культуры. Кое-что сделал Шостакович/ но мне это не очень нравится.* [Вопрос] *Вопрос. Да/ кстати/ ваш орден преамбулу носит «За вклад в развитие современной музыки». Но у нас/ по-моему/ современная музыка не развивается?* [Гребенщиков] Гребенщиков. Ну вот/ кроме как нами. [Б. Гребенщиков. – Пресс-конференция Б. Гребенщикова. – Интернет, 2003] (УП НКРЯ).

4) Усилительная частица:

- *Открываете холодильник, а там... салатик... Да много чего осталось. И салатик, оттого что постоял в холодильнике, стал еще вкуснее, и торт тоже стал вкуснее.* [Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)] (ОП НКРЯ);

- [№ 1, жен, 18] № 1. *Да ты сумасшедший. Хватит стебаться.* [Разговор на улице между мужчиной и женщиной. – Практиканты, 2005] (УП НКРЯ).

5) Частица со значением «пусть»:

- *Там какой-нибудь генерал, например английский или американский, да хоть итальянский, говорит: «Мы не намерены!...», или наш генерал говорит: «Мы тут разобрались в ситуации и заявляем, что мы не намерены!»* [Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)] (ОП НКРЯ).

б) Отклик на вопрос, обычно ответ по телефону:

• [Мужчина, муж] *алло/ да/ говори // У меня на тебя пятнадцать секунд // Что значит/ наш ролик не может получить Золотое яблоко?* [Рекламный ролик Московского международного фестиваля рекламы. 2010] (УП НКРЯ).

Да может выступать также как союз, омонимичный частице:

1) Соединительный в значении «и»:

• *Ну не Джоан Ролинг же ее давать, в самом деле, – это ж на один авиабилет разоришься, да гостиница, да суточные...* [Ю. Рахаева. Покупатель всегда прав. «Библио-Глобус» как зеркало книжных предпочтений (2003). – «Известия», 2003.02.11] (ОП НКРЯ).

2) Противительный в значении «но»:

• *Можно бы и смириться с этими цифрами, да на молекулярном уровне закись азота в 300 раз эффективнее другого тепличного газа – углекислого.* [Кто кого. – «Знание – сила», 2003] (ОП НКРЯ).

Помимо «словарных» значений *да*, были выявлены примеры с не зафиксированными в словарях функциями.

Во-первых, это функция метакоммуникации:

• [Т.И. Резникова, жен, 36, 1977] *Одна используется для ножей/ то есть для объектов/ которые режут/ другая используется для копыт/ то есть объектов/ которые колют/ да/ то есть с острым кончиком.* [Т.И. Резникова. Доклад на конференции «Диалог 2013». – Из коллекции НКРЯ, 2013] (УП НКРЯ).

Эта функция является атрибутом именно спонтанной речи (см.: Звуковой корпус... 2013: 161–162). Говорящий словно проверяет себя на достоверность изложенной информации. Когда речь заходит о колющих предметах, она вслух сама себе подтверждает, что сказала правильно, и далее поясняет, что копые обладает острым наконечником.

Другая не менее распространенная функция *да* – это заполнение паузы гезитации (вербальный гезитатив). «Ос-

новой функцией пауз хезитации в спонтанной речи признается продумывание речи одновременно с ее порождением и восстановление ее структуры» (там же: 131). *Да* может быть хезитативом как изолированно, так и в составе достаточно протяженных хезитационных конструкций:

• *вот дело в том что знаешь/ это в общем короче да/ и муж/ вот этой подруги взвился говорит/ ты вообще там идиотка блин* (ОРД).

Стоит отметить, что в спонтанной речи зачастую очень трудно выделить какую-то одну функцию исследуемой единицы. Чаще всего *да* употребляется сразу в нескольких функциях, проявляя свою полифункциональность. Например:

• [О. Старченко, жен, 24] *Ну/ нам на самом деле/ как любому агентству/ да/ не выгодно брать какие-то мелкие/ да/ совсем уж/ работы и клиенты/ но иногда мы можем м-м-м сработать/ что-то называется за идею.* [А. Цверов, О. Старченко. Подкаст Social Media Club. – podfm.ru, 2011] (УП НКРЯ).

Здесь *да* выступает не только как заполнитель паузы хезитации, но и как установка/ поддержание контакта со слушающим, то есть еще и в функции метакоммуникации.

Количественные данные по устной и письменной речи довольно показательны. Очень важно, что в основном подкорпусе НКРЯ не встретилось ни одного «несловарного» употребления *да*. Наиболее распространенными на этом материале оказались утвердительные и усилительные частицы – 38 и 29 % соответственно. Союзы составили 17 % от всего массива материала, а остальные 16 % – это частицы с другими значениями, указанными выше.

Совершенно иная картина получилась с устным подкорпусом НКРЯ и блоком «Один речевой день». По данным устного подкорпуса, примеры с утвердительной частицей составляют четверть выбранного оттуда материала. Однако

те же 25 % приходится на дискурсивные слова, которые совершенно не представлены в основном подкорпусе. Союзы же составляют всего 5 %. В более спонтанной речи, представленной в корпусе ОРД, на дискурсивные слова приходится 21 %. На утвердительную и вопросительную частицу – 43 и 21 % соответственно.

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что такое частотное и крайне популярное слово *да* далеко не в полной мере описано в словарях разного типа. В частности, далеко не все особенности его функционирования описаны должным образом. Это во многом объясняется тем, что «несловарные» функции выделяются только на материале устной речи и не получают распространения в письменном языке. Тем не менее, *да* является не только полисемантической, но и полифункциональной единицей русской речи и, несомненно, должна быть включена в словарь дискурсивных единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://ruscorporu.ru/1grams.top.html>.

² Различные дискуссии по поводу «дакания» широко распространены в интернете на всевозможных форумах, посвященных русскому языку, и не только. Например: «Вы гляньте, как теперь все повадились «дакать». Каждое второе слово — «да». По вот такому принципу: «Вот вы гляньте, да, как теперь дакают, да?»» (<http://www.proz.com/forum/russian>).

³ На одном из форумов пользователь активно возмущался, что *да* «портит» русскую речь: «Действительно, появилась новая мода на такие слова-паразиты, как вопросительное «Да»? и «Как бы». По радио и по телевидению люди что-то скажут и потом ни к селу, ни к городу вопрошают «Да»? Например: «Задымление в Москве объясняется гниением торфа.

Да?» И идет дальше. Что означает это «Да», к чему оно вставляется - никому непонятно. Понятно только, что это новая мода, новое слово-паразит, не несущее никакой нагрузки, а лишь засоряющее русскую нормальную речь» (<http://www.woman.ru/>).

ЛИТЕРАТУРА

БАС. 2004. Большой академический словарь русского языка. Под ред. К.С. Горбачевича. СПб.

Добрушина Е.Р. 2001. Существует ли симметрия значений слов ДА и НЕТ?.- Диалог 2001. Dialog 2001. Computational Linguistics and its Applications. International Workshop. Таруса.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. 2013. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. Коллективная монография. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.

Земская Е.А. 1979. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Флинта: Наука.

МАС. 1999. **Словарь русского языка.** В 4 тт. М.: РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. М.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1997. Толковый словарь русского языка. М.

SUMMARY

LAURENCE STERNE AND IVAN MARTYNOV'S
«PHILOSOPHY OF SIMPLICITY»

P. Budrin

The article shows how «the Sterne craze» influenced the work of Ivan Martynov (1771 – 1833) – a prominent figure of the Russian Enlightenment. In 1796, at the age of 25, Martynov, who had received clerical training but decided not to pursue a church career, started publishing the «Muza» («Muse») magazine, which printed works of some of the best writers of the time. Laurence Sterne's name is often mentioned in the journal. Martynov's autobiographical novel «Filon» («Philo»), which was serialized in the journal, depicts a «sentimental journey» of two young men from a remote Ukrainian village to Moscow. In 1804, Martynov edited the Saint-Petersburg journal «Severny Vestnik» («The Northern Messenger»), on whose pages an interesting discussion about the personality and works of Sterne took place. Sterne's name does not appear in Ivan Martynov's later letters and memoirs, but it is argued in the article that they are marked by a characteristic influence of the author of «Tristram Shandy» and «A Sentimental Journey».

«AND I AM NOT A GENIUS?»: YOUNG DOSTOYEVSKY AND
«THE INTELLECTUAL ARISTOCRACY» OF PETRASHEVSKY
CIRCLE

I. Kravchuk

In this article are discussed young Dostoyevsky's views on a relation of literary reputation, creativity and economic questions (including within «communal experiments»).

G. CHULKOV'S REVIEW OF THE «VESY» MAGAZINE («APOLLO» 1910, No7): PRECONDITIONS AND CONSEQUENCES

A. Chaban

The article investigates the episode in publishing history of the «Apollo» magazine. In 1910 G.Chulkov's review, «Vesy» («The scales») became the center of the conflict between the symbolists and postsymbolists streams. The behavior of the conflicting parties (from one hand – «Apollo»s editorial board, Makovsky, Znosko-Borovsky, Gumilev; from other hand – V.Bryusov) during that episode shows the changes in literary process of the 1910s, how postsymbolism replacies symbolism.

THE OPPOSITION «ENEMY – HERO» IN MILITARY POPULAR PRINTS OF V. MAYAKOVSKY

N. Mikhalenko

In «Today's popular print» posters of 1914 (poster authors: V.V. Mayakovsky, K.S. Malevich, D.D. Burliyuk, V.N. Chekrigin, I.I. Mashkov, A.V. Lentulov), dedicated to armed hostilities of the beginning of World War I the Russians are depicted in their moments of victory and decisive strikes, while the image of the enemy is belittled in every way (ineptitude in waging war, cowardice, stupidity, greed etc.). Opposition of heroes and enemies is created through color, arrangement of print space, positioning of people, contraposition of a hyperbolized hero image to a small, powerless, often imbruted enemy. Also are used versified captions to the prints made by Mayakovsky, known for their extreme laconism, slangy lexicon and a clear-cut author's position. Drawings and captions of the «Today's popular print» are equal-sized, creating unity and making visual propaganda understandable, vivid and emotional.

SOME ASPECTS OF FORM AND CONTENT IN VELIMIR KHLEBNIKOV'S CREATIVE WORK

K. Panas

The present work is an attempt to clarify the relationship between form and content in Velimir Khlebnikov's poetry. Coexistence and interaction between these two components, taking into account the complicated extra-rational language theory, constitute one of the major points of contention in terms of the analysis of Khlebnikov's lyric. Attempt to settle the dispute about the priority of one of these issues is supported by the analysis of the views of prominent researchers Khlebnikov's creativity. Multiplicity, complexity and extreme points of view on a given issue demonstrate its extremely important role in the interpretation of not only individual poems, but also the entire creative work of Velimir Khlebnikov.

N.F. FEDOROV'S DOCTRINE IN THE AESTHETICAL- LINGUISTIC CONCEPT OF A.N. CHICHERIN

A. Goncharenko

Nikolai Fyodorov's teaching had strong influence on the Russian avant-garde. Poet constructivist Alexey Nikolaevich Chicherin had been worked on reforming of literary process over the years, as a result his conception had polysynthetic structure. One of the fundamental elements of his conception is the Fyodorov's ideas of revival of the fathers.

«ME, ME, ME. WHAT A BARBAROUS WORD. IS THAT
STRANGER - REALLY ME?»: ABOUT THE EGOCENTRICITY
COEFFICIENT IN THE POETRY OF VL. KHODASEVICH

A. Rubtsova

The article proposes a new formal method of quantification the author's presence in the text. For that reason there was created a new term - «Egocentricity Coefficient». The paper deals with explanations of this phenomena and applies the new method on Vl. Khodasevich's poetry consisted of five poetical books.

EMPTINESS OF EMPTINESSES, OR ALMOST COMPLETE
PELEVIN

T. Boeva

Y. Lotman in his article «Emptiness as a Fundamental Problem» (1993) notes that «<...> emptiness becomes the foundation of not yet used reserve of science. This remark has not lost relevance to the present day – in fact, the concept emptiness could be found at the intersection of science and art, but still have not clearly understood in literary criticism, although is widely used in the literature. Despite the growing interest in Buddhism and its basics, its important concept of emptiness is difficult to adapt to European consciousness and even more difficult to apply in the scientific field. The main difficulties here are not only in defining the term and in understanding the nature of emptiness, but in the separation of science, religion, art and philosophy. Although today's interdisciplinary approach is highly regarded, its methodology is more of experimental character. Dualistic view of the world is a significant obstacle not only for the understanding of emptiness, but also for understanding the universe in general. Lotman's special interest to concept of emptiness in his later

works, gives us an impulse to continue the scientific development of this theme in literature context. The article emphasizes value and importance of emptiness in the study of the literary text on the materials of V. Pelevin's novel «T».

II

THE DISEASE METAPHOR IN THE CONCEPTUAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF THE USSR IN THE POSTSOVIET MEDIA DISCOURSE

L. Adiasova

The article observes the metaphorical representation of the concept of the Soviet Union in the modern Russian media discourse. The research focuses on the main features of functioning and persuasive opportunities of the disease metaphor in the conceptual representation of the USSR in the media. The analysis is based on the material of the media Russian National Corpus (2000-2010) and data from the Internet. Wide usage of the disease metaphor in the political and media discourse is considered to be a characteristic trait of problem historical periods. In the contemporary Russian media discourse this metaphorical model is one of the most active. The paper examines the main frames and slots of the studied metaphor. Among the most actively represented in the media discourse slots of the metaphor are following: «mental illness», «serious health condition of the patient», «resuscitation», «death of the patient.» The results show, first of all, the exceptional importance of the studying of the disease metaphor for the media discourse, its adaptation to modern social and political conditions, as well as significant manipulative potential, to which periodically appeal modern media in the process of informing the public.

GENDER STEREOTYPE OF A BRAGGART MAN IN RUSSIAN LANGUAGE: VERBALIZATION BY FOREIGN WORDS AND SEMANTIC FEATURES

K. Berezovsky

Gender stereotype *braggart man* can be expressed by the following foreign words, such as *fanfaron* (фанфарон) and *blaguer* (благер). A word *fanfaron* (fr. fanfaron 'brave in words and not in deeds, braggart') was a very popular word in Russian language and was included in many Russian dictionaries, whereas *blaguer* (fr. blagueur 'derisive, braggart') wasn't. In order to compare the two above mentioned words we can consider a number of contexts with these words in the Russian National –Corpus – there are 97 contexts with *fanfaron* and only 4 with *blaguer*. By the way the word *fanfaron* was commonly used during more than 200 years, when *blaguer* was used only 3 times in the middle of the 19th century and once in the first half of the 20th century (as per the Russian National –Corpus).

Diachronic research aspect of different lexicographical sources and texts of Russian literature makes it possible to analyse semantic dynamic of these words, consider pragmatic component of it's semantic, determine it's culture significance and understanding of the *braggart man* gender stereotype. Moreover, comparison of the words *fanfaron* and *blaguer* with other gender tagged words such as *petimetr* (петиметр), *frant* (франт), *fat* (фат) and *dandy* (денди) shows similarity of the two man stereotypes: the *braggart man* and the *fashionable man*.

CLASSIFICATION FUNCTION OF FORMS OF ADDRESS IN THE MAGAZINE FOR CHILDREN "CHIZH" (1930-1941)

A. Brykova

A form of address is very difficult linguistic unit because it more than others connects with extra linguistic situation. Choice of that form defines speakers' social roles. Forms of address have many functions and one of them is classification one which was studied in the texts from the magazine for children "Chizh" (Chizh is the abbreviation from "Extremely Interesting Magazine" - "Чрезвычайно Интересный Журнал". But it also means "siskin") — one of the main USSR magazines of this kind.

In the article different types of forms of address from two thematic groups — profession and etiquette ones — are described.

Analysis of forms of address of profession thematic group showed that there were two social system: adult's one and children's one. And the Russian language reflected it. The lexical markers of the last system were "pioneer", "little octobrist", "ochagovetz" (a child who goes to kindergarten, ochag).

From the etiquette forms of address the most important words are "comrades" for adults and "children" (ребята) for children. They were functionally identical and meant people (adults or children pro tanto) who were citizens of USSR, were members of a new society and participated in the life of the country. On the semiotic level these words were included in the opposition "friendly — unfriendly" or much better "social — dissocial". In the "dissocial" part of opposition such word as "kids" (дети) is included. It was name for that who couldn't participate in social life because of age and lack of knowledge.

Using forms of address in magazines for children is very important because it helped readers to understand foundation of social relationship (new social system which formed in USSR in that period of time as well), so it had special pedagogic function.

FUNCTIONING HOMOGENEOUS PREDICATES IN OLD RUSSIAN LANGUAGE MONUMENTS XV-XVI CENTURIES

V. Danilova

The article is discusses a question about functioning of the homogeneous predicates in written monuments of Old Russian language of the XV-XVI centuries. Material for analysis were the three written monuments of Old Russian period: «The Life of St. Sergius of Radonezh», «Domostroy» and the Law Book of 1497. These written monuments have attracted the attention of many researchers, but homogeneous predicates did not become the subject of a separate observation. After analyzing the linguistic literature, the author notes the existence of the scientific environment several points of view to solve issues related sentences with homogeneous members.

During the research the author of the article distinguished and analyzed three hundred designs with homogeneous predicates. These syntactic designs were considered from a position of their morphological expression, lexical and semantic expressiveness, frequency of their use, location in the text and number of members in one homogeneous series.

The analysis on the use of single-function predicates «The Life of St. Sergius of Radonezh», «Domostroi» and the Law Book of 1497 allows to conclude that this syntax designs marked in the period of Old Russian language and differed in their use depending on the genre affiliation written monument.

A PROVERBIAL CHECK OR WHAT ARE PROVERBS USED FOR?

A. Gavrilenko

A proverb is one of the situationally determined folklore genres. Therefore, to catch it and above all to understand its sense

is possible by means of the context of its using. A subject of my research is a proverb as a phenomenon of speech not language. And studying proverbs as phenomena of speech practice presets for me special requirements to the material. It is records of spontaneous speech that were made by me during the field work in Archangelsk region.

In the paper the results of semantic and pragmatic analyses of one proverbial block are presented (a proverbial block is a thematically marked fragment of speech during which a speaker uses a proverb or proverbs). When the position of a speaker becomes vulnerable he or she uses proverbs as an argument thereby “a discursive airbag” is created. Appealing to the genre of “popular wisdom”, a speaker strengthens his or her position by means of the reputation of genre and in that way keeps control above the speech situation. The reputation of “wisdom” and “common knowledge” defends a speaker in the controversial points.

Nevertheless such a strategic move is just a check not a final victory because an interlocutor who has a sufficient speech competence can reject the views by remembering successfully, for instance, an antonym proverb that is also “the popular wisdom”. Tactics of speech manipulation, attack and defense are found in the center of my research interests.

CHURCH SLAVISMS AS TEXT-FORMING CONSTITUENTS OF REGIONAL OFFICIAL DOCUMENTS OF THE 18TH CENTURY

I. Gerasimova

Despite the idea about the domination of colloquial elements in official language that was institutionalized in linguistics in the second half of the 20th century, the contemporary researchers mark the significant influence of language means of

Church Slavic origin on document texts of the 18th century. The 18th century is traditionally defined in scholarship as the initial period of formation of the national Russian literary language marked by stylistic differentiation.

Official documents of the 18th century represent a special layer of the Russian literary language characterized by the specific system of interconnected text units at all levels, which are subordinate of the complex of distinctive communicative aims. The object of the research is represented by the documents of Mikhailovsky ataman of Cossack village preserved in the state archive of Volgograd region. The study of Church Slavisms functioning seems to be effective during the research of the problem of structural and semantic organization of documents of the 18th century, which can be solved by means of analyzing the text-forming categories.

In regional official documents Church Slavisms representing the constitutive text categories, take part in the organization of textual space. The functional properties of these lexemes contribute to the realization of basic text categories such as intentionality, informativity, cohesion and coherence. The analysis of Church Slavisms functioning in regional documents enabled the author to reconstruct the intralingual relations between these lexical units as well as the pragmatic features of official texts of the 18th century.

THE USE OF SEMANTIC STRUCTURE FOR MEDIA TEXT DIFFERENTIATION

P. Glazko

Identifying genres in contemporary mass media is becoming more and more challenging due to a number of reasons such as hybridization of media text types, technological convergence, the increasing importance of author's attitude and

interpretation of the events and phenomena described etc.

The publicistic essay is considered one of the most popular genres in today's newspapers and magazines. Nevertheless, the features that would help differentiate the essay from other media genres remain unclear.

In our study we attempt to prove that semantic structure (the theory of T. A. van Dijk) of the publicistic essay can be a genre differentiating criterion. It elucidates the structural specificity of the given genre in terms of semantic components. The semantic components are singled out on the basis of corresponding unambiguous linguistic means.

PAUSES OF HESITATION IN THE SPONTANEOUS SPEECH IN NATIVE AND NON-NATIVE LANGUAGES

M. Kazak

One of the main features of the spontaneous speech is a lot of pauses because of speaking and thinking in the same time. this phenomenon can be considered as universal for the spontaneous speech in general, but it also depends on the language - native or non-native - what a person speaks.

This report presents the results of analyzing the different types of hesitations in French and Russian spontaneous speech of French. In it are compared their quality and quantity in the native (French) and non-native (Russian) languages and the reasons of their emergence.

For this purpose a selection of 8 entries and 4 French informants was made, the acoustic analysis of records to identify the types of hesitations in speech of informants was observed. In the future the increase quantity of informants is planned for wider analysis of different types of pauses of a hesitation.

THE PROCESSES OF TERMINOLOGIZATION AND
DETERMINOLOGIZATION AS A MEANS OF FORMATION
OF SYNONYMOUS-DOUBLET FORMS (illustrated by the
analysis of the functioning of linguistic terms «абстракт-
ный» and «отвлеченный»)

N. Madzhuga

The coexistence of the pair of equivalent terms «абстрактный» - «отвлеченный» was caused by two reciprocal processes – terminologization and determinologization. Such phenomenon quite often occurs in the area of terminology. That is why at the moment it is suggested to call them doublets in the sphere of scientific language (during the period of their simultaneous functioning – II half of XIX – XX centuries). In the common-literary language it is expedient to call them synonyms in a narrow sense from the moment when the word «абстрактный» was borrowed to the common-literary language from the language of science and, thus, the first cases of its scientific usage appeared.

The almost simultaneous terminologization of one word and determinologization of another caused the emergence of this particular pair of terminological variants, but this does not mean that all the terms-doublets appear the same way. Nevertheless, according to the research of the Czech linguist K. Sochor, more than 90 per cent of terms turn to be borrowed words (Капанадзе 1956: 76). Therefore, in the borrowing language there occurs assimilation, which, in the case of the terms-borrowings, frequently leads to determinologization.

The processes of terminologization and determinologization are dynamic, they tend to develop fast, and these developmental changes should be reflected in contemporary dictionaries.

According to our opinion, it is necessary, as a maximum, – to create new terminological-synonymous or synonymous-doublet dictionaries in order to describe the words that have

synonyms in the common-literary language and, at the same time, - doublets in the language of science. At least, it is essential to create historical handbooks and directories of the terms-borrowings, which should contain references to their original equivalents and descriptions of the features that such words get in various spheres of functioning. This could help the researchers to predict further behavior of such variants in the language, specialists – to use their terminology properly and timely and, therefore, to facilitate the solution of the main terminological problem – the problem of expression and content planes' reciprocation.

PROFESSIONAL VOCABULARY AND TERMS IN LITERARY REVIEWS

N. Molitvina

In discussions of recent years professional community of writers and literary critics argue how the style of reviews is changing. A reviewer has a large amount of language expressions and an ability to improvise with the style. While this pragmatic, typical for literary and art criticism genre became shorter and easier, it demands not less special knowledge, professional background and skills that reflects on linguistic means and language special features.

A case study of literary journalism and literary criticism both shows us that terminological phrases appearing in it are strictly functional. Professional vocabulary and terms help to present a book as a product, to create an image of it and interpret its main ideas. With the help of lexicon borrowed from a professional sphere addresser gives definitions to plots and genres, makes unexpected comparisons and brings the significant context. In books observers' practice additional, ambiguous, non-codified meanings appear. Sometimes special vocabulary creates an image of a professional to be trusted. Moreover, it becomes a source of expression and a feature of individual style.

Some concepts change their status from professional to general use, some differ in pronunciation. Most of them nowadays refer to the mass audience, that's why the professional discourse together with science, literature, journalism and advertising is worth of being an object of a research.

The article gives examples of sophisticated intellectual game appearing in contemporary printed and online reviews that attracts, intrigues, hints, evaluates and advertises as well.

ARGUMENTATION IN GRAMMAR-NAZI'S DISCOURSE: TRUE AND FALSE

E. Petrenko

Grammar Nazis (GN) appeared in the Runet a few years ago. The idea of this kind of language purism was taken from the West. The main idea of the movement is increasing of literacy rate of population by all possible means, though the means are usually limited with just pedantic corrections of errors made by other members of the movement.

The most popular topic of discussion for GN is language, and its system nature determines to use rational and logical arguments. However, not all of them can be defined as 'true arguments': some of them are false. The only true arguments in GN's discourse are those that refer to authoritative resources (such as the Rosental's Grammar Guide or the dictionary by Ozhegov and Shvedova or the site www.gramota.ru etc.). There are lots of false arguments that contain references either to unauthoritative resources (as Wikipedia or the site of A. Lebedev) or to resources, which are inconvenient for the particular issue (as the dictionary by Ozhegov and Shvedova in discussion on punctuation).

Along with argumentation of GN in the article are analyzed some sophistries used by them, for example moving of the burden of proof ("You're wrong. If you need proves, google

it”) or falsity of an argument (“If a man lies for a long time, he will forget how to walk”). In the argumentation there are also such paralogisms as substitution of particular meaning by general (‘in the country’ instead of ‘on the one web-site’) or imaginary consequences (“I love ‘War and Peace’ because I love classics”).

One of the most absurd arguments of GN is ‘inherent literacy’ of some of them (“I cannot explain why but I’m right. I just know it. It’s all about my inherent literacy”). There is no such term in linguistics as a newborn child does not have a grammar system of the language in the mind yet.

GN widely use tactics of psychological impact on their opponents (either on other users or on the other GN). The goal of this tactic is to kindle opponent’s anger as emotionally excited communicant is less able to defend themselves and to find correct arguments.

ДА AS LEXICAL AND FUNCTIONAL UNIT OF RUSSIAN LANGUAGE

D. Shershneva

The study subject of this article is functions of a word да in modern Russian speech. The research was based on Nation corpus of Russian language and corpus “One speaker’s day”. In Nation corpus was chosen main subcorpus (written language) and verbal subcorpus (speech language). From Nation corpus was taken 400 contexts and in “One speaker’s day” was made fullselect. All the contexts consist only “isolated” да. Spoken language is changing constantly and a lot of units take new functions and meanings which are not recorded in dictionaries. For example, it can be such function as a verbal hesitation, which is very common in spoken language:

[Ольга Старченко, жен, 24] Ну / нам на самом деле / как любому агентству / да / не выгодно брать какие-то мел-

кие / да / совсем уж / работы и клиенты / но иногда мы можем м-м-м сработать / что-то называется за идею [А. Цверов, О. Старченко. Подкаст Social Media Club // podfm.ru, 2011]

In the article describes both “dictionary” and “nondictionary” contexts in written and speech language.

ITALIAN WORDS IN RUSSIAN FICTIONAL AND EPISTOLARY PROSE OF THE 1 HALF OF 19TH CENTURY (evidence from the novella “Rome” by N. Gogol, from the “Letters from France and Italy” by A. Herzen, from the travel essays by A. Ivanov And From The Letters By K. Bryullov)

L. Vasilenkova

Many linguists devoted their works to the theme of the various loanwords in the Russian language. However, despite numerous researches concerning this sphere, the lexicon borrowed from Italian still needs to be studied more profoundly. Besides, in most cases researchers scrutinize the use of the Italian words without paying attention to the style and the functions of the language units and the content of the text, they are used in. The author of this article studies Italian words in the novella “Rome” by N. Gogol, in the “Letters from France and Italy” by A. Herzen, in the travel essays by A. Ivanov and in the letters by K. Bryullov and points out their functions in the narration. Also the author indicates the sphere of their use, analyzing Italian words in the texts, and notes which realities are interesting for writers and which – for artists. Analyzing texts are replete with notions which had been appeared in the Italian culture, and these notions subsequently became popular in Russian. The using of Italian words is regularly. Every Italian word has significance in the text. It’s very important that loanwords from the Italian language are not only used actively, exposed to phonetic and / or morphological adaptation, they also have defined function in the

narration. This function can vary depending on the task which the writer or the artist allotted.

OFFICIAL INTERNET COMMUNICATION AS A FORM OF BUSINESS COMMUNICATION

J. Velman-Omelina

Today official communication increasingly takes the form of online communication. The usual business letters are replaced by electronic, communication between corporations and individuals already seems impossible without the use of the Internet environment. Also in the electronic form compiled and stored various documents. But beyond all this, there is an online communion, which is close to the oral communication.

This article is devoted to some characteristics of casual official/commercial communication in Russian in the context of diaspora. As system tracking of official speech for the technical and ethical reasons, and also standards of confidentiality is difficult, a language material of the analysis source one of thematic Internet forums (Бизнес Форум Эстонии) and the personal observations of the author which have been accumulated during teaching of business Russian.

OPERATION OF ACCENTUAL DOUBLETS IN DIFFERENT CONTEXT (BASED ON NOUNS)

T. Verkhovceva

This article is dedicated to the description of accentual variation in Russian speech. Despite many researches on this subject, several aspects are still unsettled. This research and conclusions are based upon accentual doublets (nouns), which have equal variants of stress (e.g.: Искра-искРА, щЕпотЬ-щепО-

ть, пЕтля – петЛЯ, прИгоршня-пригОршня). In particular, in the search was made a hypothesis, that the position of the stress in such nouns depends on the context: in a fixed phrase (e.g. искра таланта, креститься щепотью, затянуть петлю на шее) the position of the stress fixes, in other context accentual variation still remains (e.g. затянулась петля, искра фейерверка, щепоть соли). Hypothesis testing is based upon different groups of native speakers: men - women, elder - younger, philologists - non-philologists. The conclusions of research could be used in the updating of pronouncing dictionaries. Similar experiments could detect the tendency of stress shifting and future accentual standards.